

Древности ТАШКЕНТА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ ТАШКЕНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ. 1976

Предлагаемая читателю книга написана на материалах раскопок и освещает вопросы исторической топографии части культурного региона р. Чирчик, вошедшей в пределы современного Ташкента. В книге рассматриваются стратегия, планировка, фортификация, застройка, характер занятий жителей, место и роль в экономической и общественной жизни округа Ташкента (Шаша) V—VIII вв.

Работа представит интерес для археологов, историков, студентов вузов и всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Ответственный редактор
акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ

ОТ АВТОРОВ

Настоящий коллективный труд продолжает публикацию материалов и результатов археологического изучения, осуществляемого на территории столицы Узбекистана — Ташкента.

Десять лет прошло с того времени, как подземные толчки нарушили привычный трудовой ритм большого города, причинили ущерб многим общественным и административным зданиям, разрушили доставшиеся в наследство от прошлого века жилые дома. На помощь городу пришла вся страна, предстояло не только восстановить его, но и сделать полностью современным и комфортабельным, т. е. реконструировать радикально. Закладывались новые благоустроенные жилые микрорайоны, расширялись и выпрямлялись улицы, превращаясь в широкую гладь проспектов, площадей и бульваров, устремлялись ввысь многоэтажные здания из стекла и бетона — первые «небоскребы», рассчитанные на большой запас сейсмической прочности. Городскую территорию во всех направлениях прорезали траншеи коммуникаций, коллекторов и, наконец, тоннели первой очереди столичного метро. Вот тогда бок о бок со строителями начали работать археологи специально созданного Ташкентского отряда Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Территория разрастающейся столицы тайла огромное количество памятников материальной культуры древности разных категорий и хронологических периодов. Здесь обнаружены следы пребывания первобытного человека, найдены его каменные орудия, относящиеся к эпохе верхнего палеолита. В конце II тысячелетия до н. э. город посещался группами скотоводов, оставивших здесь могильники. Но, располагаясь на террасе р. Чирчик, город составлял часть плодородной, хорошо обводненной долины, с древности удобной для развития земледельческого хозяйства.

В этой части земледельческого оазиса имеется большое число руин древних городов, поселений, замков и усадеб, которые в виде бугров разной высоты сохраняются среди многоэтажных домов, либо зелени окраин. Грандиозный размах строительных работ, в которых рождался современный прекрасный Ташкент, дол-

жен был смести и поглотить многие из них, и нельзя было допустить их гибели для науки. За время работ Ташкентского отряда выявлено 46 наземных объектов, среди них изучались 5 городищ, около 25 замков и поселений; большое число памятников обнаружено уже в процессе рытья котлованов и траншей при строительстве. Обилие населенных пунктов в ташкентской части долины отмечено средневековыми историками и географами и снискало Шашу в X в. репутацию «страны тысячи городов».

Большинство поселений принадлежало оседлому земледельческому населению, использовавшему под посевы территорию долины, орошенную главными ташкентскими протоками — каналами Салар, Бозсу, Анхор, Калькауз, Карасу. Материальная культура насельников относится к каунчинскому кругу, столь характерному для всего Чирчикского оазиса и областей по среднему и верхнему течению Сырдарьи. Наиболее примечательным компонентом застройки оазиса в период раннего средневековья наряду с поселком общины был хорошо укрепленный замок, принадлежавший феодалу — дехкану. Немалую роль играл в жизни раннефеодального общества город — средоточие ремесленного производства и торговли.

В настоящую публикацию вошли результаты изучения одного такого городского центра, возникшего на берегу Чирчика и дошедшего до нас в руинах городища Ханабад, расположенного на бывших землях совхоза имени XXI партсъезда, ныне включенных в Сергелийский район Ташкента.

Раздел «Городище Ханабад» включает материалы изучения цитадели (Э. В. Ртвеладзе и Л. Л. Ртвеладзе), стратиграфии шахристана и фортификационных сооружений (Л. Г. Брусенко, М. И. Филанович, Л. Л. Ртвеладзе), позволившие воссоздать картину сложения и развития с VI по XIII вв. города, расположенного у р. Чирчик, возможно, вблизи древней переправы и бывшего центром транзитной торговли.

Раздел «Памятники в долине Салара и Карасу», написанный Д. Г. Зильпер, посвящен характеристике поселений и городов, возникших в акватории этих протоков и отличающихся наибольшей древностью по сравнению с остальной территорией Ташкентского района. В него вошли новые материалы изучения Мингюрюка — изначального городского центра Ташкента и результаты рекогносцировочных раскопок городища Кугаиттепа — крупного городского пункта с мощной цитаделью, расположенного как и Ханабад на торговом пути из Согда в Семиречье и Китай. В этом разделе помещены также материалы разведочного исследования поселения Таукаттепа.

В IX—XII вв. основное городское ядро Ташкента переместилось с территории Мингюрюка на запад, на канал Бозсу и Калькауз, где на ранее болотистой, но к IX в. осушенной территории возник новый населенный пункт, быстро превратившийся благодаря расположению на торговом пути в самый крупный город

Шаша, именуемый письменными источниками Бинкетом. Средневековые авторы описывают его как хорошо снабженный водой, укрепленный оборонительными стенами город, который состоял из цитадели, шахристана и двух рабадов — внутреннего и внешнего и простирался в длину и ширину на один фарсах. Сами руины Бинкета скрыты под современной городской застройкой Ташкента и изучение их доступно лишь при перепланировке, строительстве и связанным с ними отчуждением существующих кварталов. Непрерывающийся цикл городского строительства идет параллельно с археологическими работами на городище Бинкет. Каждый такой археологический «поход» дает новые материалы и факты к характеристике и датировке городской жизни Бинкета, последовательности освоения городской территории, внутренней топографии жилых и ремесленных кварталов, состава ремесел и их продукции.

В разделе «Новые данные археологического изучения городища Бинкет» В. А. Булатова и М. И. Филанович вводят в научный обиход новые материалы к истории Бинкета, полученные в связи с закладкой в его южной части котлованов под здания институтов Ташгипрогор и Средазгипроводхлопок. Раздел «Продукция гончарного ремесла Бинкета», написанный Л. Г. Брусенко, посвящен гончарному производству Бинкета и содержит хронологическую классификацию, археологический и искусствоведческий анализ его продукции. Материалом для исследования послужили сборы неполивной и глазурованной керамики, сделанные за все годы работы на городище. Монографическое исследование керамики Шаша до сего времени не осуществлялось, работы же в Ташкенте принесли большое количество керамического материала, отличающегося высокими технологическими качествами и ярко выраженными специфическими чертами, выделяющими шашскую керамическую продукцию на фоне синхронных производственных центров Средней Азии. Выделенная группа высокохудожественной глазурованной керамики X—XI вв. оправдывает отзыв современников о посуде Шаша, как не имеющей себе равных.

Завершающий работу раздел В. А. Булатовой содержит обобщенную историко-топографическую характеристику Ташкентского района, основанную на результатах изучения разных категорий памятников. Их комплексное рассмотрение позволяет наметить пути развития и особенности быстро идущего процесса градообразования в Шаше в V—XII вв., определяющегося пограничным расположением этой земледельческой области с кочевой степью, прохождением главных торговых магистралей и близостью горно-рудных месторождений.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ В ОКРУГЕ ТАШКЕНТА

ГОРОДИЩЕ ХАНАБАД

В течение многих лет городище оставалось неопознанным. В опубликованной Д. М. Граменицким статье приведена местная легенда об осаде города Ханабад, т. е. «ханской ставки»¹. В 1896 г. холм Ханабад упомянут в числе других памятников старины Ташкента на заседании ТКЛА в сообщении топографа М. С. Костенича².

Позднее на антикварном рынке в Ташкенте появляется масса старинных предметов, найденных якобы в Ханабаде, а в действительности являвшихся этнографическими кульджинскими предметами XIX в., которые тем не менее привлекли внимание археолога-инженера И. Г. Пославского. В 1907 г. им дано краткое описание развалин городища, но при невысоком по тому времени уровне археологических знаний он не смог датировать эти отложения и в целом все поселение³. В том же году с городища снят схематический план⁴.

Начало специальному археологическому изучению городища положено работами М. Е. Массона в 1934 г. по линии Таджикско-Памирской экспедиции, а с 1949 г. по линии СНАКа при кафедре археологии САГУ.

Историко-топографическое обследование городища в 1934 г. и анализ разобщенных источников дали возможность отождествить его развалины со средневековым городом Нуджкет (نوجکت у Макдиси)⁵, местонахождение которого вблизи р. Чирчик установлено на основании сведений о том, что из Нуджкета происходили лодочники, работавшие на реках Парк (Чирчик) и Хашарт

¹ Д. М. Граменицкий, Заметка о древних урочищах Туркестанского края, «Туркестанские ведомости», 1879, № 12.

² Протокол заседания ТКЛА от 26/II 1896 г., Ташкент, 1896, стр. 19.

³ И. Г. Пославский, О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика, ПТКЛА, год XII, Ташкент, 1908, стр. 39—45.

⁴ Н. П. Остроумов, И. В. Аничков, Описание археологических и нумизматических коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и ТКЛА, Ташкент, 1900.

⁵ М. Е. Массон, Ахангеран, Ташкент, 1953, стр. 41.

(Сырдарья)⁶. Не вызывает сомнения и утверждение М. Е. Массона о несовпадении древней и современной магистрали на отрезке Ташкент — Тойтюба, древняя трасса которой проходила параллельно и несколько западнее нижней магистрали, а переправа через Чирчик совершалась вблизи Ханабада⁷.

В 1934 и в 1949 гг. по микрорельефу еще было возможно воссоздать планировку городской площади, причем именно периода развитого феодализма, мощность культурных слоев достигала 4 м⁸.

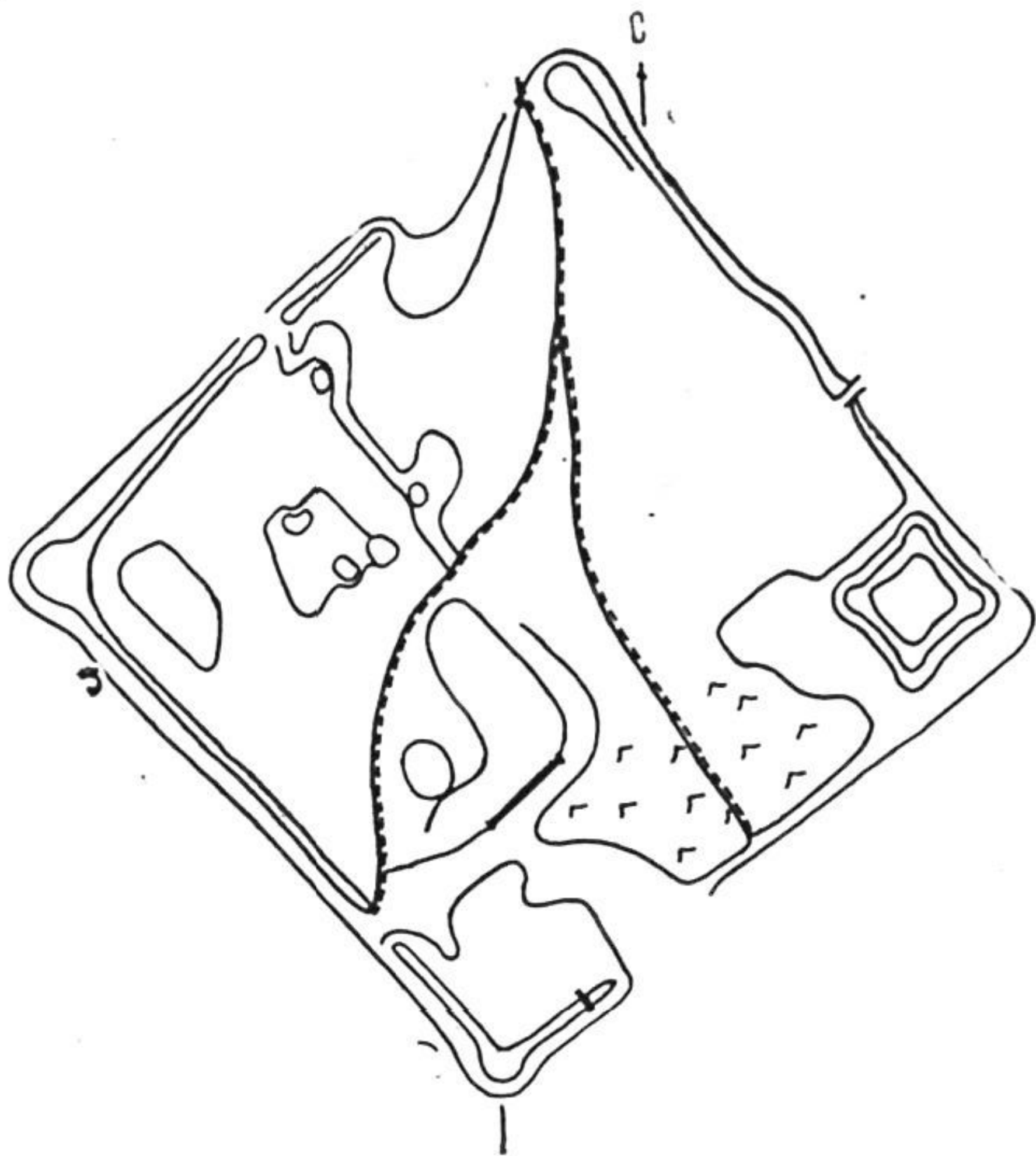

Рис. 1. Схематический план Ханабада (по М. Е. Массону)

М. Е. Массон дает следующее описание: «Развалины причирчикского Ханабада представляют собой очень типичное средневековое феодальное городище. Его шахристан, почти квадратный в плане, со сторонами в среднем 530—540 м (рис. 1)

⁶ Худуд ал-алем, рук. Туманского, Л., 1930, л. 246.

⁷ М. Е. Массон, Ахангеран, стр. 41.

⁸ И. Баишев, В. М. Массон, Археологические разведки в районе Ташкента, Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956.

В восточном углу имеется почти квадратная цитадель. Здесь не только различаются места ворот и башенных выступов городской стены, но рельеф поверхности позволяет наметить направления главных улиц, установить некоторые кварталы, места отдельных зданий, керамических мастерских и хаузов⁹.

Визуальное обследование городища без специального археологического изучения привело к ошибочной датировке его только периодом развитого средневековья.

Не уточнена датировка городища и в статье И. Баишева и В. М. Массона¹⁰, где описывается топография города и выдвигается гипотеза о его возникновении на месте поселений лодочников в X—XI вв., но характер культурных слоев не был опознан, основная свита которых датирована X—XVI вв.¹¹

К настоящему времени культурный слой городища, датируемый IX—XII вв., полностью уничтожен. Лишь небольшой останец в центре шахристана и участок в его северо-восточной части, занятый поздним мазаром, свидетельствуют о былом рельефе.

Местоположение и современное состояние цитадели. Цитадель занимает крайний восточный угол городища. На схематическом плане 1907 г. отмечены четыре угловые башни и широкий ров, отделяющий ее от городища с северо-западной стороны¹². Цитадель являлась основным элементом системы городских фортификационных сооружений.

Территория цитадели подверглась разрушениям. Так, при перепланировке верхние культурные слои сняты до уровня ранне-средневековых построек. Северо-восточная половина была занята под огород, юго-западная часть представляла собой пустырь. Значительно изменились и другие части цитадели: южный угол полностью скрыт при разработке глины, вдоль юго-западного фасада по рву проложена шоссейная дорога, частично разрушившая край цитадели, по ее центру в направлении ЮЗ—ЮВ проходит канава с водопроводной трубой. Разрушению подвергался и юго-восточный край цитадели, откуда брали землю для подсыпки проселочной дороги.

В современном состоянии цитадель — невысокий плоский бугор, подквадратных в плане очертаний, ориентированный углами по странам света, с овальным выступом в восточном углу. Наибольшая высота ее юго-восточной стороны 5—6 м, с северо-восточной 4—5 м. К северо-западу она постепенно понижается и почти

⁹ У М. Е. Массона указана площадь 13,5 га. В. М. Массоном приводится площадь 30,5 га, О. Г. Большаковым — 33,6 га, — А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 200.

¹⁰ И. Баишев, В. М. Массон, Археологические разведки в районе Ташкента, стр. 134.

¹¹ Только из устного сообщения Ю. Ф. Бурякова, производившего здесь обследование и сборы подъемного материала, стало известно о наличии предметов периода раннего средневековья.

¹² М. Е. Массон, Ахангеран, стр. 43.

сливается с еще заметным рвом шириной до 25 м. Размеры цитадели в основании по линии СВ—ЮЗ 110 м, по линии СЗ—ЮВ 90 м. Площадь более 1 га.

Стратиграфический шурф. Для определения последовательности культурных слоев и определения их хронологии в юго-западной части цитадели в 20 м от северо-западного края заложен стратиграфический шурф, ориентированный по странам света (рис. 2). Размеры шурфа 4×6 м, но по мере углубления его

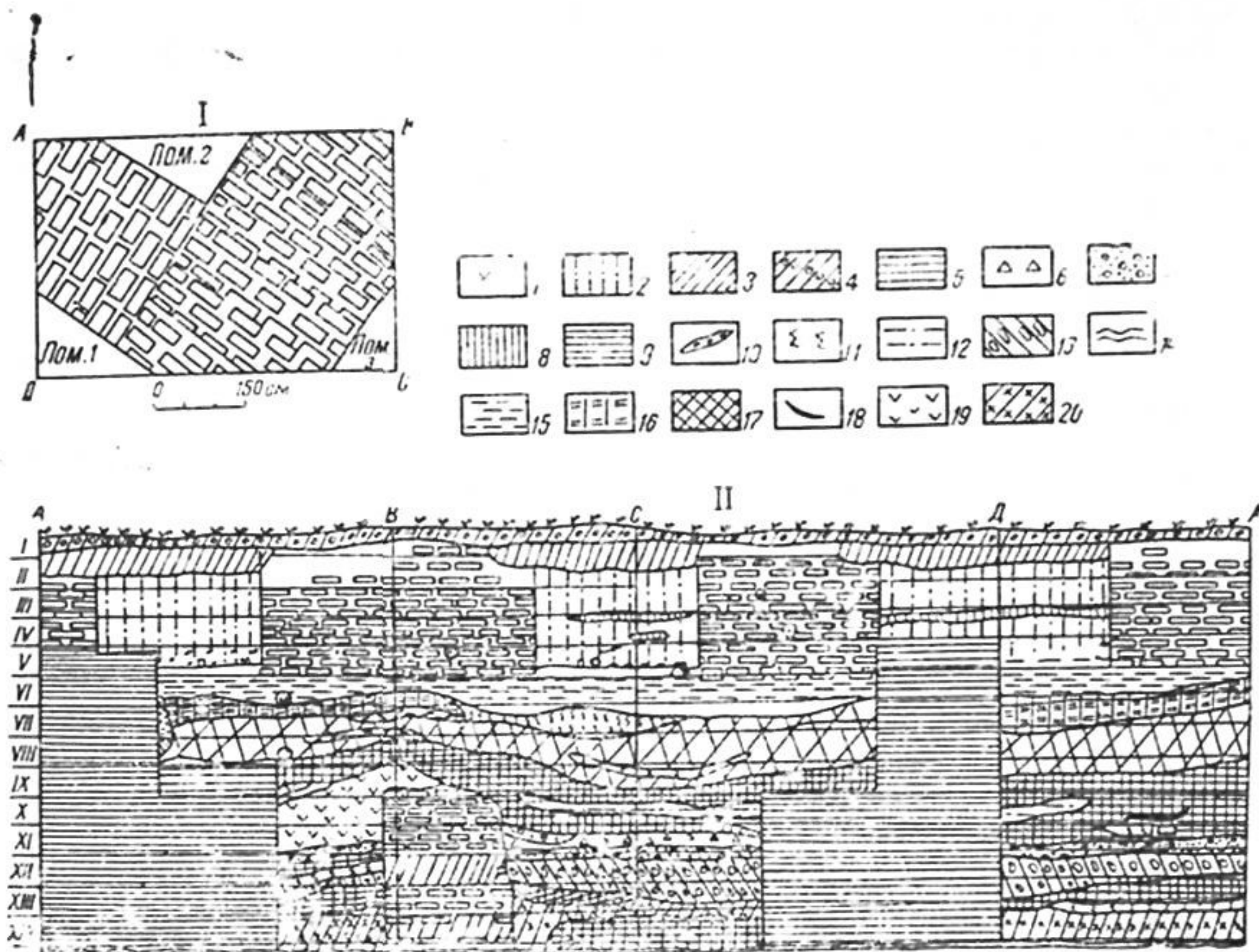

Рис. 2. I. План шурфа. II. Развертка шурфа на цитадели. Условные обозначения:

1—уровень дневной поверхности; 2—забутовка; 3—пахса; 4—слой с большим содержанием перепон; 5—рыхлый зернистый слой с керамикой и костями животных; 6—глинистая прослойка; 7—галка и речной песок; 8—слой горелого камыша; 9—ступеньки шурфа; 10—золяники; 11—плотная однородная земля; 12—мягкая земля желтого цвета; 13—слой желтой земли; 14—материк; 15—плотный слой светло-желтого цвета; 16—слой с примесью золы; 17—рыхлая земля, насыщенная керамикой и золой; 18—прослойка горелого дерева; 19—земля, смешанная с кусками сырца и керамикой; 20—суглинок.

пришлось сократить до 1 × 2 м. Репер общий для раскопа и шурфа был установлен в северо-восточном углу. Культурный слой в данном месте достигает 6,8 м (с I по XIV ярусы) и включает разнохарактерные отложения, которые возможно датировать концом VI — началом VIII вв.

В этой многометровой толще четко выделяются три культурных горизонта, состоящих из разнообразных слоев и прослоек и отражающих три больших периода обживания. В хронологическом отношении они охватывают более ста лет.

Первый культурный горизонт. В основном приходится на XIV—XIII яруса и частично захватывает XII ярус, считая с уровня материка до слоя речного песка и гальки, который перекрывает этот горизонт. Состоит из чередующихся слоев светло-желтоватой глины с массой костей животных и керамикой, органических остатков зеленоватого цвета и угольных прослоек. Общая толщина его в местах наибольшей мощности немногим более 1 м. Этому горизонту соответствует попавший в шурф угол стен какого-то помещения, сохранившихся в высоту на 2,5 м и сложенных из сырцового кирпича форматом $52 \times 26 \times 10$ см, $48 \times 9 \times 10$ см, в нижней части чередующихся со слоями пахсы.

На глубине конца XIII яруса найден совершенно распавшийся медный кружок диаметром около 2 см. В большой массе обнаруженной здесь керамики, в основном представленной стенками, встречается как станковая, так и лепная, но первая значительно преобладает. Имеются фрагменты тонкостенных чаш с темно-красным или розовым ангобом и частичным лощением, которые обычно относят к V—VI вв., однако количество их незначительно, и, видимо, керамика этого типа бытует как пережиточная. Характерно, что во втором и третьем горизонте ее уже совсем нет, тогда как немногочисленная в первом горизонте керамика с красными потеками на светло-желтом ангобе на следующих этапах становится ведущей. Среди обнаруженной в первом горизонте керамики отмечается наличие профилированных, прямопоставленных венчиков хумов (диаметр 32—35 см) аналогичных найденным на Мингурюке в слоях VI—VII вв. Идентичны здесь формы венчиков хумчи с резким перегибом снаружи и широкогорлые кувшины со сливом и вертикально поставленной ручкой¹³ (рис. 3).

Исходя из данных аналогий, можно датировать нижний горизонт VI в. н. э., а судя по его незначительной толщине от 60 см до 1 м и по тому, что второй культурный горизонт, датированный второй половиной VII в. н. э., почти в 2,5 раза мощнее его, приходится на промежуток времени в 50 лет, то, видимо, датировку его можно сузить до второй половины VI в. н. э.

Первый горизонт перекрыт аллювиальным слоем песчано-галечниковых отложений мощностью 30—40 см. Очевидно, его присутствие здесь не случайно. Вероятно, эти отложения образовались в результате разлива Чирчика, что привело к временному прекращению жизни. Аналогичный слой отмечен в шурфе и в юго-восточной части городища, так что разлив реки был, возможно, значительным и захватил большие участки городища.

¹³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, стр. 139.

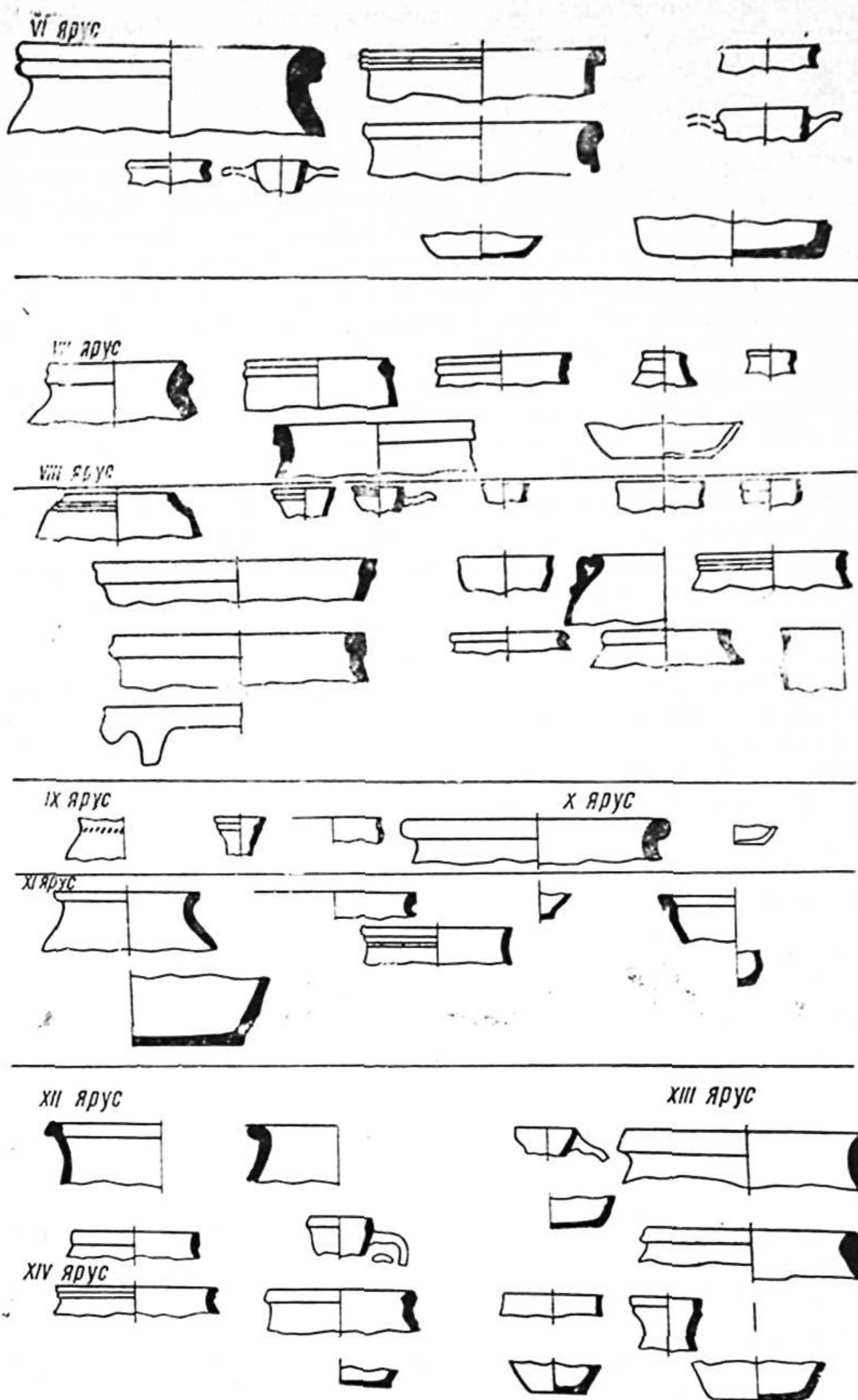

Рис. 3. Керамика из шурфа

Ряд исследователей на основании археолого-геоморфологических данных пришел к выводу, что наличие на большой площади городища аллювиального по генезису песчано-галечникового слоя связано с определенным опусканием абайской террасы в районе Ханабадтепа на рубеже VI—VII вв. Вследствие этого на протяжении не более 50 лет поверхность террасы оказалась сниженной до пределов заливаемости высокими среднемаксимальными паводками Чирчика, способствовавшими образованию песчано-галечникового слоя над культурными горизонтами VI в. н. э.¹⁴

Второй культурный горизонт. После недолговременного запустения, вызванного паводками Чирчика, территория цитадели была вновь обжита. Представляется, что именно на этот и следующий горизонт приходится период наиболее интенсивного обживания как цитадели, так и всего городища. Второй горизонт мощностью более 2 м соответствует началу VI—XI ярусов. Он состоит из трех культурных слоев желтоватого и темного цвета различной плотности, чередующихся с многочисленными прослойками золы и древесного угля, густо насыщенными костями животных и керамикой.

Наиболее характерный признак найденной здесь керамики, по сравнению с предыдущим горизонтом, — увеличение процента станковой керамики, покрытой светло-серым ангобом, с потеками, выполненными красной и темно-коричневой красками различных оттенков. Уменьшается количество лощеной посуды. Преобладает тарная и столовая посуда.

На глубине начала X яруса найдена глиняная антропоморфная статуэтка, трактованная весьма условно. Весь этот культурный горизонт можно датировать второй половиной VII в. н. э., основанием чему служат найденные здесь монеты. На уровне VIII—IX ярусов найден фрагмент монеты с квадратным отверстием, надписи не сохранились. По облику она похожа на монеты согдийских ихшидов, д — 1,5 см (ряд монет не взвешен).

В конце VI яруса обнаружена редкая тюрко-согдийская монета, д — 2,4 мм; в — 1,7 г. Л. ст.: в поле всадник, едущий вправо. Правая рука согнута в локте и поднята вверх, в опущенной левой повод (?). Левая нога коня приподнята, под фигурой черта. Об. ст. в центре

тамга в окружении согдийской надписи.

Аналогичная по типу, но видимо, иного штемпеля монета найдена в Пенджикенте¹⁵.

Третий культурный горизонт. Сверху слои второго горизонта

¹⁴ В. А. Булатова, Л. Л. Букинич, Г. Н. Пшенин, А. А. Сага-тов, Анализ тектонических движений исторического времени в районе Ташкента с применением археолого-геоморфологических методов, Современные движения земной коры, Тарту, 1973, № 5, стр. 537.

¹⁵ О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 136—137.

перекрыты очень плотным слоем желтоватой глины толщиной 50—70 см, представляющим собой, по-видимому, фундамент для возведенного выше здания. Стены здания толщиной около 3 м сохранились на высоту 2 м. Они сложены из сырцового кирпича $52 \times 26 \times 9$ см и $48 \times 24 \times 8,9$ см, в которых на разных уровнях найдены монеты тюркских правителей Шаша.

Конец VI яруса, д — 1,6 см. Л. ст.: почти полностью стертое погрудное изображение правителя впрямь с легким поворотом влево, заключенное в круг из крупных точек. Об. ст.: в центре тамга

, слева стертая согдийская надпись.

Конец III яруса, д — 0,9 см. Л. ст.: неразличима. Об. ст.: тамга

Начало II яруса, д—1,7 см. Л. ст.: погрудное изображение

правителя впрямь. Об ст.: в центре неразличимая тамга в окружении согдийской надписи.

Раскоп. Первоначальный раскоп размером 10×5 м заложен в южном углу цитадели, где при выборке земли для подсыпки дороги обнаружилась сырцовая кладка. При работах выяснилась перспективность вскрытия больших участков цитадели ввиду незначительной высоты стен, близости уровней полов и хорошей сохранности. При этом требовалось выяснить особенности планировки цитадели и установить время сооружения и период обживания самого верхнего из сохранившихся до наших дней строительных горизонтов.

Методика раскопок сводилась к полному оконтуриванию всех помещений и полной расчистке до уровня полов только ряда из них. Работы велись в течение трех с половиной полевых сезонов. (осень 1971 г. — лето 1973 г.).

В результате раскопок полностью выявлена планировка юго-восточного, юго-западного и частично (до половины) северо-западного и северо-восточного фасов цитадели. Кроме того, узкой двадцатиметровой длины бороздой был пересечен участок двора цитадели с северо-востока на юго-запад и совершен стратиграфический разрез крепостной стены. Общая площадь раскопа 1300 м^2 .

Планировка цитадели по верхнему строительному горизонту. Этот горизонт совпадает по уровню с третьим культурным горизонтом в стратиграфическом шурфе и датируется одним временем. На данном уровне обживания цитадель в плане имела вид прямоугольника, обнесенного со всех сторон крепостной стеной шириной до 11 м с 4 угловыми башнями. Внутренние размеры цитадели до крепостных стен, по линии СВ—ЮЗ 81 м со стенами, учитывая выявленную их ширину 103—104 м, по линии СЗ—ЮВ 58 м, со сте-

нами 80 м. Внутренняя часть цитадели по периметру была обстроена узкими прямоугольными помещениями с выступом стены в месте прохода. Размеры помещений почти стандартны: общая длина 12,3 м, ширина 1,8—2 м, ширина выступа 70—80 см, длина прохода 2,4 м, ширина прохода 1,1 м, толщина стен между помещениями 2—2,3 м.

Задней торцовой стороной помещения примыкают непосредственно к крепостной стене, а противоположной обращены во двор, куда выходит дверной проем (рис. 4).

В юго-западной стороне помещения примыкают к длинному узкому коридору, отделенному от них стеной толщиной 2,9 м. Из 2 помещений в этот коридор ведут проходы шириной 90 см. Сохранившаяся длина коридора 24,3 м, с разрушенной частью около 40 м, ширина 1,7 м. В один из периодов обживания коридор был разде-

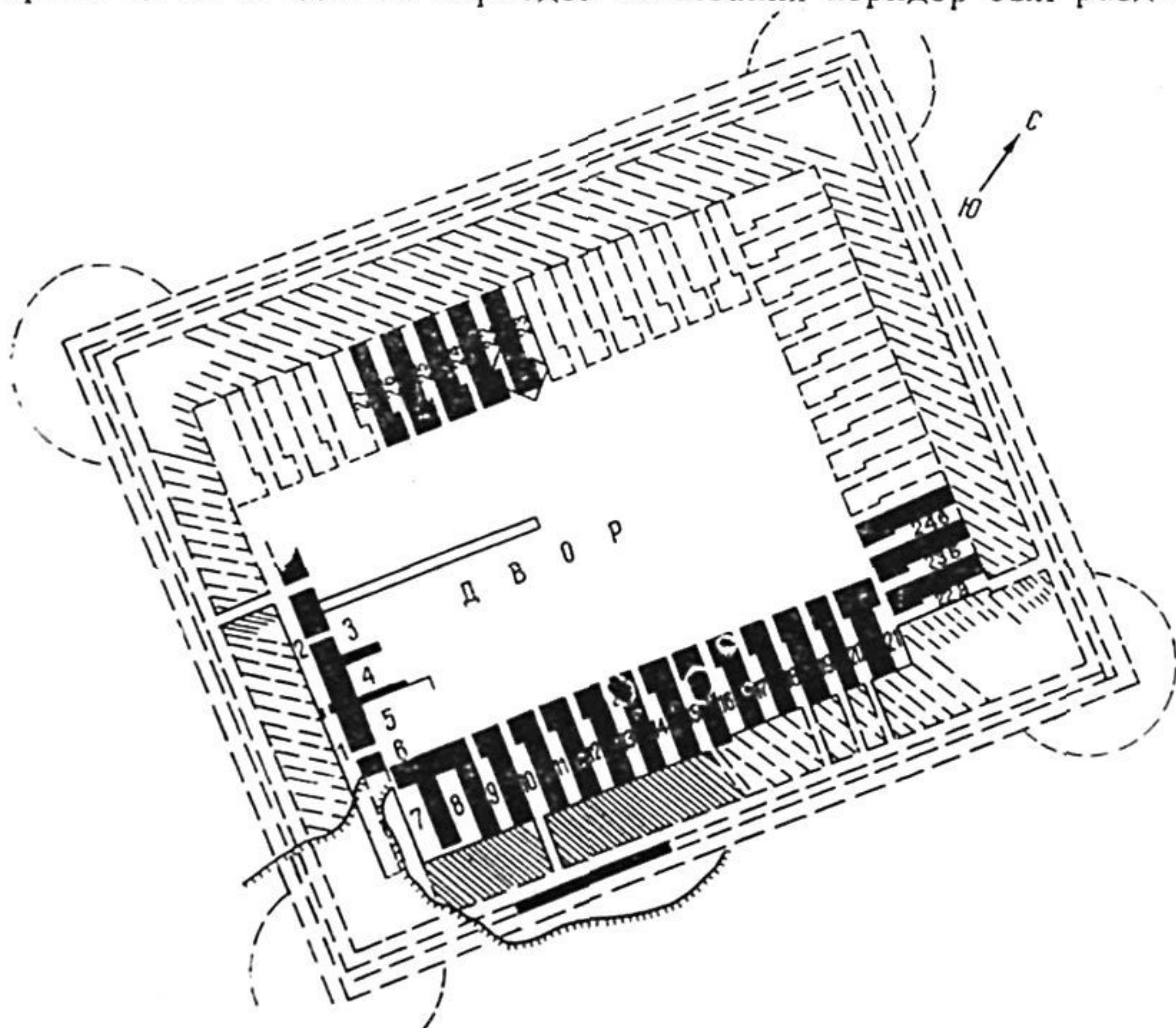

Рис. 4. План цитадели Ханабада.

лен поперечной стеной на 2 помещения. Юго-западная стена коридора одновременно является и стеной цитадели. В полностью вскрытом участке цитадели вдоль юго-восточного фаса располагалось 15 параллельных помещений, отделенных друг от друга стеной толщиной 2,1—2,2 м. Из углового помещения 7 в южную башню вел проход шириной 80 см, а из помещений 15, 18, 19, 20

аналогичные проходы вели в стрелковую галерею, которая проходила, примерно, снаружи крепостной стены. Причем в помещении 15 проход, выведенный из восточного угла шириной 60 см, идет под углом в 45°, а в помещениях 18, 19, 20 проходы шириной 80—100 см — прямо.

Аналогичное количество помещений, судя по одинаковым размерам и почти полному совпадению направления стен, располагалось и вдоль северо-западного фаса цитадели. Труднее определить количество помещений с других сторон, т. к. вдоль юго-западного фаса вскрыто 4, а вдоль северо-западного 3 помещения, но, исходя из размеров стен и помещений, здесь должно было находиться по 10—11 комнат на каждой из них. Таким образом, общее количество помещений в цитадели около 50.

Композиционным ядром цитадели являлся открытый двор (50×31 м) с обращенными к нему дверными проемами коридоробразных помещений, расположенных по периметру двора.

Двор. Для выяснения стратиграфии двора по верхнему культурному горизонту от юго-западного коридора, но ближе к западному углу цитадели, во внутрь двора проведена борозда шириной 1 м и длиной 23 м. Толщина культурного слоя от дневной поверхности до древнего уровня (конец VI яруса) 60 см в пониженных и 1—1,2 м в повышенных участках.

Верхние горизонты культурного слоя слагаются из плотных однородных отложений земли с включением обломков жженого кирпича, крупной и мелкой гальки, фрагментов позднесредневековой керамики XV—XVII вв. Ниже идет слой натека толщиной 15—20 см, образовавшийся, по-видимому, из-за отсутствия перекрытия. Под слоем натека на уровне конца VI яруса прослеживается плотный утрамбованный древний уровень двора, где изредка встречаются фрагменты раннесредневековой керамики VII—VIII вв.

Характерно, что в той части борозды, которая выведена за пределы примыкающих к стенам коридора и помещений, никаких признаков других построек не обнаружено. Это несомненное свидетельство, что данный участок представлял двор, который, по всей вероятности, не был перекрыт, т. к. на его уровне образовался достаточный слой песчано-глинистого натека.

Стратиграфия помещений. В юго-западном коридоре толщина культурного слоя 90 см. Выявлено два уровня пола: первый соответствует 30 см VI яруса, второй концу V яруса. Между ними слой рыхлой земли с костями животных и керамикой. Второй уровень отмечен угольной прослойкой толщиной 5 см, под ним до уровня дневной поверхности, который соответствует концу IV яруса, натечно-надувной слой толщиной 40—50 см (рис. 5). На уровне второго пола найден клад из 25 медных монет. Между уровнем первого и второго пола найден медный арабский фельс второй половины VIII в.

Помещение 9, юго-восточная сторона цитадели. Толщина культурного слоя около 2 м. Здесь на тех же уровнях отмечены два

уровня полов, но характер отложений иной. Над первым уровнем пола залегает слой плотной желтоватой глины толщиной 80 см, над ним слой гальки и речного песка толщиной 30 см, перекрытый рядом сырцового кирпича, составляющего второй пол. Затем следует слой средней плотности с керамикой и костями животных толщиной 60 см и подерновый слой толщиной 10—15 см.

Помещение 10. Мощность культурного слоя около 2 м. Характер отложений аналогичен с таковыми же в помещении 9. Только на уровне первого пола найдено 10 целых сосудов разнообразных форм. Уровень первого пола соответствует 20—30 см IV яруса. Уровень второго — границы III—IV ярусов. Уровень дневной поверхности приходится на середину второго яруса.

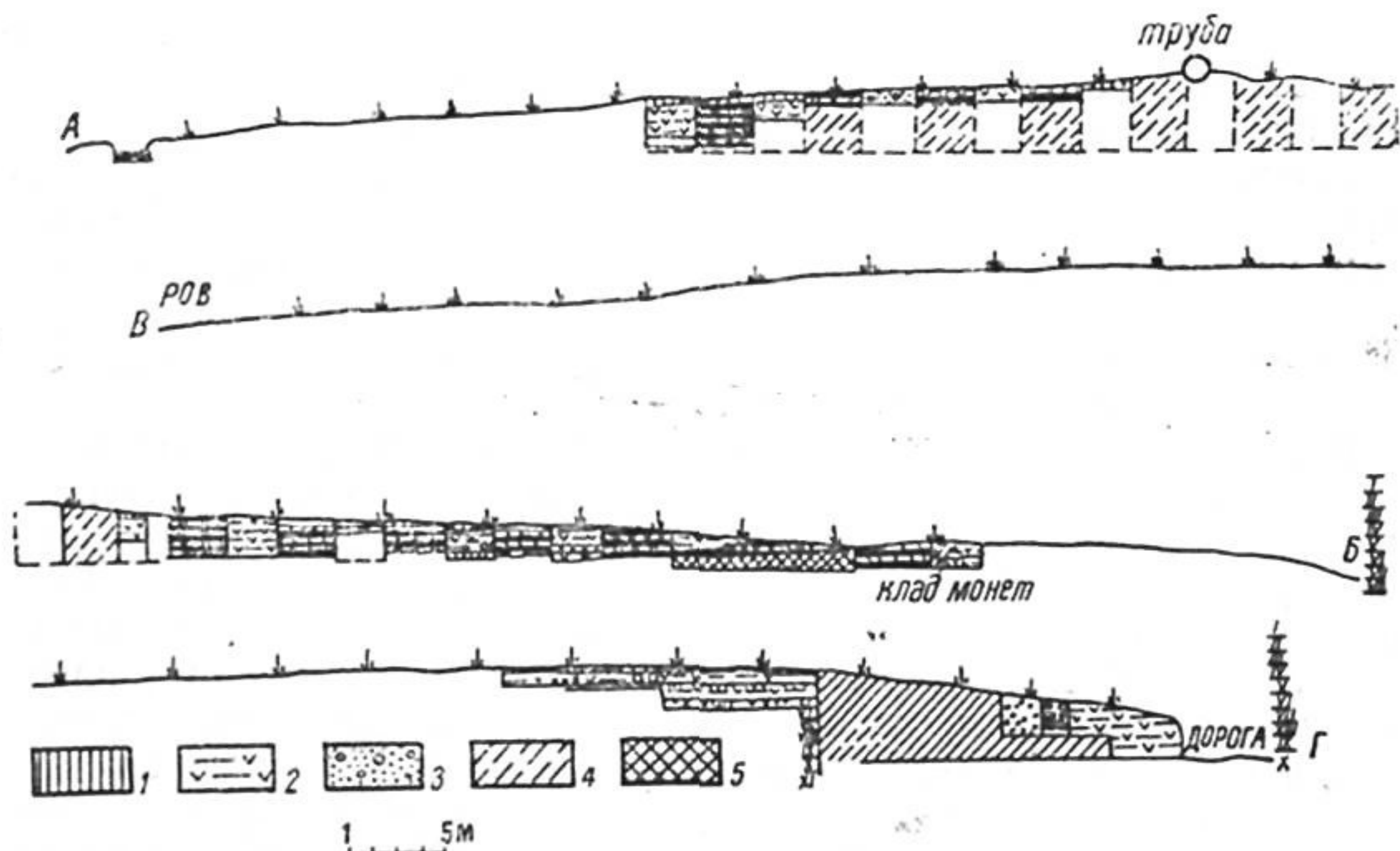

Рис. 5. Стратиграфический разрез цитадели по юго-восточному фасу. Условные обозначения:

1 — пахотный слой; 2 — слой средней плотности с керамикой, костными остатками и горелыми прослойками; 3 — гравийные подсыпки; 4 — пахсовые стены; 5 — плотный желтоватый слой

Помещение 18. Мощность культурного слоя 60 см. От уровня дневной поверхности до уровня пола, соответствующего середине VI яруса, он состоит из слоя желтоватой глины, мелкой гальки и песка.

Помещение 19. Мощность культурного слоя 50 см. По характеру и содержанию аналогичен слою в помещении 18.

Помещение 22, северо-западная сторона цитадели. Мощность культурного слоя 1,3 м. Уровень пола отмечен на глубине 1,3 м от дневной поверхности, что соответствует концу V яруса от репера. Над полом залегает желтовато-коричневый слой перегнившего камыша или дерева толщиной 5—10 см с горелыми прослойками.

На уровне пола найдено несколько фрагментов лепных котлов с характерными дугообразными налепными ручками и сосудов станковой работы с потеками черной краской по светло-желтому ангобу. Тут же встречена часть рифленного донца от стеклянного сосуда и медные монеты тюркских правителей Шаша с хищником на лицевой стороне. Выше прослеживается плотный слой глины толщиной 40—50 см, а затем до уровня дневной поверхности следует забутовка из пахсовых блоков.

Помещение 23. Мощность культурного слоя 1,5 м. Уровень пола совпадает с предыдущим. Над ним отмечена камышовая прослойка толщиной 5 см, перекрытая выстилкой из прямоугольного кирпича размером 48×24×10 см. Выше идет слой глины с фрагментами керамики и древесными угольками толщиной 60—70 см. Далее до уровня дневной поверхности прослеживается забутовка из пахсовых блоков, перекрывающих как само помещение, так и его стены, сохранившиеся на высоту 60—70 см.

Помещение 25. Мощность культурного слоя 1,2 м. Первый уровень пола совпадает с предыдущими. Второй приходится на начало IV яруса. Над ним залегает плотный слой земли с большим количеством древесных угольков и кухонных остатков. В этом слое в северо-восточном углу помещения на краю крепостной стены вкопан вверх дном хум, представляющий собой, видимо, тандыр, так как пространство вокруг него сильно обожжено, а сам он внутри окален. Диаметр венчика 37 см, сохранившаяся высота 60 см, толщина стенки 1 см. Рядом с ним найдена целая кружка с петлевидной ручкой.

В ходе исследований цитадели проведены работы по выявлению структуры оборонительной системы. От торцовой стены помещения 10 на ее юго-восточном фасе осуществлен разрез (1,5 м шириной) крепостной стены. От уровня пола помещения высота стены 90 см. Гладко срезанный при нивелировке верх массива стены сложен из пахсы. На расстоянии 6,85 м от внутренней грани выявлен коридор стрелковой галереи шириной 1,15 м, засыпанный позднее песком с мелкой галькой (рис. 6). Такого рода заполнения отмечены и в ряде помещений цитадели. Внешняя стена коридора выложена из сырцового кирпича комбинированным способом «вразбежку». Коридор сохранился на высоту 80 см. Возведен на пахсовой кладке основной стены, покатая поверхность которой (снаружи) выполнена с обычными для средневековья требованиями фортификации. Общая ширина стены до уровня современной поверхности дороги достигает 10,5 м. Сообщение с обводной галереей осуществлялось через помещения 15, 18, 19, 20, 22. Возведение крепостных стен на цоколе — строительный прием, характерный для многих античных и средневековых городов Средней Азии.

Крепостные стены с боевыми коридорами внутри начинают применяться еще с середины первого тысячелетия до н. э. Как обязательная принадлежность укреплений они сохраняются на протя-

жении всего античного периода, но чрезвычайно редки в средневековье. Аналогии для античного периода обширны¹⁶.

Строительный материал. Все выявленные стены помещений, сохранившиеся в разных местах на высоту от 30 см до 1,8 м, выстроены из серовато-желтого цвета плотной структуры прямоугольного сырцового кирпича, уложенного кладкой ложком. Кир-

Рис. 6. Коридор в западной части цитадели

пич стандартный, размером $48 \times 24 \times 9-10$ см при толщине вертикальных швов 4—6 см, а горизонтальных 8—10 см. Кирпич аналогичных размеров типичен для многих раннесредневековых построек Средней Азии¹⁷. В помещении 9 обнаружен клинчатый кирпич форматом 48×35 и 18×7 см, видимо, от кладки арочного проема, идентичный по размерам, употреблявшимся в кувинском храме¹⁸. В отличие от стен помещений крепостная стена возведена из пахсовых блоков 81×81 см при толщине швов до 5 см, отполирован-

¹⁶ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарты, М., 1962, стр. 99; Н. И. Крашенинникова, Разрез крепостной стены древнего Кеша, ОНУ, 1968, № 8, стр. 60—64.

¹⁷ В. А. Нильсен пишет, что кирпич одного размера не встречается ни на одном памятнике, тогда как цитадель Ханабаттепа дает пример употребления кирпича единого стандарта, — В. А. Нильсен, Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, 1966, стр. 212.

¹⁸ В. А. Булатова, Древняя Кува, Ташкент, 1972, стр. 57.

ных со стороны, обращенной в помещение. Только на стенах ряда помещений отмечен тонкий слой белой штукатурки, нанесенной поверх простой глиносаманной, которая характерна для покрытия поверхности стен большинства помещений.

Характеристика находок. Состав найденного археологического материала во вскрытых помещениях однообразен — это монеты или керамика. Причем в большинстве помещений отсутствуют керамические находки, обычные в жилых помещениях. В помещении 10, по-видимому, складского назначения на уровне первого пола вдоль северо-восточной стены найдено 10 целых и несколько разбитых сосудов. В помещениях 2 и 25 также обнаружено еще 4 целых сосуда, в других же помещениях встречены лишь единичные керамические фрагменты.

Несмотря на немногочисленность керамический комплекс цитадели представляет известный интерес, так как хорошо датирован монетами и может быть суммарно отнесен к первой половине VIII в. Вся найденная посуда подразделяется на станковую и лепную, причем в количественном соотношении первая бесспорно преобладает. Лепная керамика представлена кухонными котлами, кружкой со стилизованной зооморфной ручкой-петелькой и курильницей (рис. 7). Кухонные котлы тонкостенны, в тесте большое количество толченого камня и песка, стенки сильно закопчены. Тулово округлой формы, дно плоское. В месте перехода от венчика к тулову имеются две полукруглые наклепные ручки. Основные размеры: высота 15—25 см, диаметр устья 16—20 см. Аналогичные котлы известны на многих раннесредневековых городищах Шаша и Согда¹⁹.

Более тщательно сформована курильница, которая изготовлена из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе желтоватого цвета, хорошего обжига. Курильница представляет собой невысокий сосуд на цилиндрической ножке с квадратным основанием и квадратной верхней частью с неглубоким резервуаром. Высота 6 см, размеры основания 5,3×5,3 см, верхней части 8×8 см, резервуара 5,5×5,5 см. Форма сосуда несколько сближается с курильницей из Ток-калы, для которой характерен округлый резервуар и коническая опора²⁰. В целом же наш сосуд прямых аналогий в среднеазиатской керамике VII—VIII вв. как будто не имеет.

Станковая керамика более разнообразна, она представлена кувшинами больших и малых размеров с одной ручкой, двуручными горшками и без них, кружками, чашечкой, пиалой, изготовленными на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Черепок хорошего обжига, снаружи покрыт светло-желтым ангобом. На кувшинах поверх ангоба нанесены мазки и потеки темно-коричневой и красной красками, что является характерным признаком орнаментации посуды Ташкентского оазиса в эпоху раннего

¹⁹ Древний Ташкент, Ташкент, 1973, стр. 27, рис. 5.

²⁰ А. В. Гудкова, Ток-кала, Ташкент, 1964, стр. 65, рис. 16, 2.

средневековья²¹. Кувшины подразделяются на широкогорлые и узкогорлые.

Широкогорлые кувшины яйцевидной формы со сливом и плоской в сечении ручкой, прикрепленной одним краем к венчику, другим к плечикам. Основные размеры: высота 32—38 см, диаметр устья 10—11 см, диаметр дна 12—13 см, диаметр тулова 23—24 см. Аналогичные кувшины найдены на Мингурюке, Актепа, Пянджикенте и других раннесредневековых городищах Шаша и Согда.

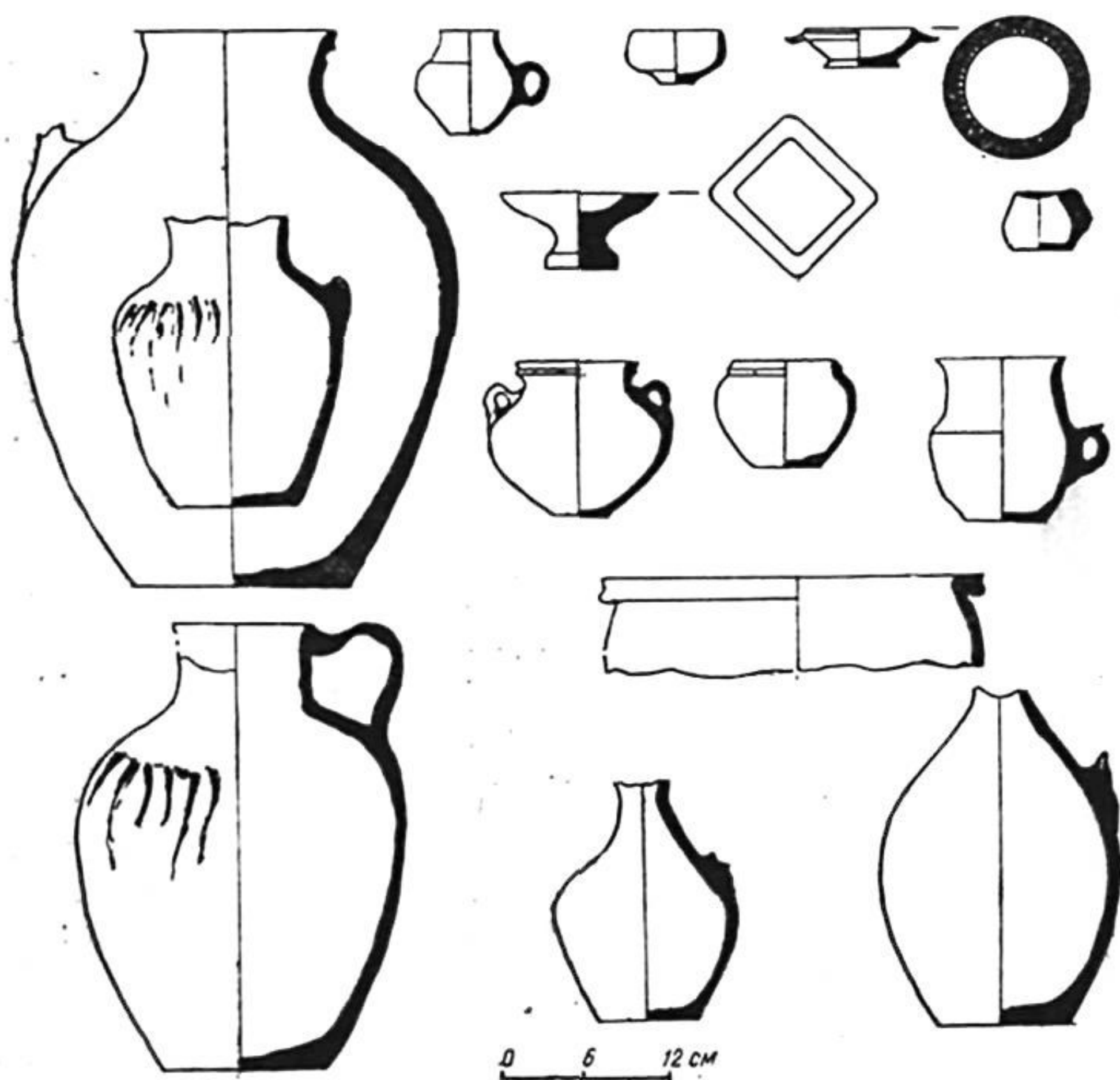

Рис. 7. Керамика из помещений цитадели

Узкогорлые кувшины также принадлежат к числу широко распространенных в то время сосудов. Сохранились они не полностью, у всех почти до основания отбиты горло и ручки, тулово округлой и грушевидной формы. Остальные виды керамики представлены единичными формами. Характерна небольшая кружка с ручкой-петелькой, прикрепленной к середине округлого тулова. Ее высота 8 см, диаметр устья 6—9 см, диаметр дна 4,4 см. Датировка подобных кружек лежит в пределах второй половины VII—первой половины VIII вв., что подтверждается материалами ханабадской цитадели. Типична для этого времени и форма двуручного горшка

²¹ Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. э., М., 1971, стр. 185.

с шаровидным туловом и прямым профилированным венчиком. На одной из его сторон темно-красной краской нанесен орнамент, напоминающий какой-то зооморфный образ. Размеры сосуда: высота 11,5 см, диаметр устья 8,6 см, диаметр дна 5 см, диаметр тулова 14 см. Выделяется небольшой сосудик типа пиалы на поддоне с широким бортиком, по которому нанесен резной орнамент из равносторонних треугольников. Внутренний резервуар по верхней части выделен валиком, украшенным штампованными кружками. Высота сосуда 2,2 см, диаметр по венчику 11 см, диаметр резервуара 7 см, диаметр донца 5,2 см. Аналогии этому сосуду среди среднеазиатской керамики нам не известны.

В целом же описанная керамика по основным данным имеет прямые аналогии в керамике второй половины VII — первой половины VIII вв. Согда и Шаша, что говорит об общих путях развития керамического искусства обеих областей в указанное время.

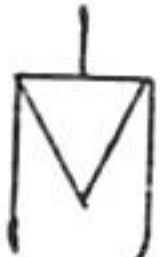
Монеты. За несколько полевых раскопочных сезонов на цитадели найдено 37 медных монет. Из них 24 входят в состав клада, 5 обнаружено в шурфе, 8 — в различных помещениях. Все они представляют значительный интерес для характеристики денежного обращения Ханабадтепа и датировки объекта в целом.

Клад. Обнаружен в юго-западном коридоре в помещении 1 на уровне конца V яруса над угольной прослойкой толщиной 10—15 см в слое сравнительно плотного суглинка. Судя по стратиграфии отложений этот слой можно отнести ко второму этапу обживания помещений цитадели по третьему культурному горизонту.

В состав клада входят 24 медные монеты различной степени сохранности. По династийным признакам их можно подразделить на 4 группы: монеты тюркских правителей Шаша двух типов — 18 экз., князей Усрушаны — 1 экз., ихшиды Согда — двух типов — 4 экз., аббасидские фельсы — 1 экз.

Приводим описание монет клада. Сохранность монет обозначена через C_1 — хорошая, C_2 — посредственная, C_3 — плохая, стрелкой указано соотношение осей лицевой и обратной сторон.

Монеты тюркских правителей Шаша с согдийскими надписями. 1. Л. ст.: в линейном ободке бегущее вправо хищное животное (барс?) со слегка закинутой головой, правая лапа поднята, хвост извивается над спиной (рис. 8, 1).

Об. ст.: в поле в центре тамга , над тамгой и под ней сог-

дийская надпись из двух слов; $\gamma w \beta w t r' \beta'$ ($t r n \beta'$) или $t r n \beta c$ ²². д — 20 мм; в — 1,9 г; $\downarrow$; л. ст. — C_1 ; об. ст. — C_1 .

2. То же. Изображение хищника более мелкое, голова повернута назад, надписи и тамга более стерты, д — 18 мм; в — 1,6 г; $\downarrow$; л. ст. — C_1 ; об. ст. — C_2 .

²² Транскрипция надписей дана по О. И. Смирновой.

3. То же. Изображения и надписи менее четкие, д—20 мм; в—2,5 г; ↓; л. ст.—С₁; об. ст.—С₃.

4. То же. На голове видны небольшие ушки, пасть открытая, д—20 мм; в—2,5 г; ↓; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁.

5. То же. Изображение хищника почти стерто. Конечные буквы слов в надписи соединены между собой, д—20 мм; в—2,8 г; ↓; л. ст.—С₃; об. ст.—С₁.

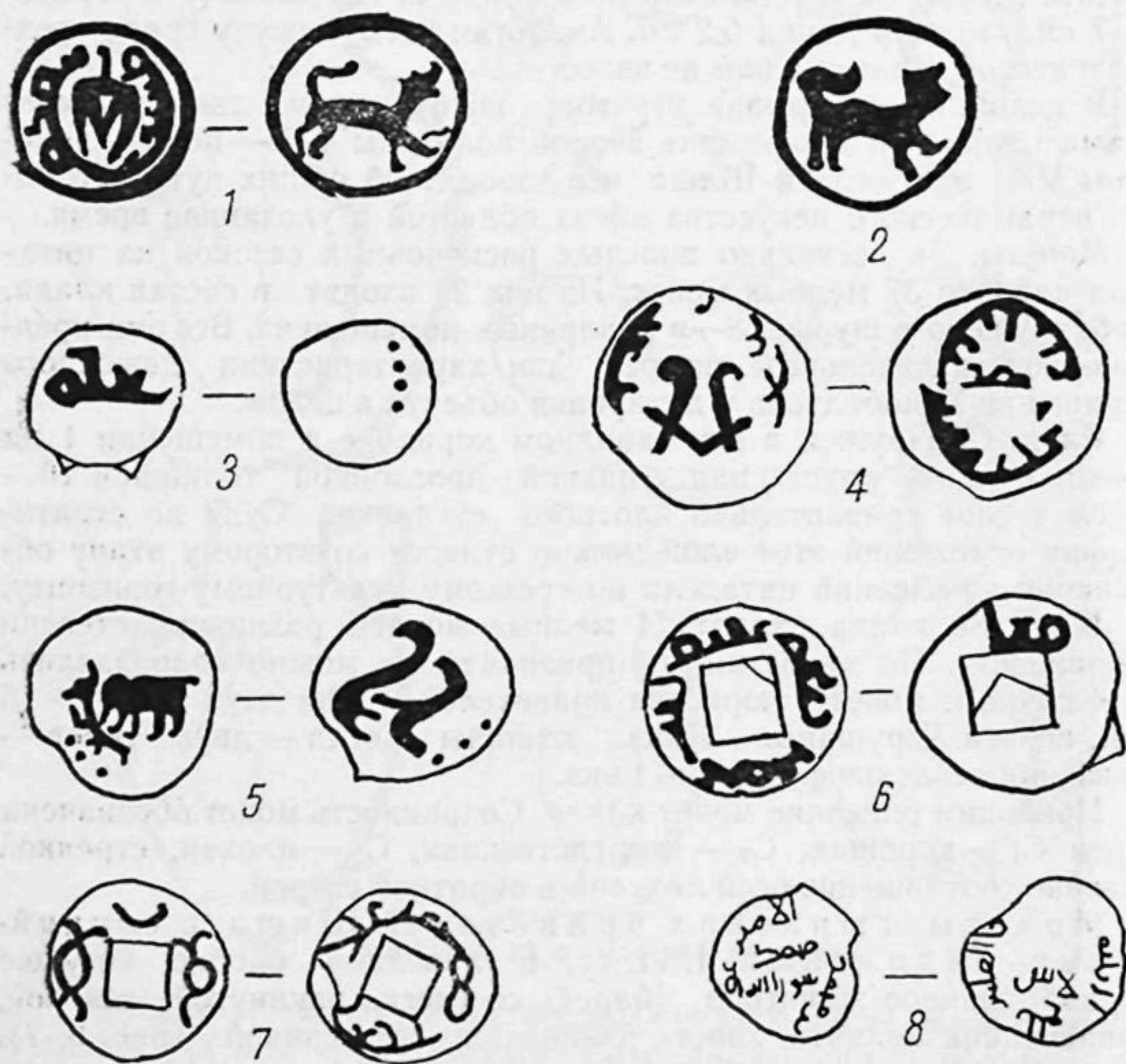

Рис. 8. Монеты из клада

6. То же. Фигура хищника более массивная, края монеты слегка неровные, д—20 мм; в—2,3 г; ↓; л. ст.—С₂; об. ст.—С₂.

7. То же. Края монеты слегка неровные, д—20 мм; в—2,6 г; ↓; л. ст.—С₂; об. ст.—С₁.

8. То же, д—19 мм; в—1,9 г; ↓; л. ст.—С₃; об. ст.—С₂.

9. То же. Голова хищника опущена, д—19 мм; в—1,9 г; ↓; л. ст.—С₃; об. ст.—С₂.

10. То же, д—19 мм; в—2,15 г; ↓ ; л. ст.—С₃; об. ст.—С₃.
 11. То же. Край монеты обломан, д—19 мм; в—2,02 г; ↓; л. ст.—С₃; об. ст.—С₂.
 12. То же. Изображение хищника как № 2, д—20 мм; в—2,1 г; ↓ ; л. ст.—С₂; об. ст.—С₃.
 13. То же. Край неровные, д—19 мм; в—1,4 г; ↓ ; л. ст.—С₃; об. ст.—С₃.
 14. То же. Шея у животного очень вытянутая, что делает его похожим на лошадь. Край обломаны. л. ст.—С₂, об. ст.—С₃.
 15. То же. Изображение и надписи очень плохой сохранности и едва проглядываются, д—19 мм; л. ст.—С₃; об. ст.—С₃.
 16. То же. Состоит из двух половинок, л. ст.—С₃; об. ст.—С₃.
 17. Л. ст.: по кругу надпись, выполненная согдийским письмом,

в центре слово из трех букв. Об. ст.: в центре тамга по ,
 кругу полустертая надпись, д—22 мм; в—1,9 г; л. ст.—С₂; об. ст.—С₂.

18. Л. ст.: изображение стертое, видны 4 точки (рис. 8, 3); об. ст.: надпись из трех букв д—15 мм; в—1,55 г; л. ст.—С₃,

об. ст.—С₂.

У с р у ш а н а. 19. Сатачари II, первая половина VIII в. н. э. Л. ст.: в круге из крупных точек в центре слон, идущий влево с опущенным хоботом, перед фигурой слона надпись сверху вниз (вторая надпись за фигурой слона на монетный кружок не попала). Об. ст.: в круге из крупных точек 2 поставленных рядом

знака . Край монеты в одном месте обломан, д—19 мм;

в—1,8 г; ↓ ; л. ст.—С₂, об. ст.—С₁.

Монеты ихшидов Согда. Тургар (738 г. не ранее 750 г.), тип Б. 20. Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в рамку, 3 династийных знака. Вверху знак в виде

полукруга , справа У-образный знак , слева .

По краю монеты проходит ободок (рис. 8, 7), об. ст. согдийская надпись в две concentрические строки: *twg'y'g/MLK'*, д—18 мм; в—2,3 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁. (рис. 8, 7).

21. То же. Сохранность знаков и надписей гораздо хуже, д—16 мм; в—1,9 г; л. ст.—С₂; об. ст.—С₂.

Согдийские монеты китайского образца, неопределенные. 22. Л. ст.: в центре монеты квадратная рамочка, заключенная в ободок, по сторонам надпись, выполненная согдийским полукурсивом; об. ст.: вверху над рамкой слово وفا, выполненное согдийским полукурсивом, д—20 мм; в—2,8 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁. Края неровные.

23. То же, д. 20 мм; в—2 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁.

Аббасиды: Умейр (?) ибн Мухаммад, Балх, год стерт (14?) (758 г. или 76? г.).

24. Л. ст.: в центре надпись в две строки, плохо сохранившаяся, внизу: سر. По кругу: ... هذا الفلّس ببلح ... اربعين Об. ст.: в поле надпись в две строки: محمد رسول الله. По кругу: ... الامير عمر (?) بن محمد. Края монеты неровные, часть надписи стерта, д—15 мм; в—1,3 г; ↓; л. ст.—С₂; об. ст.—С₂.

Судя по составу и количеству, клад, по-видимому,— результат кратковременного накопления монет, следовательно, он отражает особенности денежного обращения города в определенный период. При датировке времени его зарытия особое значение имеют 3 монеты. Мы имеем в виду 2 монеты согдийского ихшида Тургара—типа Б, выпущенные между 738—750 гг., и аббасидский фельс, чеканенный в Балхе в 14? г. (?), т. е. между 757—767 гг.

Исходя из датировки этих монет, поскольку другие имеют слишком широкие хронологические рамки, можно предположить, что клад зарыт скорее всего в начале второй половины VIII в. н. э. Таким образом, он дает нам существенные материалы для характеристики денежного обращения Ханабада во второй четверти VIII в. н. э.

Наиболее многочисленной серией в кладе представлены монеты тюркских правителей Шаша с хищником кошачьей породы на лицевой стороне и тамгой на обороте. Монеты этого типа О. И. Смирнова относит к эмиссии Шаша конца VII — начала VIII вв.²³

Материалы ханабадского клада, не противореча данной дате, вместе с тем отодвигают хронологические границы обращения этих монет до начала второй половины VIII в. н. э. В составе изучаемого клада большой интерес представляет усрушанская монета с изображением слона на лицевой стороне. На основании надписей и особенностей изображения монеты подобного типа О. И. Смирнова относит к чекану усрушанского правителя Сатачари II²⁴. Факт ее обнаружения в составе ханабадского клада имеет большое значение по двум обстоятельствам. Насколько нам известно, это первый случай находки аналогичной монеты на территории Шаша, и второй вообще за пределами Усрушаны²⁵, что сви-

²³ О. И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, МИА, М.—Л., 1958, № 66, стр. 224.

²⁴ О. И. Смирнова, Первые монеты из Усрушаны, ЭВ, вып. XX, 1971, стр. 60—62.

²⁵ Одна такая монета обнаружена в Пенджикенте, — О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 129.

детельствует о существовании контактов между этими областями. Наличие же данной монеты совместно с монетами Тургара конца второй четверти VIII в. н. э. и аббасидским фельсом начала второй половины VIII в. н. э. дает дополнительные сведения к ее датировке. По археологическим данным, Н. Негматов отнес их к VI — началу VII вв. О. И. Смирнова, опираясь на ряд исторических свидетельств, датировала монеты усрушанских правителей, в том числе и Сатачари II, VI—VII вв., отметив при этом, что одна монета Сатачари I имеется в кладе первой четверти VIII в.²⁶ Вместе с тем материалы ханабадского клада говорят о возможно более поздней дате и верхней хронологической границе обращения монет Сатачари II, приходящейся на время до второй половины VIII в. Наличие в составе клада монет согдийских ихшидов, не представляющих особую редкость для раннесредневековых городищ Шаша, свидетельствует о достаточно широком проникновении сюда согдийских монет, а следовательно, и устойчивых торговых и культурных сношениях Согда и Шаша. Знаменательно присутствие аббасидского фельса вместе с в общем-то традиционными для этой области монетами. Он как бы открывает новую страницу в истории денежного обращения Шаша, куда со второй половины VIII в. стали постепенно проникать монеты, чеканенные аббасидскими наместниками Хорасана и Мавераннахра. Надо полагать, что на первых этапах они ходили наряду с местными монетами тюркских правителей Шаша, что подтверждают как материалы ханабадского клада, так и совместные находки подобных монет в одних и тех же археологических слоях.

Монеты из помещений Тюргеши VIII в. 1. Л. ст.: в поле между широким ободком и квадратной рамочкой изображение лука без тетивы с чуть загнутыми наружу концами и небольшим треугольным выступом посредине, соединяющимся с одним из углов квадратной рамочки. Об. ст.: концентрическая надпись согдийским развитым полукурсивом: $\beta\ddot{u}t\ddot{w}rKu\check{s} \gamma'\gamma'n \rho n\ddot{u}$ «Государя тюргеш-кагана деньга», д—24 мм; в—6,2 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁ (пом. 6).

2. То же. Изображение на л. ст. более стерто, д—24 мм; в—5,9 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁. (пом. 5).

Тюркские правители Шаша с согдийскими надписями конца VII—начала VIII вв.

3. Л. ст.: в линейном ободке бегущее вправо хищное животное (барс?) с вытянутой шеей, правая лапа поднята, длинный хвост

извивается над спиной. Об. ст.: в поле в центре тамга

над тамгой и под ней согдийская надпись, д—19 мм; в—1,9 г; л. ст.—С₁; об. ст.—С₁ (пом. 22).

²⁶ О. И. Смирнова, Первые монеты из Усрушаны, стр. 62.

4. Л. ст.: в круге погрудное изображение правителя и правительницы. Правитель в «трехрогом» шлеме, причем средний «рог» выше крайних, правительница в короне. Между головами фигур полумесяц (рис. 9), об. ст.: в круге тамга в окружении

согдийской надписи, д—21 мм; л. ст.—С₂; об. ст.—С₂ (пом. 24).

5. То же. Изображения очень стерты, д. 20; л. ст.—С₃ об. ст.—С₃.

Данные монеты представляют очень редкую разновидность достаточно многочисленной серии тюрко-согдийских монет с изображением правителя и правительницы.

Монеты с парным изображением широко распространены в долине Зарафшана²⁷, Пянджикенте²⁸ и Шаше²⁹. К настоящему времени можно наметить два основных типа, различающихся не столько особенностями изображений на лицевой стороне, сколько знаками на реверсе. Первый тип, отнесенный О. И. Смирновой предположительно к чекану Бухары, имеет на реверсе располо-

женные друг против друга равнобедренный треугольник и ромбовидный знак. Другой тип, чаще всего представленный находками на городищах Ташкентской области, да-

ет на реверсе тамгу

свидетельствующую о принадлежности этих монет тюркским правителям Шаша, причем аналогичная тамга или ее разновидность встречается не только на монетах с парным, но и с одиночным изображением.

Ханабадские монеты по изображению и тамге

принадлежат ко второму типу, но отличаются от всех известных

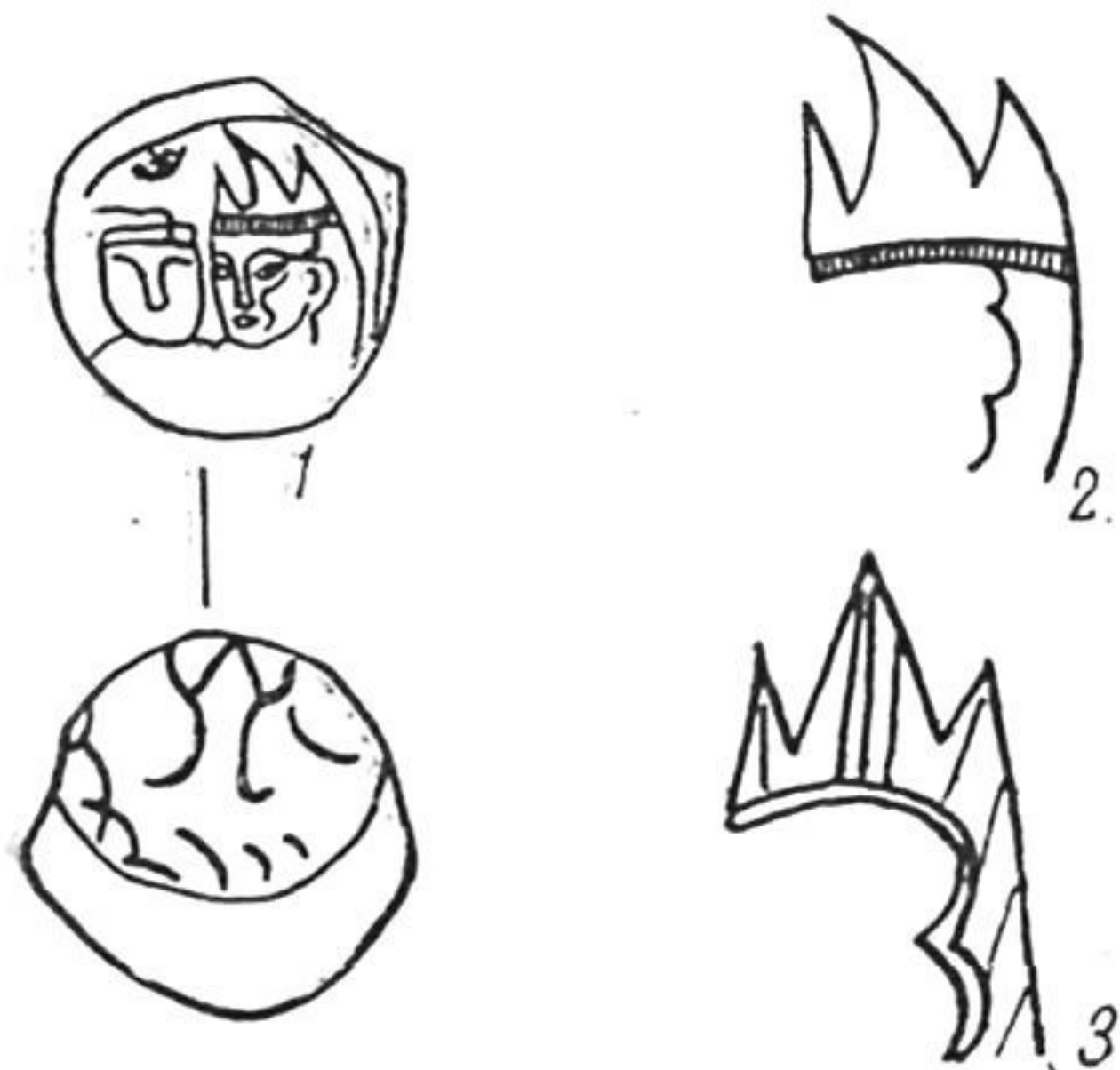

Рис. 9. Монета из помещения с изображением правителя и правительницы:

1. Лицевая и оборотная стороны монеты. 2. Головной убор правителя на монете. 3. Головной убор воинов из эрмитажном блюде

²⁷ М. Е. Массон, К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ. Новая серия, вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 97.

²⁸ О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 137—138.

²⁹ Нами просмотрены монеты из находок в Ханабаде, Канке, Ташкентском море, Ангрене и в частных коллекциях.

нам особенностями головного убора у правителя. Между тем «трех-рогий» шлем правителя находит себе прямые параллели в головном уборе воинов на известном серебряном с позолотой блюде Эрмитажа из местечка Кулагиш со сценой единоборства³⁰. Форма и особенности шлемов в обоих случаях идентичны.

Вопрос о месте создания этого блюда окончательно не решен, хотя в последнее время укрепилось мнение о его согдийском происхождении. Эта мысль, впервые высказанная М. М. Дьяконовым на основании близости изображенных воинов к одному из сюжетов живописи Пянджикента³¹, подкреплена А. М. Беленицким³², к тому же склоняется и Б. И. Маршак³³. Более осторожно подошел к этому вопросу Л. И. Ремпель, который считает возможным говорить пока о «его среднеазиатском происхождении в широком смысле слова»³⁴.

Нет единства взглядов также и по поводу толкования сюжета на этом блюде. А. М. Беленицкий предполагает, что здесь представлено изображение единоборства Рустама со своим сыном Зохрабом. Л. И. Ремпель считает, что картина на блюде передает синтезированный образ рыцарского поединка среднеазиатских дикан, без конкретизации представленных образов. Вместе с тем обнаружение ханабадских монет, как нам кажется, позволяет дать новые сведения как по поводу трактовки сюжета, так и происхождения этого блюда.

Особое внимание хочется обратить на то, что на известных сейчас памятниках изобразительного искусства нет изображений подобных головных уборов³⁵. Очень важно, что они полностью отсутствуют на многочисленной серии монет тюркских правителей Шаша и сопредельных областей как с единичными, так и с парными изображениями, где правители изображены в разных головных уборах. Поэтому можно говорить, что головной убор для каждого тюркского правителя (или для правителей одной династии) был специфичен и сугубо индивидуален. Исходя из этих данных, возможно допустить два предположения в отношении серебряного блюда из Эрмитажа. Во-первых, оно могло быть изготовлено в Согде, но изображение на блюде передает сцену единоборства между представителями одной из тюркских династий Шаша. Во-вторых, что более убедительно, его изготовили местные мастера в Шаше, изобразив ту же сцену. Необычайный рост городов этой области в раннее средневековье, достаточно высокий уровень культуры, наличие сырьевых баз³⁶ и искусных резчиков по металлу, что

³⁰ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. 50.

³¹ Живопись древнего Пенджикента, М., 1954, стр. 137—138.

³² Там же, стр. 26—28.

³³ Б. И. Маршак, Согдийское серебро, М., 1971, стр. 61.

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 149.

³⁵ К сожалению, мы не смогли ознакомиться с работой Э. Херцфельда *Khurszan Parwes und der Tag-i Vastan*, где автор приводит параллели трехроговому шлему, по мнению А. М. Беленицкого, весьма отдаленные.

³⁶ О добыче серебра и других металлов в этой области см. Ю. Ф. Буряков, Горное дело и металлургия средневекового Илзака. V — начало XIII в., М., 1974.

доказывается местными монетами, где каждый изображенный — глубоко индивидуальный портретный образ, характеризуют Шаш как вероятную область по производству предметов торевтики.

Аббасидские монеты. 1. Год и город стерты. Л. ст. не различима. Об. ст.: в точечном круге трехстрочная надпись محمد / رسول / الله «Мухаммад посланник аллаха». Круговая легенда: أمير سعد بن مع ... д—1,9; в—1,5; л. ст.—С₃; об. ст.—С₂ (пом. 6).

2. Неизвестный правитель (предположительно местного чекана). Л. ст.: в точечном круге изображение правителя и правительницы, сидящих с поджатыми ногами. Правитель изображен в профиль с поднятой левой рукой; правительница в фас, руки сложены на коленях. Об. ст.: тамга в окружении согдийской надписи, д—20 мм (пом. 12, уровень второго пола).

До настоящего времени монеты подобного типа науке не были известны. Есть основания полагать, что они, видимо, выпускались местными правителями Ханабадтепа и округи. По стратиграфическим наблюдениям, возможная их датировка — первая половина VIII в. н. э. Иконографические особенности этой и другой близкой по типу монеты, найденной на городище, значительно отличающихся от обычных для этих мест и времени монет тюркских правителей, указывают на то, что в Нуджекете наряду с общими для Шаша тюркскими династиями, возможно, правила и местная династия, видимо, более древнего происхождения³⁷.

Анализ архитектурно-планировочных особенностей цитадели. К настоящему времени на территории Средней Азии частично или полностью изучены городские цитадели Варахши, Пянджикента и Хайрабадтепа, что позволяет провести соответствующие сопоставления. Обращает внимание тот факт, что планировка цитадели Ханабадтепа значительно отличается от них. Так, цитадель Пянджикента была двухъярусной и состояла из жилой сторожевой башни (донжона) с системой сводчатых помещений, коридора и большого квадратного двора. Ниже располагался внешний двор, окруженный глинобитными стенами³⁸. Цитадель Варахши представляла собой квадратный кешк на высоком стилобате³⁹, к которому в конце VII — начале VIII вв. пристроено сооружение из комплекса сводчатых длинных и узких помещений.

Более близка планировка цитадели Хайрабадтепа, где вдоль восточной стены идет такой же ряд узких небольших помещений, но в отличие от ханабадской цитадели они выходят не во двор, а в объединяющие эти помещения коридор⁴⁰. Другие элементы устройства и планировки цитадели Хайрабадтепа не сохранились,

³⁷ Мы воздерживаемся от более подробной трактовки монет до чтения надписей.

³⁸ А. И. Тереножкин, Раскопки в Кухендизе Пянджикента, МИА, 1950, № 15, стр. 81—93.

³⁹ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 91.

⁴⁰ В. А. Нильсен, Архитектура Средней Азии, стр. 33—34, рис. 10.

что исключает возможность полного сопоставления планировки этих цитаделей.

В ряде частных деталей известное сходство наблюдается при сопоставлении планировки цитадели Ханабадтепа с планом нижнего этажа кешка Актепа у абразивного завода в Ташкенте. Так, очень близки по общей конфигурации помещения 7—9 в южном углу цитадели Ханабадтепа и помещения 1—3 в юго-западном углу Актепа, обращенные проходами в разные стороны. Если на цитадели Ханабадтепа они выходят в открытый двор, то в Актепа проходы из помещений выводят в сводчатую галерею, охватывающую, по-видимому, по периметру весь кешк. В Ханабадтепа большинство помещений примыкают к крепостной стене и только в ряде из них узкие проходы через толщу крепостной стены выходят в стрелковую галерею, функциональное назначение которой было, вероятно, иной чем галереи в Актепа. В то же время юго-западный коридор, единственный на цитадели Ханабадтепа, по месту своего расположения и плану может быть сопоставлен с галереей Актепа, поскольку он также располагается перед крепостной стеной, а помещение уже за ним. В результате можно прийти к заключению, что при наличии одинаковых элементов планировки оба эти сооружения различаются между собой, что в первую очередь определялось, по нашему мнению, разным их функциональным назначением. Актепа — это замок (кешк) богатого дикана, цитадель Ханабадтепа — основное крепостное сооружение достаточно развитого городского организма, где фортификация, естественно, была более сложной⁴¹.

Таким образом, при сопоставлении среднеазиатских цитаделей выясняется, что цитадель Ханабадтепа значительно отличается от таковых и по существу являет собой иной тип сооружений подобного рода. Если известные цитадели можно охарактеризовать как сооружения, где сочетаются жилые и оборонительные постройки, то цитадель Ханабад в первую очередь имеет прямое военно-оборонительное назначение. Здесь не обнаружено жилых и парадных помещений и нет оснований полагать, что они были. В ханабадской цитадели все подчинено военным целям. Крепостные стены, стрелковые галереи, башни, узкие помещения-казематы, открытый большой двор-плац, где, возможно, проходили военные учения, — весь этот комплекс в целом наиболее точно соответствует оборонительным функциям. Исходя из приведенных данных можно вероятнее всего охарактеризовать цитадель Ханабадтепа как сооружение военно-оборонительного типа, в котором содержался постоянный военный гарнизон. Можно даже допустить, имея в виду количество находящихся в ней помещений, что количественный состав такого гарнизона колебался в пределах 200—250 человек.

⁴¹ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента, Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 71—135.

В свете определения цитадели Ханабадтепа как сооружения военно-оборонительного назначения большой интерес представляют сведения о шашском городе Джабгукете, приведенные в анонимной географии «Худуд ал-алем». Согласно этому источнику, «Джабгукет — городок цветущий и военный лагерь Чача в нем [был] в древности (т. е. до арабского завоевания)»⁴². В. М. Массон полагал, что упомянутый здесь военный лагерь представлял собой пространство, обнесенное стеной, внутри которого стояли шатры кочевников, где затем сложился Джабгукет, отождествляемый им с Тугайтепа⁴³. Нам представляется, что подобное толкование не совсем соответствует действительности. Из источника не видно, был ли городком раньше Джабгукет, как впрочем и то, что он не был городком. Однако контекст позволяет допустить, что Джабгукет мог быть городком и что военный лагерь Шаша помещался в нем, т. е. внутри него, а не составлял отдельное сооружение. При таком толковании этого текста и сопоставлении его с приведенными археологическими данными можно допустить, что военный лагерь Шаша — сооружение такого же типа как цитадель Ханабадтепа, находившееся внутри городских стен и имеющее военно-оборонительное назначение.

Собранные археологические материалы в совокупности позволяют наметить основные хронологические этапы обживания цитадели Ханабадтепа. Не вдаваясь в детали, поскольку они достаточно подробно изложены выше, вкратце охарактеризуем их. Начало обживания цитадели приходится на вторую половину VI в., хотя трудно судить, была ли она в этот период окружена стенами. По-видимому, в первой половине VII в. территория цитадели, возможно, и большей части города, некоторое время была оставлена жителями из-за сильных паводков Чирчика. В середине или начале второй половины VII в. вновь происходит заселение цитадели, причем весьма интенсивное, т. к. культурные слои, приходящиеся на этот период, достигают мощности более 2 м. Где-то во второй половине VII в. территория цитадели преобразована в сооружение военно-оборонительного назначения. При его строительстве над предшествующими слоями уложена глинобитная масса, мощностью около 1 м, послужившая фундаментом верхнего сооружения. Здание цитадели по вскрытому верхнему строительному горизонту имело два этапа обживания, которые по найденным монетам можно датировать второй половиной VII—началом VIII вв. (первый этап) и второй половиной VIII в. (второй этап). Вероятно, в конце второго этапа цитадель пришла в заброс, что скорее всего связано с бурными политическими событиями VIII в., происходившими в Шаше, когда эта область переходила то к арабам, то к тюркам⁴⁴. Харак-

⁴² Худуд ал-алем, л. 246.

⁴³ И. Баишев, В. М. Массон, Археологические разведки в районе Ташкента, стр. 137.

⁴⁴ В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 500.

терно, что в этот же период забрасывается и цитадель городища Намудлыг на территории Илака⁴⁵. Следовательно, данное явление не единичный случай, а часть общего процесса временного упадка городов на территории Шаша и Илака.

Археологические данные, полученные на цитадели, свидетельствуют о том, что ее территория не обживалась также в саманидский и караханидский периоды, поскольку здесь не найдено ни одного фрагмента керамики этого времени. Новое ее частичное освоение приходится на XV—XVII вв., но неизвестно, что представляла собой цитадель в данный период, так как слои этого времени почти полностью сnivelированы.

Оборонительные стены. Наряду с цитаделью проведено исследование городских оборонительных стен. Основной разрез произведен на юго-восточном фасе, в 100 м от угловой башни, где от всего вала сохранился отдельно стоящий останец из сырцового кирпича и пахсы.

Наблюдения по внешнему периметру обрывов стен городища, разрез одного из ее фасов дают возможность сделать предварительные выводы о фортификационных особенностях средневекового города.

Северо-западный и юго-западный фас целиком сложены из пахсы. В траншее, образованной при проведении арыка, обнажения стен высотой 5,5—6 м сложены пятью рядами пахсовых блоков. Иную картину можно наблюдать в северо-западном углу. Здесь над пахсовым цоколем прослежена кладка стены из сырцовых кирпичей протяженностью 15 м. Небольшие по объему зачистки проведены в трех пунктах юго-западного фаса, где вал городских укреплений почти до подошвы сnivelирован наступающими на городище домами поселка. При проведении водопроводной траншеи удалось в нескольких точках зафиксировать направление стены по нескольким рядам кирпича, сохранившимся у подошвы. Западный угол и северо-западный фас оборонительной стены почти не пострадали от разрушения и возвышаются местами на 4 м над окружающей территорией. Даже сейчас при сохранности в отдельных местах до 6 м высоты крепостные стены поражают внушительными размерами.

Насколько же действенной была обороноспособность укреплений в средневековье, какова причина их разрушения? Более полно ответить на эти вопросы стало возможным после раскопок у останца крепостной стены на юго-восточном фасе (рис. 10). По рельефу этот участок расположен в самой пониженной части городища. К востоку возвышается бугор, сохранивший былой рельеф, благодаря использованию его под кладбище. На спуске с бугра к дороге, проходящей мимо цитадели, удалось проследить следы функционирования целого комплекса керамических печей.

⁴⁵ Ю. Ф. Буряков, Археологические материалы по истории Намудлыга, ИМКУ, вып. 9, 1972, стр. 105.

Здесь после вспашки вывернуты прокаленные докрасна стенки печей, сепайя, шлаки, керамика X—XI вв.

К северо-западу от останца простирается низина, где во время выборки земли прослеживались конструктивные остатки периода раннего средневековья. Очевидно, они прекратили существование одновременно с гибелью пристенного комплекса помещений, который, как выяснилось при раскопках, погиб в пожаре арабского нашествия.

При дальнейшей застройке шахристана жители отступили в глубь города, поэтому руины этой части возвышаются почти на 2 м. Останец, на котором предполагалось вначале произвести

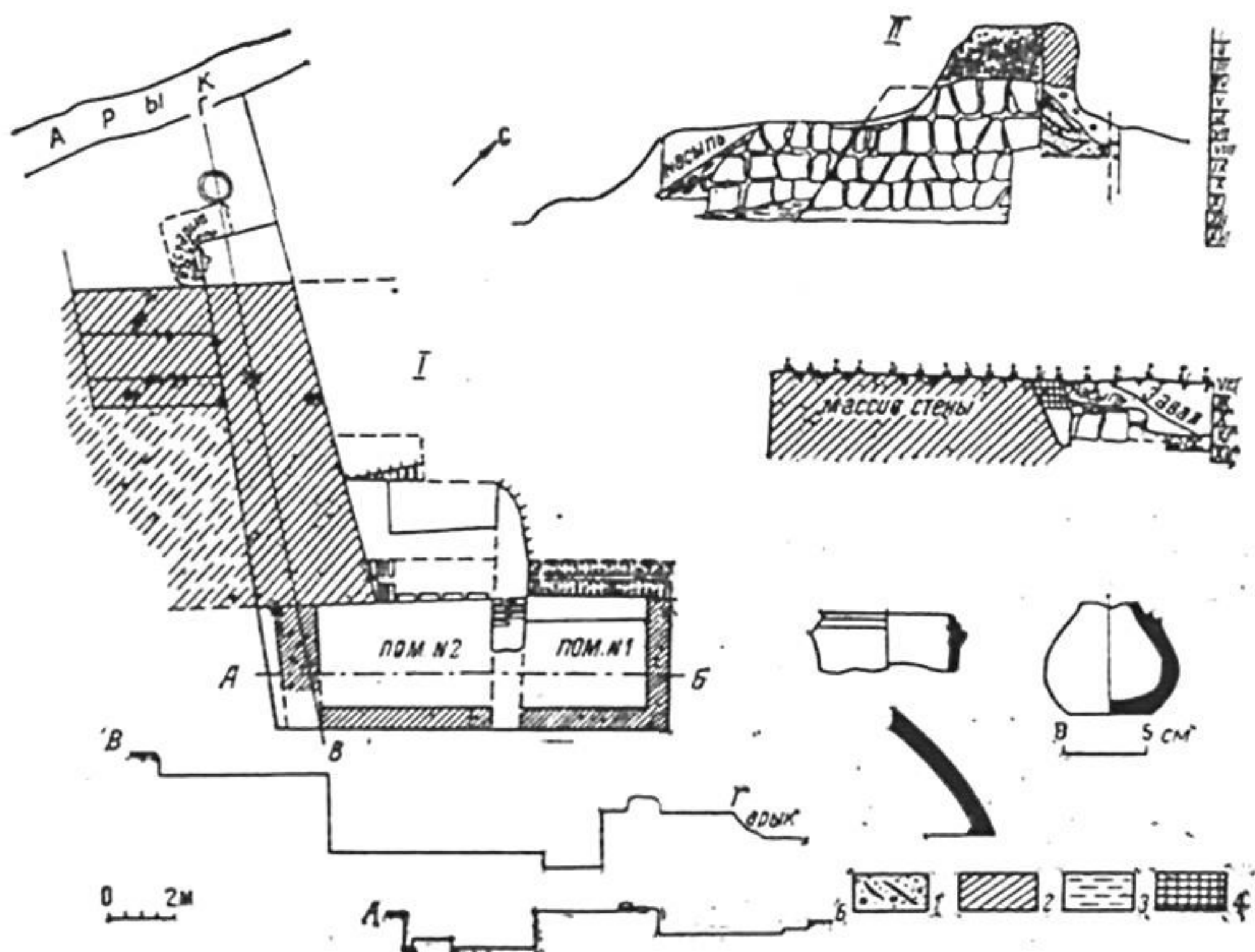

Рис. 10. Городище Ханабад. I. План. II. Разрез крепостной стены в юго-восточной части. Условные обозначения:

1—заполнения помещения № 2; 2—поздняя обкладка башни; 3—материк; 4—слой запустения

только зачистку, затем превращен в раскоп площадью в 50 м². В результате раскопок и произведенного разреза до материкового грунта выяснились основные периоды функционирования стены и прилегающих помещений.

В первом периоде, соответствующем нижнему слою, на шахристане и цитадели возведена стена из пахсы, которая укладывалась на высоту до 4 м, при ширине по подошве в 7 м, по верху ее высота 3—3,15 м. Внешний фас с гладкой поверхностью скошен к основанию, внутренний крутой. Комплекс помещений пристраивается впритык к пахсовой кладке стены.

У внешнего края стена в основании имеет несколько покатую поверхность, покрытую горелой прослойкой с пеплом и сажей. Здесь на уровне XIII яруса поднято 4 железных трехлопастных наконечника стрел. Втулки удлиненные с гвоздиками для креплений. Наконечники едва ли могут дать точную датировку слоя, так как были широко распространены с IV в. вплоть до VIII в. на огромной территории от Хорезма до Алтая. Здесь поднята кружечка ручной лепки, которая может быть датирована не ранее V в. Нижний горизонт помещений беден керамикой, но найденные в нем фрагменты тонкостенных сосудов соответствуют керамике из нижнего горизонта разреза шахристана, чем подтверждается указанная выше датировка.

В следующий период производятся значительные конструктивные дополнения. Подравнивается верх пахсового массива и надстраивается стена из сырцового кирпича размерами $43 \times 30 \times 8$ — 9 см; $40 \times 25 \times 8$ см с внутрестенным сводчатым боевым коридором. Длина выявленного коридора 4,65 м. Просевшее сводчатое перекрытие сохранилось благодаря монолитности, здесь можно проследить конструкцию свода, выложенного «отрезками» с использованием специально формованного кирпича трапецеидальной формы. Такой способ кладки отмечен В. Л. Ворониной в кладке сводов Пянджикента, в согдийском здании под Кафиркалой, Хорезме⁴⁶. Это конструктивное решение способствовало прочности, большей монолитности свода, что особенно важно в фортификационных сооружениях. Внешняя стена коридора сохранилась всего на 1,5 м длиной и 30 см высотой. На этом отрезке удалось выявить проем бойницы, назначение которого именно в этом плане не вызывает сомнения, т. к. все его грани оштукатурены. Стены коридора и прорезы бойниц несут следы пожара, нанесшего непоправимый урон оборонительной системе.

Форма бойниц не сохранилась, но возможно, что они имели стрельчатый абрис, широко известный в декоре оссуариев. В заполнении коридора поднято несколько фрагментов тонкостенных сосудов VI в. и глиняная булла, на которой можно различить неясный силуэт человека с каким-то предметом в отведенной руке.

Одновременно с возведением стены производится перестройка пристенного комплекса помещений, предназначавшихся, очевидно, для жилья охранного гарнизона.

Обгоревшие стены жилых помещений и стрелковой галереи, уже не восстановленные после пожара, расплюснутые костяки у подножия стен свидетельствуют о драматических событиях одного из сражений, приведшего к продолжительному запустению городских стен и большей части территории шахристана.

К VIII—IX вв. стены вновь восстанавливаются, причем строители, учтя уроки прошлого поражения и убедившись в недееспособ-

⁴⁶ В. А. Нильсен, *Архитектура Средней Азии*, стр. 250.

ности существующих оборонительных сооружений, усиливают линию крепостных стен наращением изнутри и снаружи пахсовой обкладкой.

В результате проведенных работ внешний фас приобрел ступенчатый профиль. Этот фортификационный элемент В. Л. Воронина наблюдает у южных стен пянджикентского шахристана, где ступенчатый выступ (берма) достигает высоты 4 м. Цоколь двускатного профиля отмечен в стенах старой Нисы⁴⁷.

Спустя столетие оборонительным укреплениям стали уделять меньше внимания, так как стабилизация политического положения, наступившая в середине IX в., приводит к преднамеренному ослаблению обороны бывших удельных городков. Господствующая династия поощряла индифферентность городских подданных. Эта умиротворенность укоренилась настолько, что, по свидетельству источников, ни один город Мавераннахра не оказал сопротивления караханидам⁴⁸.

Внешний уступчатый фас стены VIII—IX вв. стал местом погребения. Здесь обнаружено большое число больших и малых фрагментов глиняных астоданов с остатками костей, которые указывают на существование целого некрополя. Два оссуария украшены резным и процарапанным орнаментом только с одной стороны, обращенной, видимо, наружу для выставления гробиков в нишах науса.

Оссуарий 1. Овальной формы. Размер по верху 46×22 см, высота с предполагаемой крышкой 36 см. без нее 24 см. Вылеплен ящичек из плотно промешанной глины с примесью дресвы, необожжен. Лицевая сторона орнаментально разделена на два квадратных панно налепными жгутиками. В каждое панно вписана четырехконечная звезда или ромб, от центра которых расходятся лопасти пропеллера с круглыми отверстиями в центре и на концах лопастей. По краю бортика также жгутообразный налп. Под ним пояс из процарапанных треугольников (рис. 11).

Оссуарий 2. Размер 44×23 см. Высота 31 см. Лицевая сторона разделена налепным жгутом на три панно. По краю бортика зубцы. Под ними пояс с вписанными треугольниками. Второй пояс в каждом из панно состоит из трех сквозных элементов. По краям стреловидные прорезы. Посредине грибовидная прорезь. Между ними в два ряда врезаны треугольники углами вниз.

Третий пояс состоит из двух четырехлопастных пропеллеров (солярные символы), вписанных в звезды с круглыми отверстиями в центре каждой. Второе же панно в нижнем ярусе орнаментировано четырьмя «елочками», две из которых иглами обращены вниз.

⁴⁷ В. Л. Воронина, Раннесредневековый город Средней Азии, СА, 1959, № 1, стр. 94.

⁴⁸ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 348.

Все восстанавливающиеся ящички овальной формы с крышками, украшены наклепными жгутиками и с лицевой стороны резным и процарапанным орнаментом в виде квадратов с вписанными крестовинами и «елочками». Крышки увенчаны шишечками в виде птиц с расправленными крыльями и примитивно выполненных бородатых человеческих лиц с ярко выраженными тюркскими чертами (рис. 12). Оссуарии как по типу, так и по характеру орнаментации примыкают к обширному кругу этих предметов, най-

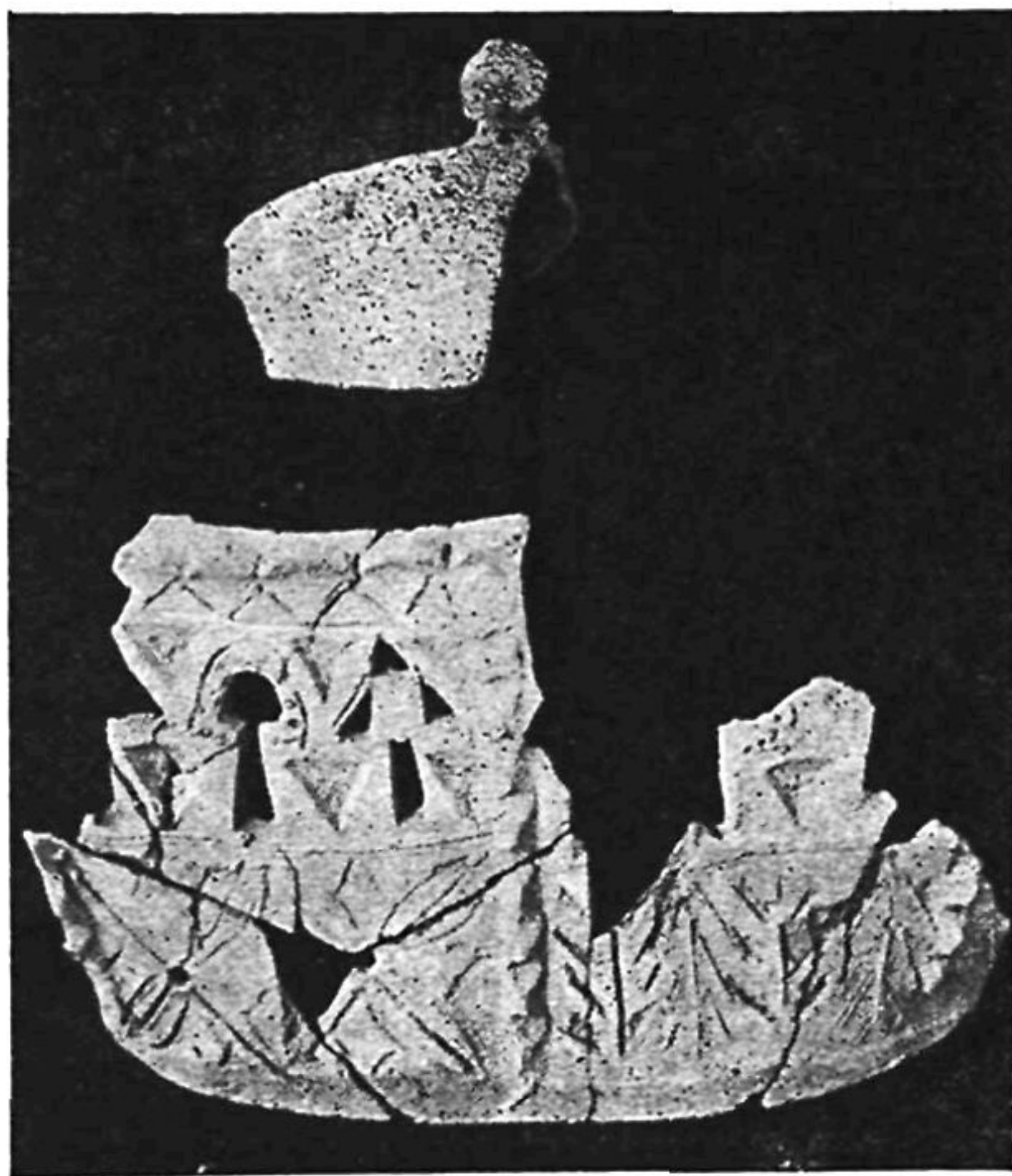

Рис.11. Оссуарий

денных в разных частях Шаша и Илака. Тожественное сходство наблюдается с ящичками из Тойтюбы и долины Ангрена⁴⁹. Мотивы орнамента навершия в виде птиц и человеческих лиц настолько сходны, что позволяют говорить не только о глубокой традиционности, но и известной канонизации производства этой группы керамических изделий, а также о широкой распространенности обряда оссуарного захоронения в Шаше и Илаке.

⁴⁹ М. Е. Массон, К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, стр. 29—30.

Расширенная в поисках астоданов или следов науса площадка выявила интересную картину. Вплотную к месту погребений в XV—XVI вв. пристроен ряд хозяйственных помещений, стены которых не сохранились, но осталась кладка из булыжника фундамента стен. В одном помещении почти в центре на постаменте из булыжников разбитая хумча, заполненная золой и углем. В другом помещении расчищены остатки тандыра. Эти постройки и явились в сущности причиной разрушения площадки с погребениями. Об этом свидетельствует, например, почти по пояс срезанное по-

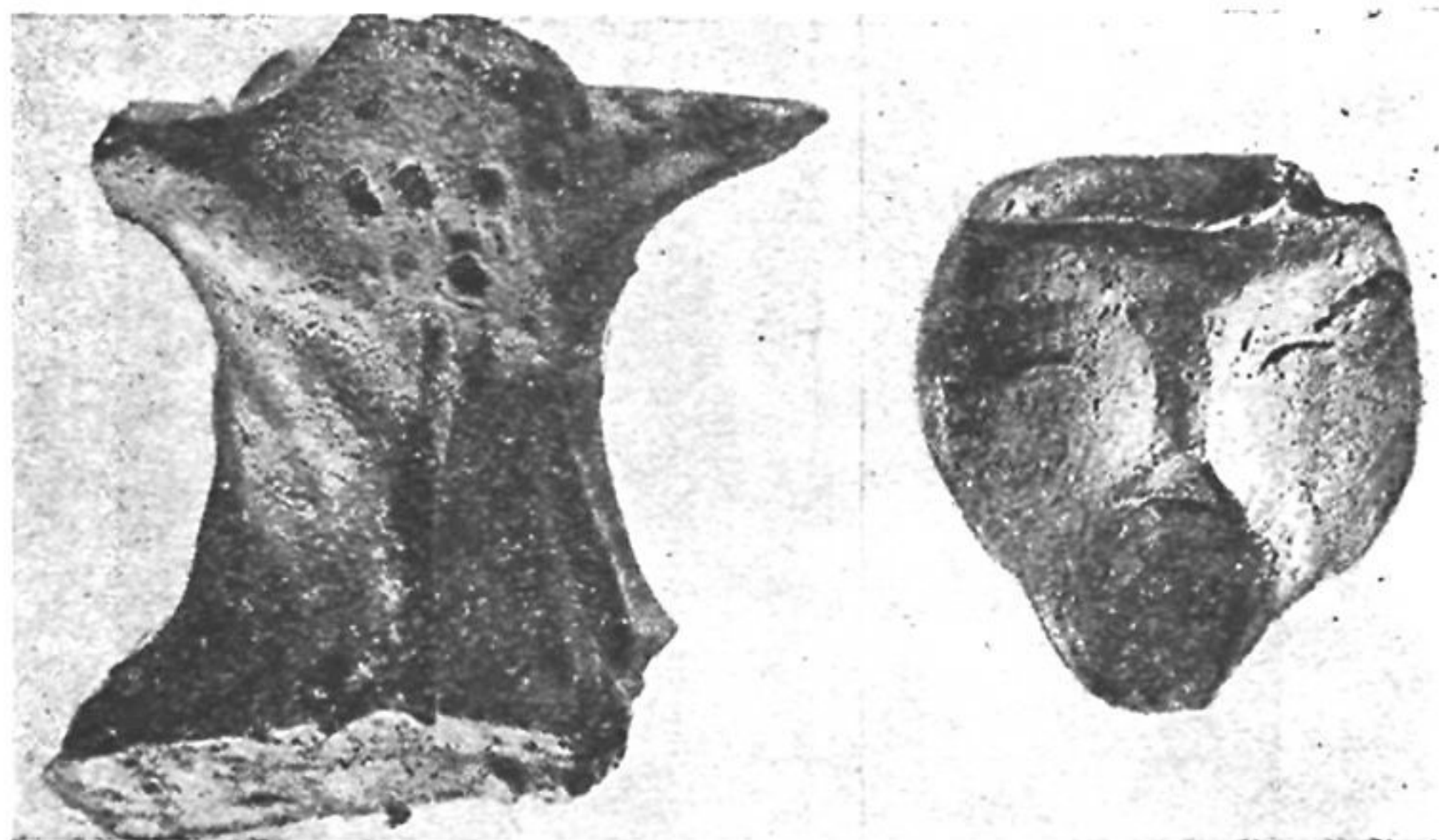

Рис. 12. Навершия крышек оссуариев

гребение, перекрытое фундаментом стены помещения XV в. Очевидно, чрезвычайно плотная утрамбовка над сохранившимися оссуариями служила полом этих временных жилищ.

Отмеченные стратиграфические наблюдения, сделанные при разрезе крепостной стены, нашли полное подтверждение и при исследовании примыкавших к стене группы помещений. Были частично вскрыты два помещения с внутренней стороны крепостной стены. Для всех помещений характерна пахсовая забутовка верхней части. Блоки уложены в два ряда весьма небрежно по наклонной плоскости завала помещений.

Помещение 1. На уровне современной дневной поверхности сохранился лишь угол помещения. Стены, сложенные из сырцового кирпича размером $43 \times 23 \times 10$ см с небольшими пахсовыми блоками, возведены впритык друг к другу. Юго-восточная стена примыкает к массиву крепостной стены. Возвышаются эти остатки более чем на 3,5 м. В 50 см от вымостки пола из квадратного сырцового кирпича размером $25 \times 24 \times 8,5$ см отходят неширокие уступы из сырца, уложенного вперевязку со стеной. Верхний слой этих уступов сложен из целых кирпичей. Под ним кладка из кусков кир-

пича. При разборе этой суфы выявлено скопление керамики. Здесь же найдена железная ложечка. В завале над вымосткой пола собрано значительное количество керамических изделий VII—VIII вв., из которых могут быть собраны 4 кувшина с краснолощеной поверхностью с оттянутым сливом (рис. 13).

Наиболее характерны фрагменты нескольких чаш с очень тонкими вертикальными бортиками, изготовленными на гончарном круге быстрого вращения. Снаружи и изнутри покрыты светло-розовым ангобом.

Вне Шаша прямые аналоги для станковой керамики наших комплексов находятся в керамике Пянджикента, Талибарзу и частично в Семиречье⁵⁰.

В большом количестве встречены фрагменты хумов, хумча диаметром 32, 45 см с темно-коричневыми и красными потеками по серому ангобу, фрагменты сосудов типа крынок, кружек с приземистым корпусом и цилиндрическим горлом с круглой ручкой и плоским дном. Аналогичные формы этих сосудов встречены в холме Актепа близ Ташкента, Пянджикенте⁵¹, Мингурюке и могут быть датированы VII—VIII вв.

Особенно большой интерес представляет обнаруженная на полу медная монета одного из тюркских правителей Шаша (рис. 14). Л. ст.: фигура правителя, сидящего прямо на коврике (троне?) с поворотом головы вправо. Правая рука согнута в локте и опирается на меч, опущенный вертикально. Левая отведена в сторону и держит какой-то предмет (булаву?). Слева от головы часть неопределенной легенды. Об. ст.: тамга и следы легенды на согдийском языке. Находка такого типа монет единична. Таким образом, помещение до уровня пола можно датировать концом VII—VIII вв.

Разрез помещения до материка дал сложную стратиграфическую картину нескольких периодов конструктивных изменений. Общая мощность культурных наслоений под полом I уровня 2,5 м. Вымостка пола из пяти рядов кирпичей по сторонам примыкала и перекрывала сложенную из сырцового кирпича платформу или постамент. Он опущен на глубину 1,23 м и расположен на уровне пола следующего, более раннего, периода (рис. 15).

По сторонам этого постамента проходы вдоль стен шириной 96—100 см засыпаны пеплом сгоревшего камышового перекрытия. Керамический инвентарь данного периода немногочислен, он может датировать этот период VI—VII вв.

Ниже продолжается культурный слой, насыщенный золой, и подстиляется еще одной кирпичной кладкой. Она перекрывает слой, также содержащий культурные остатки и подстиляется пахсовой платформой, основанной на материковом грунте.

⁵⁰ И. Б. Бентович, Керамика верхнего слоя Пенджикента, МИА, 1964, № 124, стр. 270, 272, 274, 279, рис. 17; Г. В. Григорьев, Городище Талибарзу, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87; А. Н. Бернштам, Чуйская долина, МИА, 1950, № 14, табл. XI 4.

⁵¹ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента, стр. 114.

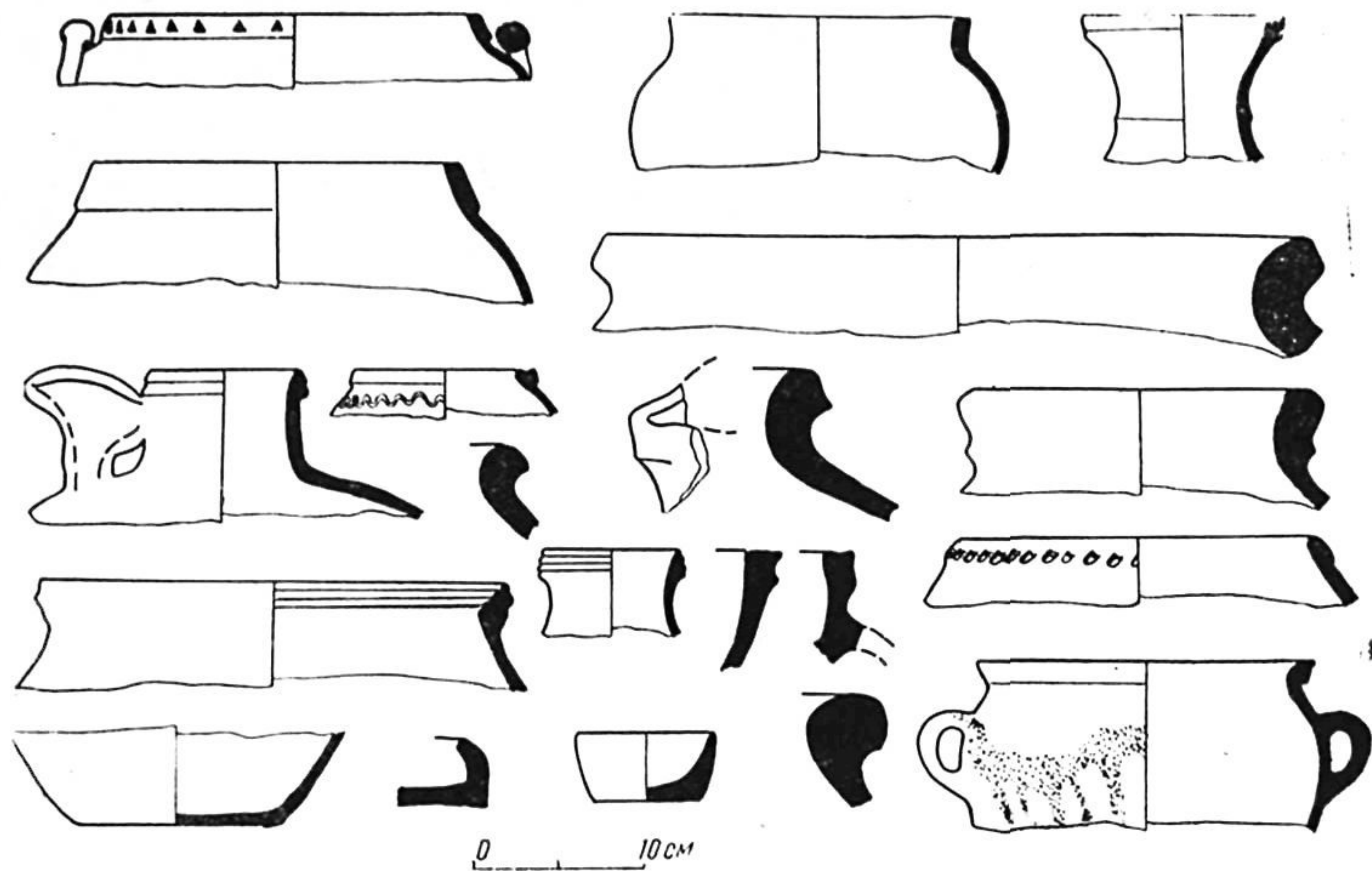

Рис. 13. Комплекс керамики из разреза крепостной стены

Помещение 2. Наиболее сохранившаяся юго-западная стена, служившая стеной стрелковой галереи, и юго-восточная, возведенная раньше, построены также впритык. Стены покрыты саманной обмазкой. Юго-восточная пострадала при пожаре. Северо-западная стена значительно худшей сохранности — 0,6 м высоты, выявлена в длину на 2 м.

Часть помещения забутована на 2 м пахсой. Стены сложены способом комбинированной кладки. До уровня первого пола высота 3,35 м. В перевязку со стеной выложена суфа из трех рядов кирпичей. В южном углу закопан хум с коричневыми потеками. Если бы он относился к нижним периодам, то был бы или засыпан, или разбит. Промежуток между забутовкой и уровнем пола заполнен рыхлым завалом, насыщенным золой, кусками кирпича, керамикой. Этот факт — свидетельство длительного запустения жилой архитектуры.

Следующий период характеризуется наличием в центре сложенной из пяти рядов сырцового кирпича прямоугольной платформы, как и в помещении 1, замурованной полом верхнего помещения. Пространство между стенами и платформой заполнено

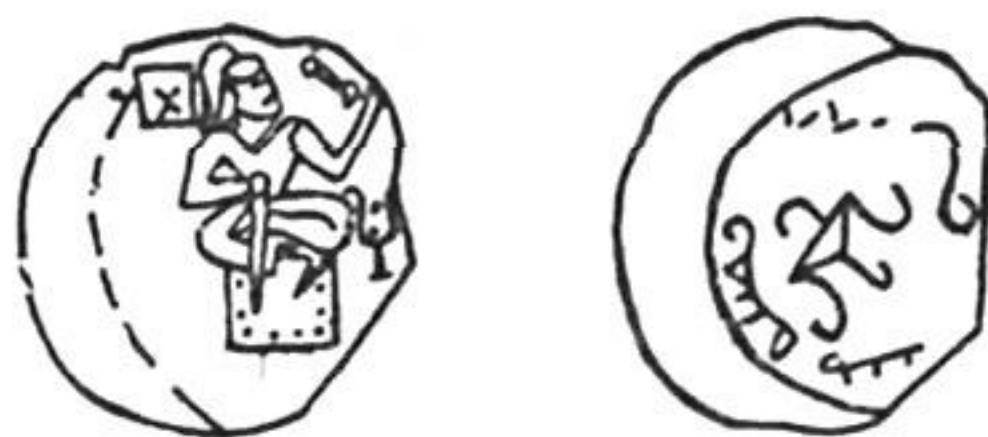

Рис. 14. Медная монета из помещения

мягкой золой от сгоревшего перекрытия и кусками обожженного докрасна сырцового кирпича. Здесь подняты три медных монеты, медная пряжка, железный нож. На л. ст. двух монет в поле в круге из крупных точек погрудное изображение, на об. ст. разновидность шашской тамги с надписью согдийским письмом вокруг⁵².

У стены, граничащей с помещением 1, в углу на стенах юго-восточной и северо-западной сторон выявлены арочные проемы, забутованные кирпичной кладкой в один из ремонтных периодов.

После гибели или запустения города в VIII в. на развалинах помещений, также как и на стене, осуществляли захоронения. Они очень повредили северо-западную стену, что затруднило расчистку предполагаемого дверного проема.

Конструктивные остатки этого периода по керамическим формам и монетам не могут быть датированы ранее конца VI в. Подстилающие отложения представляют культурный слой начальной стадии обживания пристенного участка и его конечный уровень соответствует уровню древней дневной поверхности с наружной стороны крепостной стены. Сведения об устройстве первоначальной крепостной стены Ханабада позволяют сопоставить приемы ее возведения с соответствующими сооружениями Средней Азии поры раннего средневековья (строительный материал, характер кладки,

⁵² О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 33.

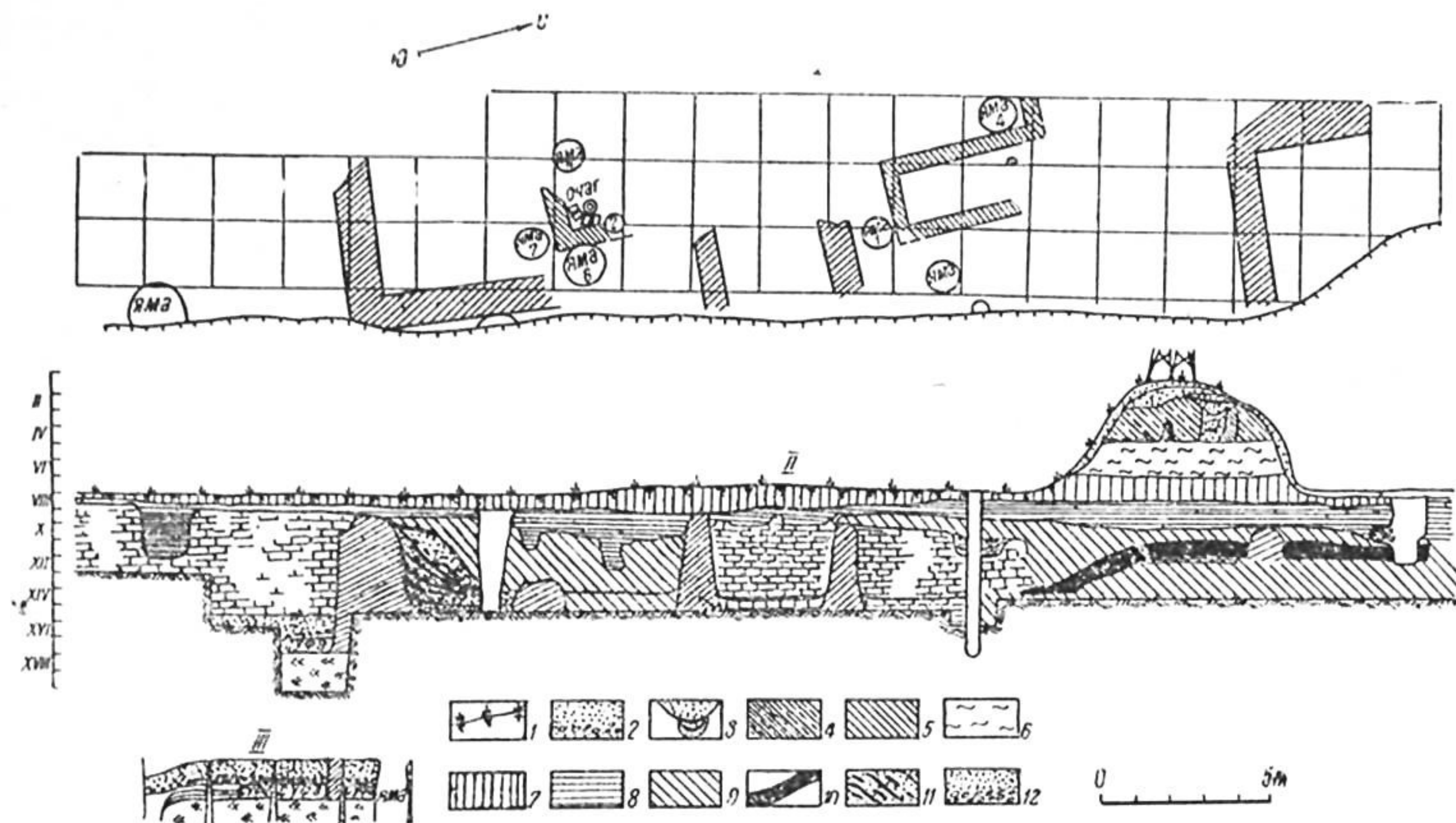

Рис. 15. План и стратиграфический разрез шахристана. I. План раскопа по горизонту VIII—IX ярусов.

II. Стратиграфический разрез по линии C10—ЮЗ. III. Разгертка шурфа. Условные обозначения:

1—дерновый слой; 2—насыпной рыхлый слой; 3—мусорная яма; 4—слой XII в.; 5—остатки жилых помещений XI—XII вв.; 6—слой XI в.; 7—слой X—XI вв.; 8—культурный слой IX в.; 9—культурный слой с остатками жилых помещений VII—VIII вв.; 10—завал; 11—завал с включением крупной гальки и кусков шлака; 12—наносный слой из гальки и песка

наличие уклона фаса и др.)⁵³ и датировать существование первоначальной стены в пределах VI—VIII вв. Это подтверждается и характером обнаруженной в теле пахсы неполивной керамики.

Возможно, прекращение функционирования оборонительного сооружения надо связывать с какими-то политическими событиями, приведшими к пожару и разрушению. Это могло быть вызвано арабским вторжением. Следствием чего и явилось сложение, видимо, в VIII в. оссуарного кладбища в непосредственной близости к стене.

Возрождение городских укреплений фиксируется в разрезе мощной пахсовой обкладкой, взявшей как бы в футляр древнее ядро примыкающих помещений, заполненных строительным завалом, которые были забутованы пахсой и надстроены разросшейся внутрь кладкой крепостной стены. Это мероприятие имело место, видимо, ранее конца VIII в. В разрезе читается еще несколько мелких ремонтов, произведенных в последующем.

Исходя из результатов изучения стратиграфии на самом городище, город дожил до XIII в., после наступает его окончательное запустение. Эта дата последняя в функционировании городских укреплений.

Изучение фортификационных сооружений городища, как и стратиграфии, прежде всего поколебало укоренившееся представление о времени возникновения и существования города.

Ханабад, воспринимавшийся ранее как типичное средневековое феодальное городище⁵⁴, оказалось, получил свой квадратный абрис еще в раннефеодальную эпоху, когда он уже обладал мощными оборонительными укреплениями и оригинальной цитаделью.

Исследование стратиграфии шахристана. Рельеф городища отмечен большими перепадами высот. В центре под триангуляционной вышкой сохранился останец верхних культурных напластований. Исследование стратиграфии проведено путем заложения раскопа по кромке обрыва в южной части и зачистки останца под триангуляционной вышкой. В результате удалось получить довольно полную картину последовательности сложения свиты слоев на городище.

Разрез на обрыве длиной до 40 м вытянут в направлении СВ—ЮЗ. Учет материала велся по ярусам (50 см). Одновременно проводилась фиксация по уровням полов. В одном месте разрез доведен до материка шурфом 2×2 м. Общая высота наслоений разреза достигает 8 м и подразделяется на три горизонта. К нижнему относятся остатки жилых помещений с пахсовыми стенами шириной до 0,1 м, с суфами вдоль них высотой 0,5 м и шириной 0,95 м, выложенными из сырцового кирпича 50×25×10 см.

Отмечено интенсивное обживание этих помещений: в срезе шурфа зафиксировано до трех уровней полов. Нижний сероватого

⁵³ В. Л. Воронина, Раннесредневековый город Средней Азии, стр. 94, рис. 26.

⁵⁴ М. Е. Массон, Ахангеран, стр. 42.

цвета, а два верхних имеют сильно обгоревшую поверхность, стены помещений также обожжены. Основной материал с полов и из заполнения составляет керамика. Следует отметить фрагменты грубого лепного котла со значительными примесями песка в тесте, кусок жаровни с вертикальным бортиком, обилием шамотных примесей. Этот тип жаровен довольно широко распространен по всей Средней Азии с глубокой древности и до X в.⁵⁵ Выразительная чашечка с перегибом стенки с плоским дном с ангобным покрытием светло-розового цвета. Аналогичные сосуды встречены в керамике III—IV вв. на городище Варахша, в Казахстане они обнаружены в слоях IV—VI вв. Чашечки подобной формы широко известны на памятниках каунчинской культуры, начиная с I в. до н. э. и до VIII в. н. э.⁵⁶

Находки в слое указывают на жилой характер помещений и позволяют отнести этот горизонт к V—VI вв. Помещения пришли в запустение, о чем свидетельствует слой высотой 0,7 м, перекрывающий суфу и гребень сильно разрушенной поперечной стены. Нижние отложения слоя состоят из крупного и мелкого галечника с включением речного песка, верхние из рыхлой земли серого цвета с зольными линзами. Возможно, этот слой образовался в результате разлива Чирчика. После длительного запустения помещения обживаются вторично. Пахсовые стены наращиваются сырцовым кирпичом форматом $50 \times 25 \times 10$ см. Наблюдаются значительные перестройки. Прослежена поперечная стена, сложенная из сырцового кирпича размером $42 \times 23 \times 10$ см.

Следующий строительный период представлен помещениями VII—VIII вв. Для этого этапа четко читаются по всей длине разреза отличной сохранности сырцовые стены высотой до 2 м целого ряда помещений. На полу одного из них расчищен слой пожарища (0,30 м), включающий куски обгоревших балок рухнувшего перекрытия, комья обожженной земли, древесного угля и раздавленных сосудов с сильно закопченными стенками. Комплекс посуды, извлеченный из этого помещения, характерен для раннесредневекового времени и представлен хумами и хумча с валикообразными венчиками с острой закраиной, диаметры 32—50 см (снаружи по серому ангобу потеки темно-коричневой краской), кувшинами с ручкой, со слегка оттянутым венчиком-сливом, невысоким горлом и яйцевидным туловом с бурыми потеками ангоба, широкогорлыми корчагами с выступом для крышки, по плечикам пояс линейно-волнистого прочерченного орнамента.

В этом же комплексе кружки с приземистым корпусом и цилин-

⁵⁵ М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭ, т. IV, 1959, стр. 154, рис. 34, 7; С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг и др., Кой-Крылган-кала, М., 1967, стр. 319, рис. 36—37.

⁵⁶ Н. И. Крашенинникова, Археологические наблюдения на Чаш-тепе, Труды ТашГУ, вып. 72, 1960, рис. 4, 6—7, 6, 1—2; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина, Древности Чардары, Алма-Ата, 1968, стр. 50, рис. 20, 27, 34, рис. 21, 3, рис. 25, 46—48.

дрическим горлом с петлевидной ручкой. Весь комплекс аналогичен керамике городища Мингурюк⁵⁷, Актепа⁵⁸ у абразивного завода и керамике, обнаруженной в слоях VI—VIII вв. в Пянджикенте⁵⁹. Здесь же найдены фрагменты дастарханов на трех ножках с пальцевыми вмятинами у основания, украшенные орнаментом в виде «елочек» и овалов. Широкое распространение подобные дастарханы получают во многих районах Средней Азии в VIII—XI вв.⁶⁰

На уровне пола найден глазурованный ритон. Снаружи он покрыт прозрачной зеленой, а с внутренней стороны золотисто-коричневой глазурью. Резервуар приземистый с низкими стенками в виде раструба. Нижняя часть имеет форму фантастического быка с оскаленной мордой. На лбу и хвосте барочные растительные розетки. Стилистические признаки и технологические приемы уводят нас в Китай эпохи Тан (рис. 16) и позволяют считать его привозным⁶¹.

Следующий строительный горизонт датируется первой половиной IX в. С его уровня спускаются несколько свалочных ям. В комплексе посуды преобладает неполивная керамика, две глазурованные чаши, относящиеся к наиболее ранним типам поливной керамики Шаша (рис. 17). Сосуды имеют грубые толстые стенки с изгибом в средней части, кольцевой поддон на прямой ножке. Глазурь положена непосредственно на черепок без ангоба с небольшими наплывами на тыльной стороне сосудов. Орнамент состоит из растительных и геометрических элементов, выполненных сочетанием травянисто-зеленого и сине-зеленого цветов. Контур рисунка для придания четкости обведен тонкой марганцево-черной линией. На одной из чаш асимметрично к центру на бортике изображен ромб, вписанный квадратом, на другой две трапециевидные фигуры с растительными элементами внутри: края чаш украшены крупными овальными фестонами. Неполивная керамика из этого же комплекса довольно разнообразна по своим формам: крышки полусферической формы с ручкой столбиком и вмятинами по краю, широко распространены в Шаше в VI—VIII вв. и позже. Близкие аналогии им находятся в керамике Южного Казахстана VI—VIII вв.⁶² и в Семиречье⁶³. В комплексе встречена кружка явно каунчинского облика, характерная для Ташкентского оазиса.

⁵⁷ Ю. Ф. Буряков, Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956.

⁵⁸ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента, стр. 114.

⁵⁹ И. Б. Бентович, Керамика верхнего слоя Пенджикента, стр. 270, рис. 6, стр. 282, рис. 21.

⁶⁰ У. Алимов, Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе, ИМКУ, вып. 8, 1969, стр. 110 и др.

⁶¹ Dorothy G. Shepherd, Iran between East and West. East—West in Art, Indiana, 1966, p. 94, tabl. 145.

⁶² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 174—175, рис. 92.

⁶³ П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, Фрунзе, 1959, стр. 31, табл. IV, 2, 4.

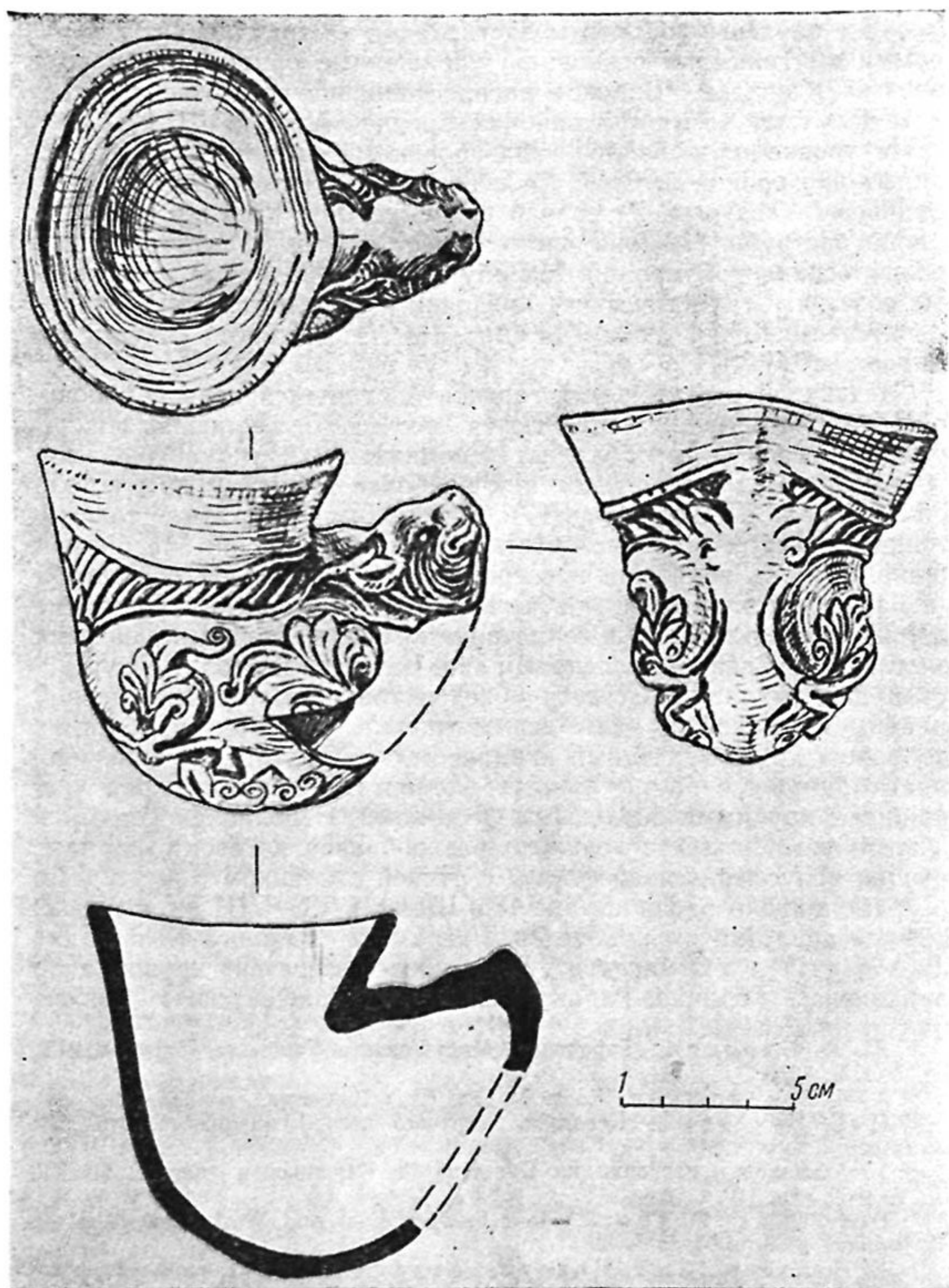

Рис. 16. Глазурованный ритон

Кувшины представлены тремя видами: широкогорлым одноручным, узкогорлым и низкогорлым с примытым сливом и коленчатой ручкой с потеками бурой краски на плечиках. Здесь же обнаружена корчага с двумя небольшими симметрично расположенными ручками и полосой бурого ангоба на плечиках. Аналогичный сосуд встречен в слоях VI—IX вв. в Таразе. Второй очень своеобразный сосуд напоминает кружку-корчагу с широким, расширяющимся в верхней части горлом и легкими зажимами у венчика. Аналогичен встреченному в раннесредневековых слоях Мингурюка в сопровождении монеты первой половины VII в.⁶⁴ Наличие подобной формы в ханабадском комплексе удлиняет период ее бытования до начала IX в.

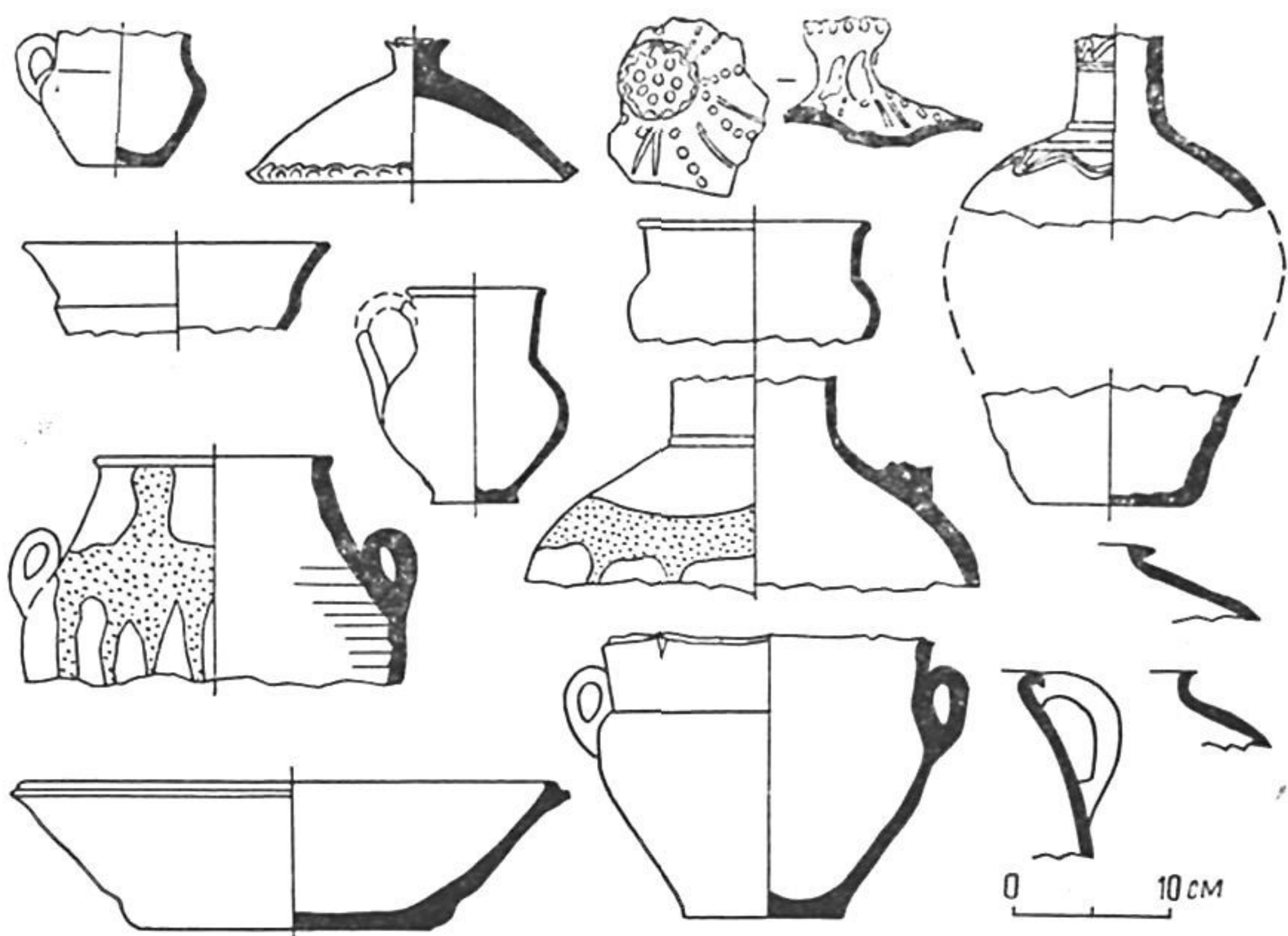

Рис. 17. Комплекс керамики первой половины IX в.

В слое X—XI вв. сохранились лишь части сырцовых стен, так что представление о нем можем иметь лишь по керамике, извлеченной из бадрабов, спускающихся с этого уровня. Бадраб, расположенный в квадрате II, дал комплекс первой половины X в. Это фрагменты конических и полусферических чаш на плоском и кольцевом поддоне. Орнамент выполнен коричневой, красной и черной красками по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью (рис. 18).

⁶⁴ Древний Ташкент, стр. 43.

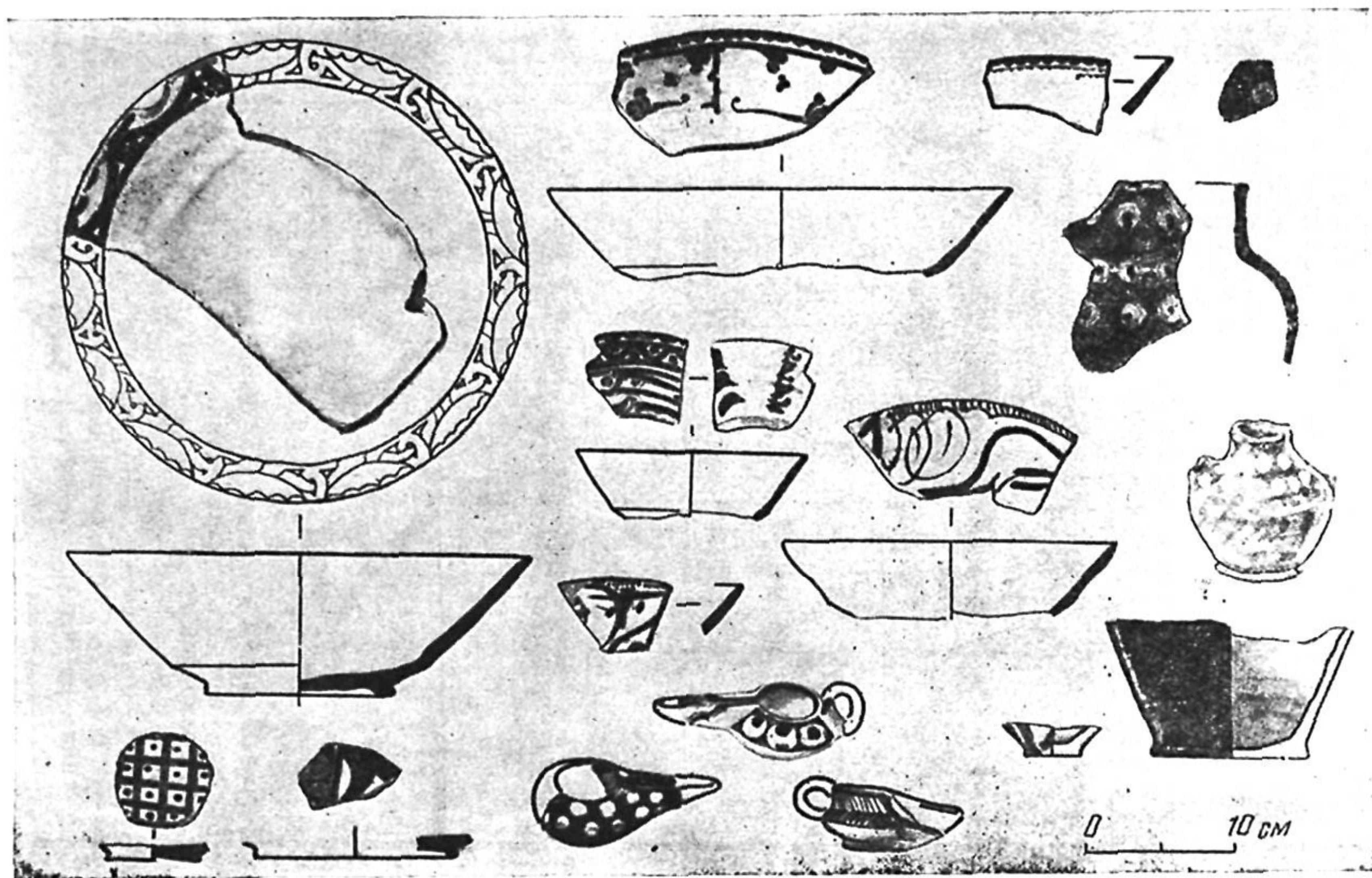

Рис. 18. Глазурованата керамика X в.

В этом же комплексе полусферическая чашечка на плоском поддоне. На внутренней поверхности охристо-красный и черный тесемчатый орнамент. Такой декор типичен для керамики Самар-

Рис. 19. Глазурованная керамика XI в.

Некоторое представление о стратиграфии верхних слоев городища дал разрез останца с триангуляционной вышкой. Верхний слой (I ярус) представлен перемещенным насыпным грунтом, в одном месте прослежен обрывок пола, там же тандыр диаметром 0,60 м.

В конце II яруса прослежен пол, выстланный жженым кирпичом размером $28 \times 15 \times 4$ см, $27 \times 13 \times 4$ см, $32 \times 17 \times 4$ см. Из этого слоя извлечены фрагменты керамики с орнаментом в виде завитков, нанесенных по белому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью.

В небольшом количестве встречены листовидные навершия от чирагов с граненым резервуаром. Навершия имеют форму «сердечка», украшены штампованным растительным орнаментом под прозрачной зеленой глазури. Такие чираги получили широкое распространение в XII — начале XIII вв. по всей Средней Азии.

В конце V яруса зафиксирован еще один уровень пола, выстланный жженым кирпичом размером $21 \times 21 \times 4$ см.

Исследование стратиграфии шахристана вместе с данными, полученными на цитадели, позволяет наметить следующую периодизацию жизни города на Ханабадтепа: V—VI в.; первая половина VII в., вторая половина VII—VIII вв.; IX—X вв.; XI—начало XIII вв.

В первый период в непосредственной близости от реки Чирчика возник населенный пункт, который уже в это время носил городской характер, будучи обведен квадратом оборонительных пахсовых стен и застроен монументальными зданиями из пахсы и сырцового кирпича. По характеру материальной культуры первых насельников это городское поселение примыкало к памятникам Ташкентского оазиса V—VI вв. (Мингурюк, Кугаиттепа, Актепа Чиланзарское, Фазылтепа, Каунчитепа), входя в единый с ними однородный культурный круг Каунчи.

В первой половине VII в. город постигло бедствие, которое, видимо, сопровождалось разливом реки и длительным затоплением городских кварталов. Позже город восстанавливается — построены новые фундаментальные дома, отремонтированы городские стены, в восточном углу на руинах старой застройки возведено оригинальное здание цитадели с угловыми башнями, воплотившее в своей планировке и фортификационных качествах лучшие достижения инженерной мысли своего времени. Городская жизнь интенсивно развивалась, чему немало способствовало местоположение у возможной переправы на торговом пути из Согда в Семиречье. Пока не зафиксированы следы городских ремесел, но косвенные данные свидетельствуют об оживленных торговых связях города, который был не только перевалочным торговым пунктом, но и ремесленным центром. Находки монет не только ташкентских правителей, но также китайских и чекана Усрушаны, Самарканда и др. очерчивают широкий ареал торговых сношений, пути которых про-

легали через столицу Шаша на Нуджкет. В археологических слоях обнаружены находки, подтверждающие этот вывод, в частности великолепно исполненный глазурованный ритон восточно-туркестанского происхождения.

Примечательно, что облик материальной культуры города по сравнению с первым поселением приобрел черты, позволяющие сопоставлять ее с культурой центрального Согда (Афрасиаб, Пянджикент).

Бурный расцвет города был прерван арабским вторжением, последствием чего, возможно, надо считать слои пожарища, стратиграфически зафиксированные на городище и в разрезе крепостной стены.

Период IX—X вв. отмечен возрождением городской жизни и интенсивным обживанием территории городища, правда, в несколько меньших пределах, чем в раннее средневековье. Город входил в число центров, через которые пролегал караванный путь, и под названием Нуджкет упомянут в сочинениях арабских географов и в дорожниках. Он продолжал существовать в XI—XII вв. и только с началом XIII столетия можно связать его запустение, которое как и на большинстве центров Шаша и Илака явилось, видимо, последствием опустошительного монгольского нашествия.

ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ САЛАРА И КАРАСУ

Исследованиями предыдущих лет восточная часть Ташкента, связанная с водной системой Салара и Карасу, отмечена как первичная зона обживания Ташкентского района. Находки на Чильдухтарантепа захоронения поздней бронзы⁶⁵, а также бронзового кинжала в районе городища Ногайкурган⁶⁶ указывали на спорадическое обживание этих земель уже в эпоху бронзы.

Подлинное земледельческое освоение этой территории началось значительно позже и связано с эпохой культуры Каунчи II. В это время здесь возникает целый ряд поселений, таких как Мингурюк, Кугаиттепа, Таукаттепа, Фазылтепа, Актепа Сагбанское и др., а в пору раннего средневековья — замков и значительных городских образований.

В города оформляются Мингурюк, Кугаиттепа, Ханабад. Изучение этих объектов с большей или меньшей полнотой открыло историю каждого из них.

Характер этих городов, их специфика, стратиграфия требовали уточнения и, следовательно, дополнительных археологических вскрытий. Вот почему продолжены исследования шахристана горо-

⁶⁵ Там же, стр. 5.

⁶⁶ С. Б. Лунина и З. И. Усманова, Керамика с поселения Ногайкурган близ Ташкента, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, стр. 167.

дища Мингурюк, начаты работы на Кугаиттепа, проведена шурфовка Таукаттепа.

В шахристане городища Мингурюк в 40 м к востоку от раскопов 1 и 2, на краю котлована заложен раскоп площадью около 90 м². Обрытый со всех сторон холм древнего шахристана кое-где в верхней плоскости оказался почти не сnivelированным. Это позволило четко прочесть стратиграфию. В результате раскопочных работ можно говорить о двух культурных горизонтах на площади раскопа.

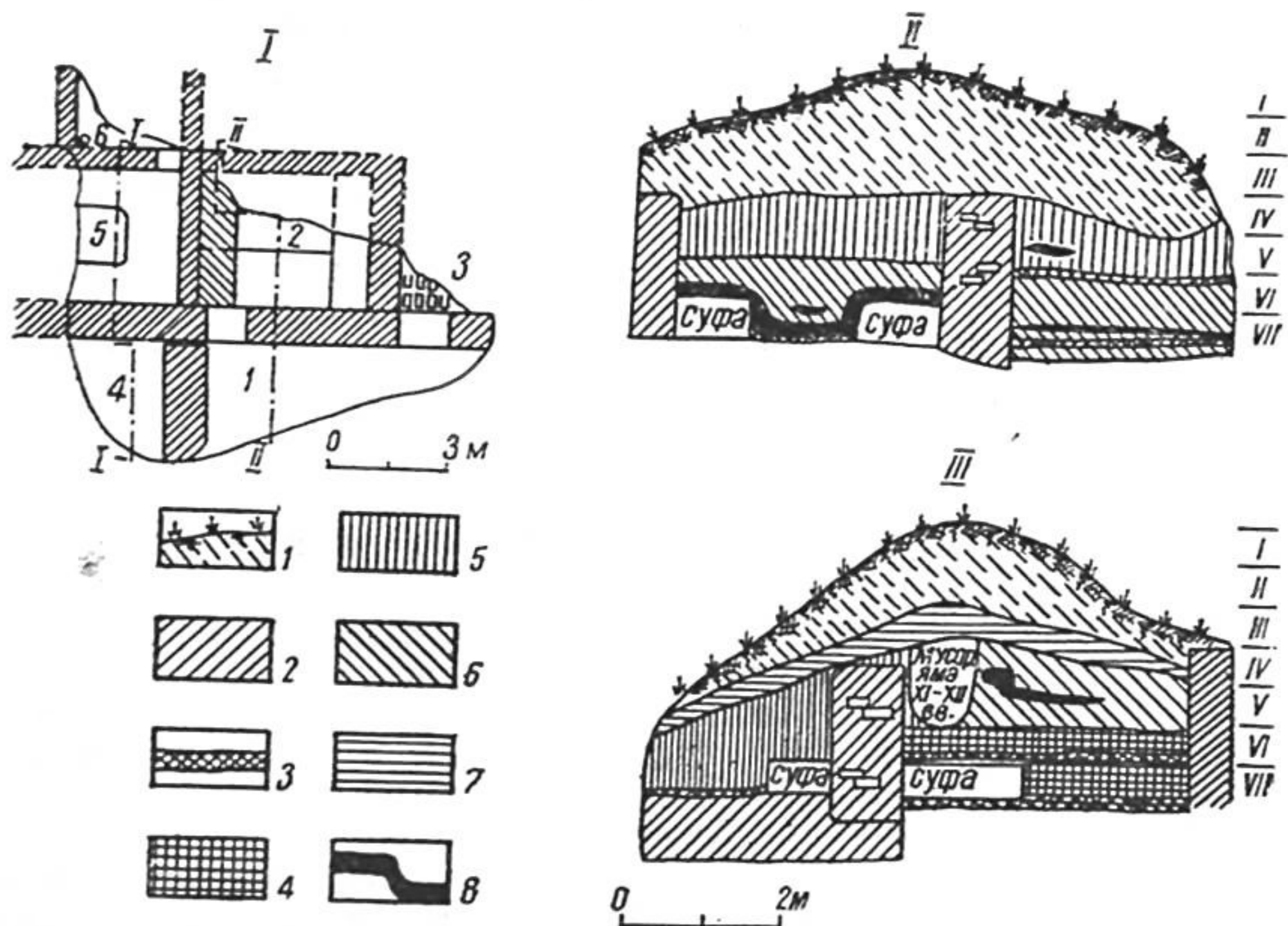

Рис. 20. План и разрезы помещений в шахристане городища Мингурюк. I. План. II. Стратиграфический разрез по линии I—I. III. Стратиграфический разрез по линии II—II. Условные обозначения:

1—дерновый слой; 2—пахса; 3—промазка пола; 4—слой с углем, керамикой, золой; 5—слой лесса с фрагментами пахсы; 6—слой с кирпичом, углем, золой; 7—рыхлый слой лесса; 8—горелый слой

Первый из них связан с крупным жилым комплексом, возведенным на материке в VII—VIII вв. Удалось расчистить остатки 6 помещений, но комплекс изначально включал большее их число (рис. 20). Ориентация почти по сторонам света, с некоторым смещением на запад⁶⁷.

Помещение 1 — одно из самых больших, сохранившаяся часть длины его 6,8 м, ширины 2,5 м. Время донесло нам только фрагменты западной и северной стен.

⁶⁷ Нумерация помещений давалась по мере вскрытия.

Западная сложена из пахсы, ширина ее 1 м, высота 2 м; северная стена шириною 0,9 м сложена комбинированной кладкой из пахсы и кирпича форматом $48 \times 24 \times 8$ см. Северная стена является общей для 5 помещений, располагающихся по ее обе стороны.

В северной стене два входных проема, западный шириною 1 м, восточный 1,25 м. Западный заложен кирпичом размером $48 \times 24 \times 8$ см. Вдоль этой стены вытянута пахсовая суфа (ширина 0,8 м, высота 0,45 м). К суфе примыкает уровень плохо сохранившегося пола. Помещение возводилось на неровном рельефе, вот почему для него выложили пахсовую подушечку толщиной 0,75—0,8 м. Заполнено помещение слоем средней плотности с большими горелыми прослойками. Стены и суфа обгорели.

Западный дверной проем вел в помещение 2, оно подквадратное в плане $4,3 \times 3,45$ м. Все стены, за исключением южной, сложены из пахсы. Сохранившаяся высота стен около 2 м. Ширина восточной 0,5 м, западной 0,8 м, северной 0,55 м. На уровне 3,5—3,6 м от репера — плотно утрамбованный пол. Поверх этого пола вдоль южной и восточной стен возведены пахсовые суфы высотой 0,45 м, шириной соответственно 1,5 и 0,95 м. К ним примыкает еще один уровень пола. Над суфами расчистился третий уровень пола (2,9—3 м от репера), примыкающий к суфе, выложенной вдоль западной стены помещения (высота ее 0,5 м, ширина 0,9 м). Эта суфа соответствует третьему периоду обживания данного помещения, т. е. первоначально помещение функционировало без суф, затем через короткий промежуток времени (на полу не накопился культурный слой) возвели суфы вдоль южной и восточной стен. Дверной проем в помещение 1 действовал. Затем, в помещении был сильный пожар, оно забрасывается, но ненадолго. Мусор и горелые слои разравниваются, промазывается пол, закладывается проем двери в помещение 1 и вдоль западной стены возводится суфа. С этим периодом жизни связан найденный в восточном углу этого помещения хум, заполненный фрагментами кувшинов, горшков, кружек. Комплекс керамики хорошо датирует этот период. Формы хумов, кувшинов, кружек соответствуют формам сосудов дворцового комплекса этого же городища VII—первой половины VIII вв.

Помещение 3 соединялось с помещением 1 дверным проемом. Сохранилась только часть южной и западной стен. Пол выложен кирпичом форматом $48 \times 24 \times 8$ см. Стены и отмостка пола обгорели до красноты. Над полом найден своеобразный кувшинчик с округлым туловом, переходящим в высокую раструбообразную горловину. Устье сверху перекрыто слегка вогнутой пластинкой с круглым отверстием диаметром 1 см. Сосуд серой глины, ангоб темно-серый, почти черный (рис. 21). Возможно, это сосуд для воскурений. Почти копияное повторение этого сосуда из Янгиюльского района хранится в Ташкентском областном обществе охраны памятников. Находка описываемого сосуда в жилом доме VII—VIII вв. позволяет датировать сосуд из Янгиюльского района и констатировать

факт распространения кувшинчиков с закрытым устьем в памятниках культуры Каунчи II и III.

Помещение 4 расположено к западу от помещения 1 и имеет с ним общую стену. На уровне 3,2—3,3 м от репера расчищен пол, на котором найдена тонкостенная лепная кружечка розовой глины с ручкой-петелькой и крупный железный трехлопастной наконечник стрелы с длинным черешком. Длина боевой части 5 см. Пол перекрыт слоем древесного угля, обгоревшего лесса и пахсы. На уровне

Рис. 21. Сосуд с закрытым устьем

2,6—2,7 м от репера отмечен еще один уровень пола. Над ним слой лесса средней плотности с угольками, фрагментами керамики.

Помещение 5 смежно с помещениями 2, 4, 6. Ширина его 3,4 м, длина не сохранилась. Все стены сложены из пахсы. В северо-восточном углу дверной проем шириною 0,65 м заложен кирпичом. Вдоль стен периметрально вытянуты суфы. Ширина восточной 1,35 м, северной и южной 1 м. Высота суф 0,5 м. Выложены суфы из пахсы и обмазаны глиной с саманной добавкой. Обмазка суф

имеет выкружку к полу на уровне 3,5—3,4 м от репера. В этом помещении, как и в предыдущих, стены и суфы сильно обгорели. На полу и суфах лежали горелые балки перекрытия и сильно обожженные фрагменты пахсы, керамики. Этот слой достигает толщины в 1 м. Над ним более однородный слой разрушения.

Помещение 6 с севера примыкает к помещению 5 и соединено с ним проходом. Ширина его 2,65 м, длина не выяснена. Уровень пола одинаков с уровнем пола помещений 4,5. На полу в восточном углу помещения стоял крупный кувшин с яйцевидным туловом, плечики его украшены потеками коричнево-красного ангоба, нанесенными поверх розово-кремового. В этом помещении также наблюдается слой пожарища.

В целом комплекс несомненно жилой, но возникает вопрос, включал ли он один или два дома? При рассмотрении отдельных помещений обращает внимание та особенность, что дверные проемы объединяют и делят его на две части: восточную с помещениями 1, 2, 3 и западную с помещениями 4, 5, 6. Уровни полов в обеих частях отличаются более чем на полметра, т. е. можно полагать, что перед нами два смежных дома. Комплекс пережил два этапа обживания, не разделенных большим промежутком времени: жизнь его укладывается в рамки VII—середины VIII вв. Это еще раз подтверждает наше положение о том, что это время — время расцвета жизни города, когда застраиваются еще не занятые территории и горожане позволяют себе возводить просторные и добротные дома, но не отдельными усадьбами, а плотно застроенными кварталами. Раскопы в шахристане показали, что для усадебной застройки здесь просто нет места.

Место этого жилого дома обживается еще раз в XI—XII вв. Центральная стена раннесредневекового дома, сложенная из пахсы и кирпича, надстраивается пахсой. К ней перпендикулярно пристраивается стена из кирпича форматом $29 \times 14,5 \times 3,5$ см, затем еще одна пахсовая стена и создается в 1 м шириной коридорчик. К северу от него в слое заполнения помещения 2 опускается мусорная яма, длиной 85 см, глубиной более 1 м. Яма заполнена золой, органическими остатками и фрагментами керамики. Это небольшие чаши и тарелки с узором сграффито по белому ангобу, покрытые прозрачной и зеленой глазурью. Это также чираги с граненым резервуаром, покрытые со всех сторон зеленой глазурью. Это, наконец, фрагменты неглазурованной кухонной и столовой посуды. Весь комплекс характерен для XI—XII вв. Ташкента.

В шахристане, к северу от вскрытого нами жилого дома, в срезе котлована обнажился бадраб, расчищенный В. А. Булатовой и М. И. Филанович. Из него получен уникальный для городища комплекс керамики. Основную его часть составляет глазурованная посуда. Это блюда и чаши полусферической и уплощенной формы с резким изгибом борта, на кольцевом или слегка вогнутом поддоне, малые чашечки с округло приподнятым бортом на слегка

вогнутом поддоне; чираги с округлым резервуаром и вытянутым прямо срезанным носиком (рис. 22, 23). Посуда характеризуется высокими техническими и художественными данными. Черепок тонкий, хорошего обжига. Как правило, черепок покрыт белым ангобом и поверх него росписью, выполненной черной, коричневой или красной красками. Сосуды снаружи и внутри покрыты прозрачной свинцовой глазурью высокого качества.

Обращает на себя внимание орнаментальное богатство росписи. Можно выделить следующие группы орнаментов: эпиграфический, стилизованный растительный и линейно-геометрический, зооморфный.

В первой группе преобладают надписи, выполненные простым куфическим почерком и цветущим куфи. Надписи располагаются по краю борта единой лентой или, что придает особый художественный эффект чаше, отдельными повторяющимися словами, симметрично расставленными по краю борта (рис. 23, 1, 6, 8).

Во второй группе используются узкие или широкие бордюры из переплетающихся коричневых лент разных оттенков, стилизованных растительных побегов. Очень эффектен прием росписи белого фона всей внутренней поверхности борта строеными точками—две из них черные, одна—красная. Мастера простейшими средствами достигают очень высоких художественных результатов. В частности, широко известный прием оформления чаш двумя диаметрально расположенными стилизованными букетами, соединенными тонкой цепочкой, в нашем комплексе представлен весьма интересным экземпляром. Тонкая цепь соединяет не крупные стилизованные букеты, а маленькие букетики, состоящие из живописно прорисованных тонкой кистью побегов и малых красных цветочков. Параллели подобному решению узора автору пока не известны.

Наибольший интерес вызывает третья группа. Здесь блюда с изображениями птиц. Преобладают экземпляры, где бордюр решен в виде пояса идущих друг за другом стилизованных птиц, а в центре одна птица. Узор выполнен черной и коричнево-красной красками на белом ангобе и выписан очень уверенной рукой с большим мастерством. Определить породу птиц уже невозможно: узор прошел длительную стадию стилизации. Наряду с таким решением есть экземпляры, где птицы трактуются не в условной манере. В этом случае композиция совсем другая. Крупная птица заполняет всю плоскость блюда. Особенно тщательно и интересно прорисовывается головка с выпуклым глазом и двумя венчающими ее длинными свободно изогнутыми перьями. Скорее всего, перед нами голубь (рис. 22, 1—4, 6).

Большинство этих узоров достаточно широко распространено как в керамике Бинкета, так и Афрасиаба. Но такие прорисовки крупных птиц, с которыми мы встретились в нашей керамике, ранее нигде не отмечались. Здесь перед нами локальный, прекрасно разработанный вариант «птичьей» темы, столь популярной на Востоке,

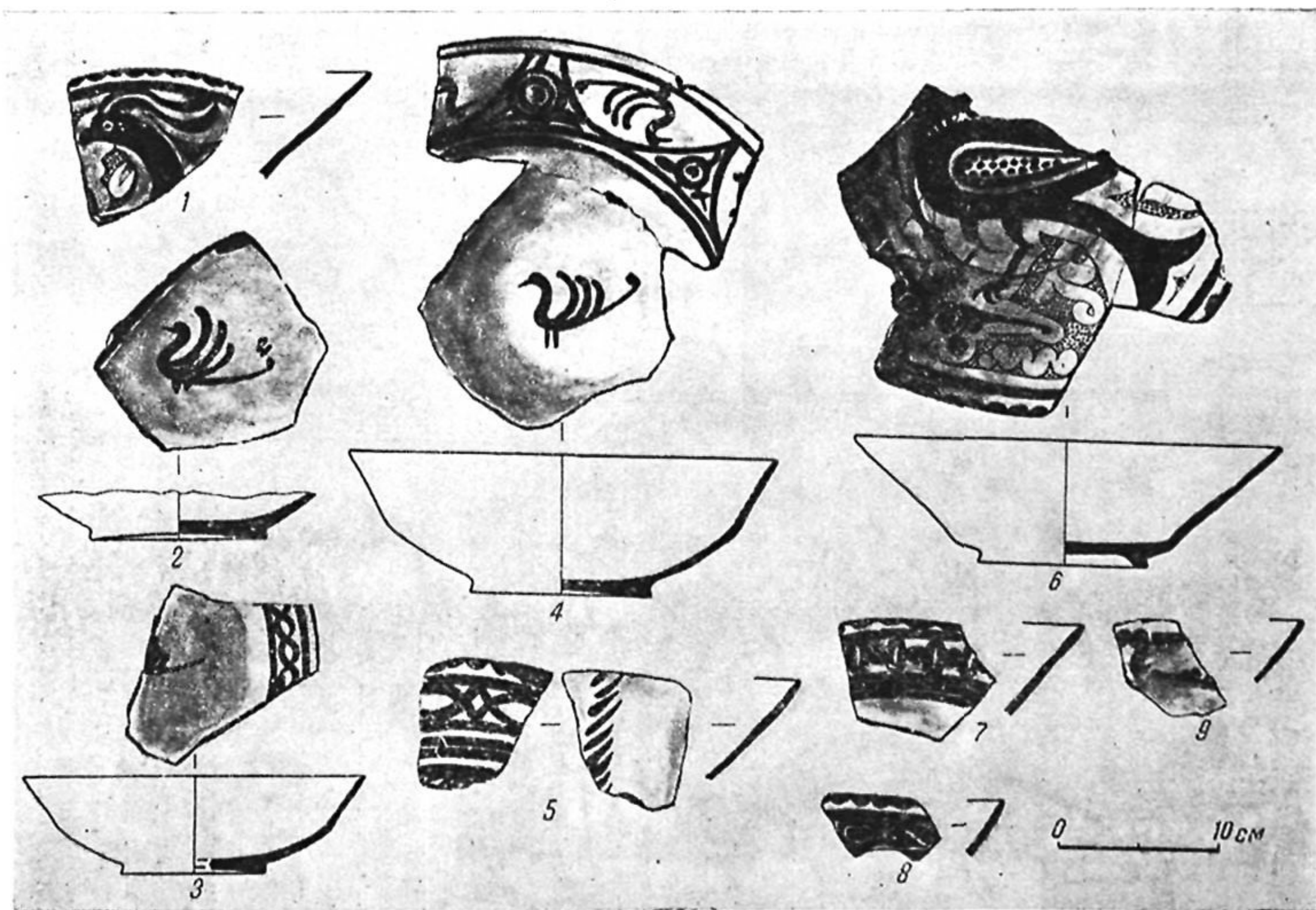

Рис. 22. Керамика из бадраба X в. Изображения птиц и узоры плетенья

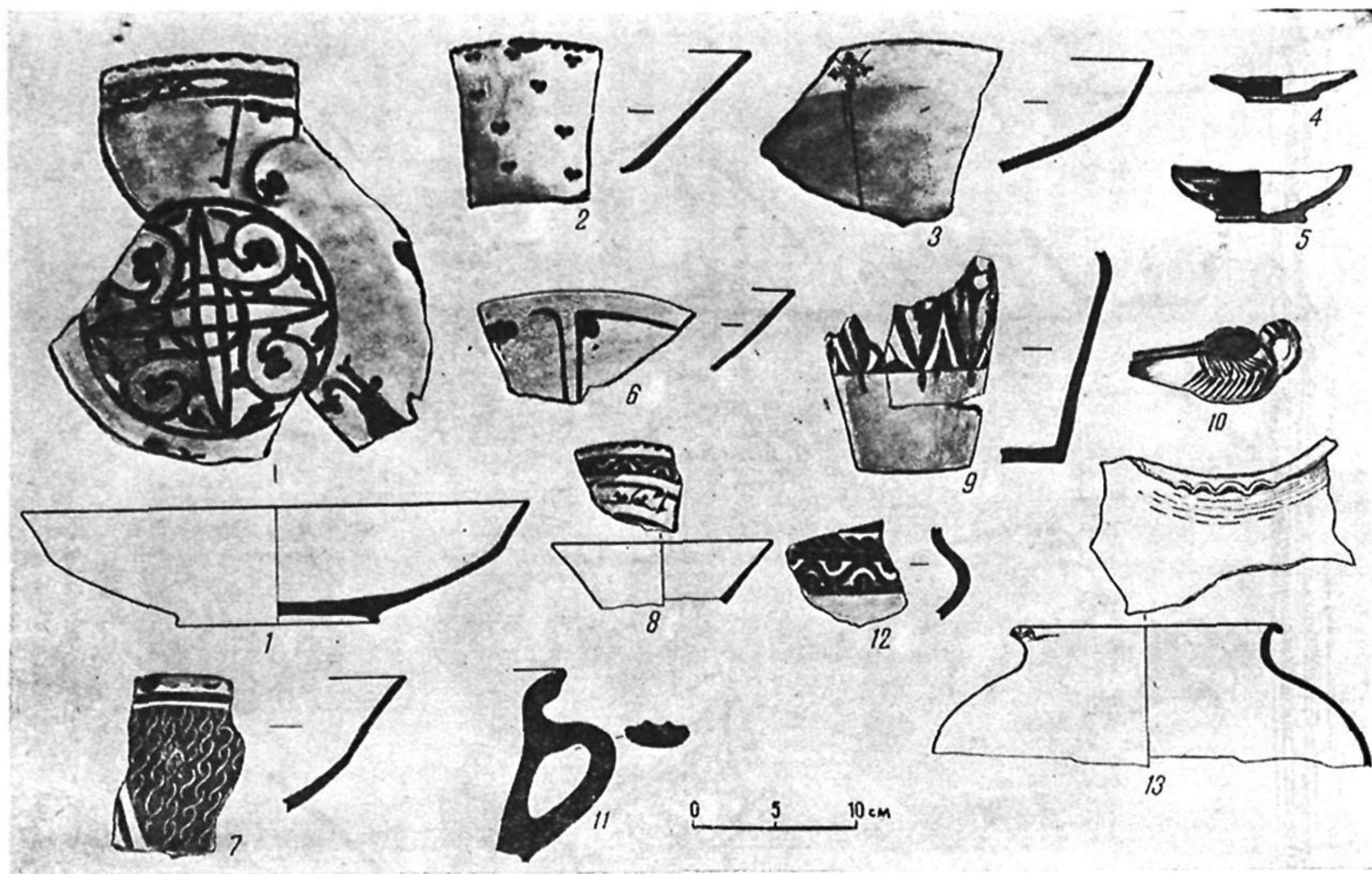

Рис. 23. Керамика из бадраба X в. Эниграфический и растительный узоры

где с ней связаны понятия благополучия (утка), души (голубь). Наш комплекс свидетельствует о большой привязанности и широком бытовании этой темы среди жителей Шаша.

Вся керамика выполнена на одном, очень высоком профессиональном уровне. В росписи, в качестве ощущается единый подход, большой профессионализм, что позволяет предположить продукцию одной мастерской. Жизнь ее можно определить серединой X в., временем расцвета керамического искусства Шаша. Слава его посуды дошла до нас не только в сведениях арабских источников, но и в материалах, полученных Ташкентским археологическим отрядом в Бинкете, а также на Мингурюке.

Находка этого комплекса керамики в шахристане Мингурюка подтверждает высокое мастерство шашских керамистов, их заслуженную славу и популярность, но вместе с тем эта находка ставит перед нами частный вопрос о времени возрождения жизни города после его гибели в середине VIII в. В предыдущие годы материалы X в. на городище были единичны. Полученная керамика указывает на новое обживание городской территории уже в середине X в., причем владелец этого комплекса либо состоятельный человек, возможности которого позволяют использование в быту многочисленной высокохудожественной посуды, либо это владелец керамической мастерской, располагавшейся где-то рядом с местом находки.

Одновременно с работами в шахристане обследовался массив к юго-востоку от его границ. Здесь в котловане вдоль Куйбышевского шоссе (бывшее Куйлюкское) зарегистрирован мешаный культурный слой с керамикой, синхронной керамике шахристана. Ниже к руслу Салара жители в прошлом при хозяйственных работах также собирали многочисленную керамику. Находки культурного слоя и керамики значительно раздвигают юго-восточную границу шахристана. В целом площадь городища, вероятно, превышала 30 га. Точно установить границы сейчас уже невозможно, так как застройка и перепланировка стерли рельеф городища, причем именно южная и юго-восточная части пострадали наиболее значительно, вот почему на планах Ташкента прошлого столетия рельеф древнего города в этой части не читался.

В южной группе памятников по правобережью Салара объектом изучения выбрано городище Кугаиттепа, некогда входившее составной частью в ныне исчезнувшее городище Ногайкурбан. Кугаиттепа расположено в 4,5 км юго-западнее Ташкентского текстильного комбината, вдоль старой дороги на Янгиюль, на самом берегу Салара. Ко времени начала работ сохранилась только в незначительной части цитадель (остальное смыл Салар) и два холма шахристана, очень пострадавшие от хозяйственных работ. Особенно пострадал южный бугор, когда в 1972 г. начался его разнос экскаватором. Стратиграфический шурф нами заложен на краю свежего среза. Второй шурф заложен на сохранившемся краю цитадели.

Городище многократно посещалось любителями старины, краеведами и археологами. О нем писали и его раскапывали И. А. Кастанье, В. Э. Эгерт, М. Е. Массон, Г. В. Григорьев, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева, А. Кахаров и др. В 1954 г. памятник изучали С. Б. Лунина и З. И. Усманова. Ими собран подъемный материал, на основе которого они выделили на Кугаиттепа культурный слой «поры рабовладельческого общества» и слой XI—XII вв.⁶⁸ В своей сводной работе они тщательно проанализировали художественную керамику памятника, привлекая материалы сборов прошлых лет, а также с достаточной полнотой изложили историю изучения памятника⁶⁹.

В 1926 г. М. Е. Массон зарегистрировал на Ногайкургане находку подъемной монеты варварского подражания монетам Васудевы I⁷⁰.

В 1940 г. на территории городища найден в кувшине клад серебряных монет. Нашедший его рабочий Яков Константинович Рыбалко рассказывает, что тогда сотрудники музея определяли возраст монет в 850 лет. Местонахождение клада неизвестно.

В 1967 г. о Кугаиттепа упоминает в газетной заметке Ю. Ф. Буряков и отождествляет его со средневековым городом Банункетом⁷¹. В том же году большой стратиграфический шурф заложен в шахристане Г. Дадабаевым. Результаты его исследований изложены в книге Ю. Ф. Бурякова⁷².

В 1969 г. на северном холме шахристана Кугаиттепа М. И. Филанович произвела зачистки большого среза со стороны тароремонтного завода № 1. Она отметила два культурных горизонта, из которых нижний имел зонально-органическую структуру, а верхний включал мощные стены сооружений из пахсы и кирпича. Керамический комплекс верхнего горизонта дал возможность отнести его к VI—VIII вв., этот период автор считает временем возникновения цитадели⁷³.

История изучения указывает на то, что это некогда огромное городище неоднократно исследовалось. Вместе с тем полученная картина его жизни оказалась довольно противоречивой, одни исследователи не находят здесь раннесредневековых слоев (С. Б. Лунина, З. И. Усманова), другие (В. Д. Жуков, М. И. Филанович) считают эти слои характерными для городища, а М. И. Филанович полагает, что именно в это время складывается здесь цитадель. М. Е. Массон не нашел здесь следов укреплений и С. Б. Лунина и

⁶⁸ С. Лунина, З. Усманова. Из археологических наблюдений на Кугаиттепе близ Ташкента, Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956.

⁶⁹ С. Лунина и З. Усманова, Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента, стр. 164—176.

⁷⁰ М. Е. Массон, К вопросу о северных границах государства Великих Кушан, ОНУ, 1968, № 8, стр. 21.

⁷¹ «Строитель Ташкента», 30 августа 1967 г.

⁷² Ю. Ф. Буряков, Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, Ташкент, 1975, стр. 58—62.

⁷³ Древний Ташкент, стр. 110.

З. И. Усманова пришли к выводу, что это обширное сельское поселение.

В задачу наших работ входило уточнение стратиграфии шахристана и цитадели. В шахристане шурф (3×4 м) заложен на краю среза, отсюда неточность его ориентации по сторонам света.

Часть верхних культурных слоев снесена стихийно возникшей жилой застройкой, а в 1972 г. после переселения жителей в новые районы — бульдозером. Вот почему 20—50 см слоев оказались перемешанными. В целом мощность культурного слоя на площади шурфа достигает 5,5 м. Ниже идет материк.

Выделяются три культурных горизонта, отражающих три периода жизни шахристана (рис. 24).

Первый культурный горизонт соответствует XI — середине V яруса, т. е. слоям с зольно-органической структурой. Они начинаются от материка и накапливаются до основания стен помещений, выложенных из кирпича форматом 43×23×8—9 см. В этом слое мощностью более чем 2,5 м расчищены три уровня пола, связанные с ними помещения не вошли в площадь шурфа. На первом уровне пола найдено 2 почти целых хума, заполненных землей с фрагментами кувшинов, хумча, жаровен, кухонных котлов. Со вторым уровнем пола связана часть отмостки из кирпича размером 44×22×8—9 см, прослеженная на небольшом участке.

В целом керамика этого культурного горизонта довольно разнообразна, но фрагментарна. Основная ее часть вылеплена от руки и только несколько (фрагментов) кувшинов выполнены на гончарном круге. Все сосуды со стенками средней толщины, в тесте мелкие известковые вкрапления, ангоб в основном беловатый, орнаментация: прочерченные до ангобирования волнистые линии и потеки красно-марганцевого ангоба. Посуда разнообразная: столовая, для хранения продуктов и кухонная (рис. 25).

Столовая: кувшины, чаши, горшки. Для хранения продуктов: хумы и хумчи. Кухонная: котлы и жаровни. Кувшины высокогорлые с округлым туловом и отогнутым наружу выступом в виде двойных округлых или оттянутых вниз подтреугольных валиков. Ручки уплощенные крепятся к середине горловины и плечу. Часть кувшинов без ручек.

Чашки и миски плоскодонные с перегибом борта в верхней части. Хумы и хумча из красноватой глины, хорошего обжига. Форма боченкообразная, венчики слегка отогнуты наружу под прямым или острым углом и клювообразные с легким наклоном внутрь. Диаметры 25—40 см.

Котлы сероватой и темной глины с большой примесью дресвы, обжиг посредственный. Котлы удлиненных форм с уплощенной ручкой, вытянутой из венчика и опущенной на слегка отмеченное плечико. Донца плоские.

В целом весь комплекс керамики почти тождественен керамике памятников культуры Каунчи II, в частности Каунчитепа, Чаштепа, Мингурюк, Актобе II. Он по характеру ближе к керамике Каунчи-

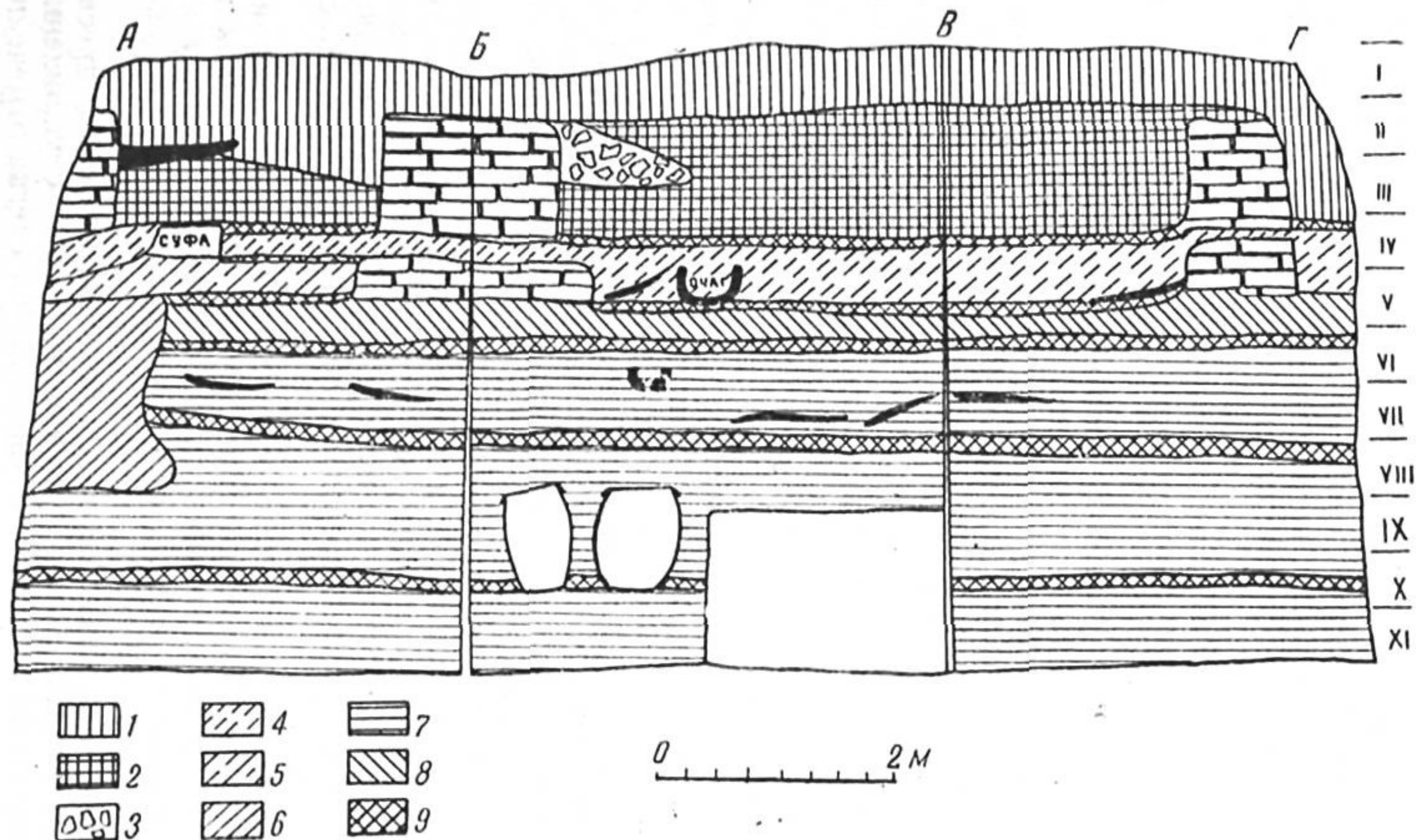

Рис. 24. Куганттепа. Шахристан. Развертка стенок шурфа. Условные обозначения:

1—слой разрушения с керамикой и золой; 2—слой X—XII вв.; 3—завал сырцовых кирпичей; 4—лесс с золой и керамикой VI—VIII вв.; 5—слой золы и органических остатков; 6—завал пахсы; 7—слой с золой и керамикой; 8—серый лесс; 9—уровень пола

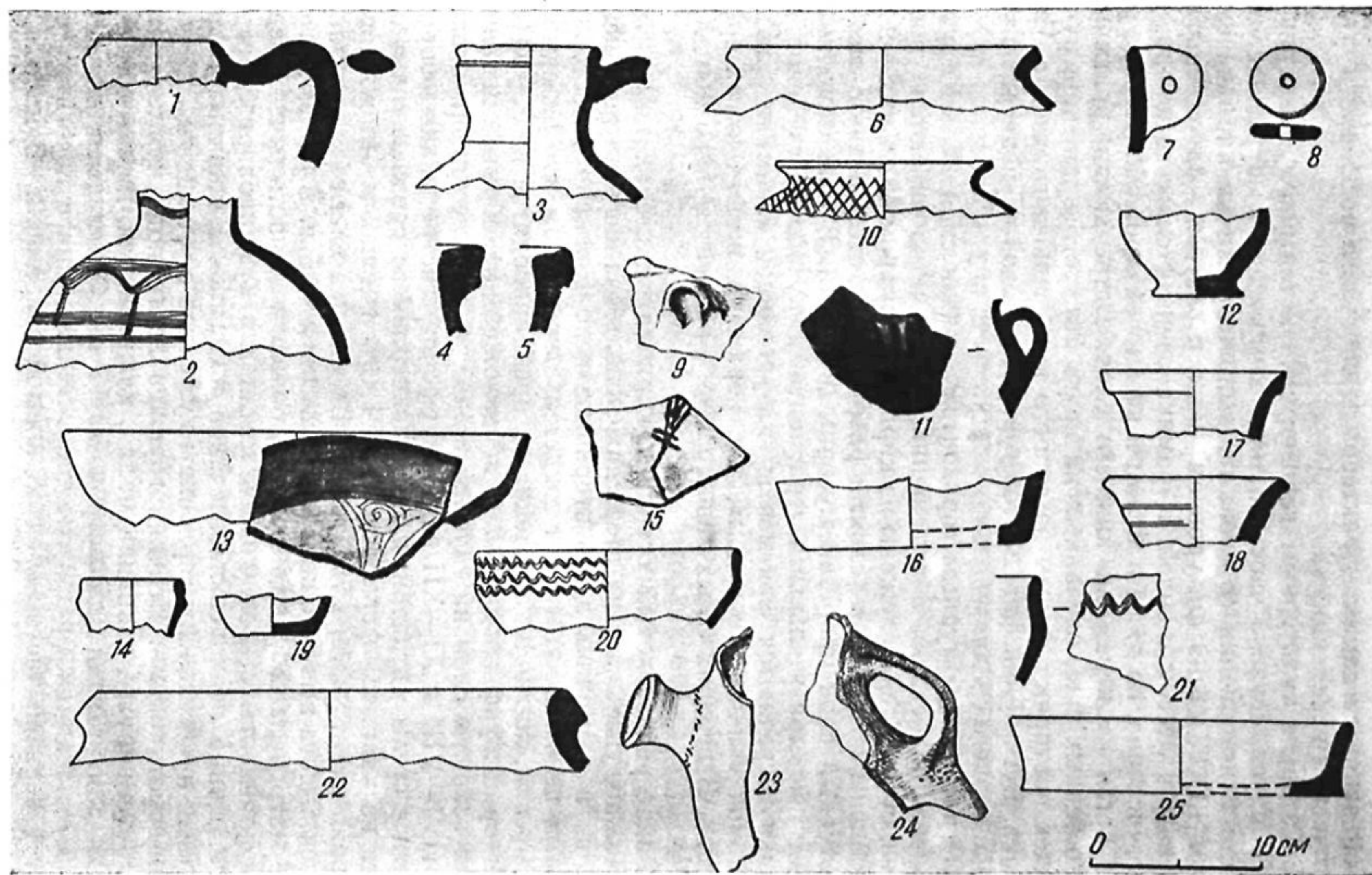

Рис. 25. Кугайтепа. Керамика из шурфа

тепа и Чаштепа и несколько отличен от керамики Мингурюка, где ступень развития этого ремесла в нижнем слое значительно выше, что объясняется самим характером крепостного поселения с урбанистическими тенденциями.

Со вторым культурным горизонтом, который приходится на V—IV яруса, связана часть жилого комплекса. В шурф частично попали 2 помещения со стенами, выложенными из кирпича форматом $43 \times 23 \times 8-9$ см, уровнем пола и очагом. Заполнены эти помещения лессом с золой. Керамика очень фрагментирована, многочисленна, но даже в малом и весьма раздробленном виде она отличается от керамики нижнего слоя. Встречаются фрагменты тонкостенных чаш, сделанных на круге быстрого вращения, ручки кружек повторяют формы из второго культурного горизонта Мингурюка. Весь облик фрагментов говорит о новой ступени развития, о поре раннего средневековья.

С третьим культурным горизонтом связан слой IV—II ярусов, включивший остатки 3 помещений, в них четко читаются уровни полов, суфа. Стены сложены из кирпича размером $43 \times 23 \times 8-9$ см. Заполнены помещения слоями разрушения стен, в двух местах культурный слой прорезан мусорными ямами. В слое заполнения наряду с невыразительными фрагментами кухонной и столовой керамики встречаются фрагменты глазурованной керамики, так называемой «яичницы с луком», т. е. керамики, весьма характерной для X в. В верхних слоях заполнения—фрагменты керамики XI—XII вв.

Раннесредневековый стандарт кирпича в стенах помещений, возможно, указывает на вторичное использование этих помещений в X в., а возможно, здесь вторичное использование старого кирпича. В целом же этот факт свидетельствует о том, что перед нами помещения, жизнь и запустение которых приходятся на X—XII вв.

Второй шурф площадью 30 м^2 заложен на обрыве цитадели. Пока вскрыты слои на глубину 8 м. Хронологически они охватывают VI—VIII и XI—XII вв. В шурфе зарегистрированы оборонительные стены цитадели. Стена эпохи раннего средневековья сложена из кирпича форматом $48 \times 24 \times 9$ см и пахсы наружная ее сторона имеет уклон в 75° , толщина в нижней части 4 м, сохранившаяся высота вместе с пахсовой подушкой 4,25 м. В разрезе стены, в ее материале собрана керамика, большая ее часть ручной лепки. Это фрагменты стенок, донцев горшков и кувшинов розового обжига. Донца лепились на песчаной подсыпке. Единичными фрагментами представлены горловины кувшинов с утолщенными венчиками-воротничками. Венчики горшков почти под прямым углом отогнуты наружу, закраина малая, клювовидная, на венчике ложбинка для крышки диаметром 6,5—7 см. Отдельными экземплярами отмечаются фрагменты тонкостенных чаш с перегибом бортика в верхней части и тонкой прямой закраиной. В целом весь материал тяготеет к VI—VII вв.

В слое за стеной у ее подножия найдены фрагменты керамики, выполненной на круге и без него, но в целом характеризующейся высоким качеством исполнения. Это уплощенные светло-ангобированные тонкостенные чаши с подрезкой донца, диаметр дна 4,2—4,5 см. Это также выполненные на круге кувшины с широкими плечиками, на одной стороне которых закреплена уплощенная в сечении ручка, а на противоположной — высокий носик, сжатый с боков и поднятый к венчику.

Среди лепных форм интересна цилиндрическая горловина кувшина розового теста, покрытая бело-кремовым ангобом и украшенная по краю фестончатым налепом. Фрагменты стенок кувшинов покрывают потеки марганцево-красного ангоба. Облик этой посуды характерен для VII—VIII вв.

Керамика, обнаруженная в стене и у ее подножия, характеризует время возведения и функционирования раннесредневековой стены цитадели. Эта стена надстроена второй, связанной с жизнью города в XI—XII вв. Ее высота 3 м, ширина около 2 м (внутренний край обрушен в Салар). У стены в слоях ее заброса собрана керамика XI—XII вв. Это фрагменты глазурованных чаш, коса, горшков и кухонных котлов. Формы, орнаментация, цветовые соотношения подобной керамики подробно описаны в названной статье С. Б. Луниной и З. И. Усмановой. В нашем комплексе дополнением к описанным формам можно считать фрагментированный широкогорлый горшок с коническим туловом, переходящим в крутые плечики, увенчанные прямой невысокой горловиной с двумя вертикальными плоскими ручками, плотно прижатыми к горловине. Верх сосуда украшает желтая глазурь с простой коричневой орнаментальной росписью. Подобные сосуды, но более искусно расписанные, хорошо известны по находкам в Бинкете. Интересны также целые формы кухонных котлов с округлым дном, уступом для установки на очаг и широким почти цилиндрическим туловом, заканчивающимся широким воротничком-венчиком. В верхней части тулова две серповидные ручки.

Работы в шурфе цитадели будут продолжены. Но уже сейчас можно высказать некоторые соображения о сложении и жизни этого крупного города. Вероятно, его возникновение связано с общим процессом рождения поселений в зоне Салара в пору Каунчи II. находка бронзового кинжала А. Кахаровым не может быть соотнесена с началом становления этого памятника. Зарегистрированная в 1926 г. М. Е. Массоном подъемная монета варварского подражания монетам Васудевы I, возможно, связана с началом жизни поселения, но не исключено ее случайное попадание на холмы Ногайкургана.

Площадь первоначального поселения не выходит за рамки Кугаиттепа. В VI—VII вв. поселение переросло в город, и мы можем с полной уверенностью сказать, что ранее бытовавшее мнение о Кугаиттепе, как поселении открытого типа, ошибочно.

Кугаиттепа предстает городом с оформленной цитаделью, шахристаном и оссуарным кладбищем на площадях к северу и северо-востоку. Запустение города приходится на IX—начало X вв. Но уже к концу этого периода наращиваются стены цитадели, растет площадь обживания, развивается ремесло (В. Д. Жуков отмечал гончарные печи). В таком виде город доживает до XIII в.

• Трудно сейчас, когда от Ногай-курмана сохранился только фрагмент Кугаиттепа, судить об интенсивности его жизни в XIV—XV вв. Но отдельные находки указывают на то, что в этот период городище обживалось.

В восточной группе памятников обследовалось городище Таукаттепа, расположенное вблизи одноименного арыка, впадающего в большой магистральный арык Карасу к югу от сел. Луначарское. Городище состоит из вышки высотой 6,5 м и обширного поселения вокруг нее. Поселение незначительно приподнято над окружающей местностью, используемой под колхозные поля. Северная и северо-восточная части поселения в настоящее время используются под кладбище. Таукаттепа отмечалась в 1929 г. А. А. Потаповым при обследовании памятников в этой части Шаша⁷⁴. В 1940 г. И. Баишев и В. Массон, посетив Таукаттепа, отметили сильное нарушение его планировки, наличие керамики XI—XII и XV вв. Авторы отнесли этот памятник к средневековым замкам с основным жилым массивом и укрепленным двором⁷⁵. В 1957 г. тепа обследовалась В. Белоусовым и Ю. Буряковым, ими выявлен материал IV—VII вв.⁷⁶

Нас интересовал характер поселения, его периодизация. Вот почему заложены два шурфа. Шурф 1 размером 1,3×5 м с одной открытой стороной на восточном склоне вышки. Культурные слои здесь достигают мощности 8,3 м и включают разнохарактерные отложения. В этой толще четко выделяются два культурных горизонта, отражающих два больших периода жизни — Каунчи II и раннего средневековья (рис. 26).

Первый культурный горизонт приходится в основном на XVII—VIII ярусы, считая с уровня материка до слоя желтого лесса, перекрывающего этот горизонт. В нем чередуются слои лесса с перегнившей органикой и золой. В небольшом количестве керамики основная масса принадлежит стенкам лепных хумов толщиной 1—1,5 см, стенкам столовой лепной посуды, венчикам кувшинов, профилированных одним или двумя валиками, характерными для керамики этого времени в Ташкентском оазисе. Единичны находки фрагментов крупных лепных сосудов с прямым венчиком (сосуды типа тагора).

⁷⁴ А. А. Потапов, Обзор тепе среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента, Рукопись. Архив ГУОП, № 2237, 11—64.

⁷⁵ И. Баишев, В. М. Массон, Археологические разведки в районе Ташкента, стр. 132.

⁷⁶ Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев, Археологические памятники Ташкентской области, Ташкент, 1973, стр. 41.

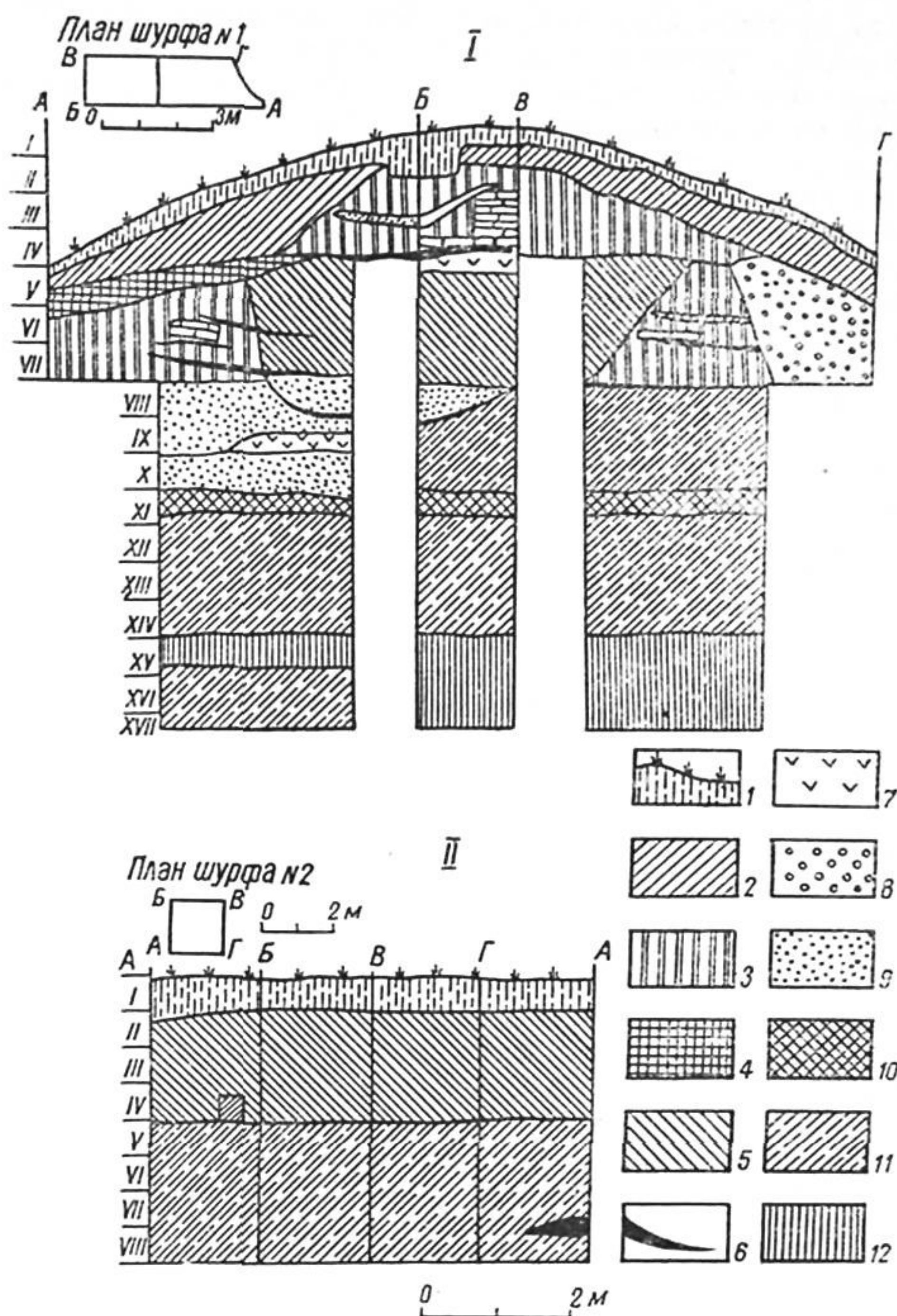

Рис. 26. Таукаттепа. Развертка стенок шурфов I и II. Условные обозначения:

1-дерновый слой; 2-серый слой; 3-комковатая земля; 4-рыхлый лесс; 5-желтый лесс средней плотности; 6-горелый слой; 7-слой с углем и известкой; 8-могильные засыпки; 9-зольный слой; 10-слой с керамикой; 11-слой с зольно-органическими остатками; 12-желтая глина

Второй культурный горизонт общей мощностью более 3 м соответствует VII—I ярусам и состоит из слоев, резко отличных по структуре от слоев первого культурного горизонта. Это лессовые желтые слои, перемежающиеся с комковатыми завалами, небольшим горелым слоем. Здесь прослежена стена из кирпича форматом $46 \times 23 \times 9$ см и примыкающая к стене часть отмотки из того же кирпича в один слой. Керамика весьма немногочисленна, в основном это стенки сосудов, но качественно она выше керамики предыдущего слоя. Почти вся керамика покрыта беловатым ангобом, венчики хумов подтреугольны или подквадратны в разрезе, донца лепились на песчаной подсыпке.

Стратиграфический шурф 2 размером $1,5 \times 1,5$ м, ориентированный по сторонам света, заложен на восточном краю поселения с целью проследить последовательность культурных отложений и выяснить процесс сложения поселения, одновременность или разновременность возникновения жизни вышки и поселения. Культурные слои достигли мощности более 4 м. Шурф доведен до глубины 4 м, выступившие подпочвенные воды не позволили довести вскрытие слоев до материка. Выделяются три культурных горизонта, отражающие три периода жизни.

Первый культурный горизонт приходится на VIII—V ярусы, считая с уровня воды до слоя лесса с прослойками золы, угольками и редкими вкраплениями керамики. Он состоит из черно-серого слоя, включающего большое количество золы, сжогженной земли, угля, органики. Керамики в этом слое мало, но по стилю она едина с керамикой первого слоя вышки.

Второй культурный горизонт соответствует IV—II ярусам, т. е. общая мощность его около 1,5 м. Состоит из желтоватого лесса с прослойками золы, угольками. Керамики мало, почти вся она представлена стенками тарной и столовой посуды, по облику близка керамике второго горизонта шурфа 1 и, вероятно, датируется в рамках VI—VIII вв.

Третий культурный горизонт соответствует I ярусу, т. е. мощность его в пределах полуметра. Представлен слоем комковатого, сильно задернованного лесса, в котором встречаются фрагменты глазурованной керамики XV—XVI вв.

В целом данные шурфов на вышке и поселении представили интересный материал к пониманию памятника. В шурфе на вышке не было никаких следов монументальной архитектуры. Не подтвердились также предположения И. Баишева и В. Массона о том, что поселение вокруг вышки имело укрепления. Малая приподнятость рельефа памятника над окружающей местностью топографически не подтверждает этого предположения. Осмотр срезом поселения в проложенном колхозном арыке также не выявил следов укреплений. Наиболее вероятно рассматривать этот памятник одним из многочисленных сельскохозяйственных поселений, возникших в зоне р. Чирчик в III—V вв. и сохранивших свою специфику в пору раннего средневековья, когда началось несколько за-

поздалое, но зато весьма интенсивное градостроительство в этой части Шаша.

Исследования объектов в долине Салара и Карасу, материалы работ отряда в Ханабаде, Фазылтепа, Тешиккупрюктепа, Актепа Сагбанском, Актепа Чигатайском, дополненные материалами исследований прошлых лет в Чаштепа, Шорттепа, Югантепа и др., рисуют выразительную картину земледельческого освоения Ташкента и прилегающих к нему земель⁷⁷.

Материалы бургулюкской культуры, культур Каунчи I и II — вот та основа, на которой строилось первоначальное освоение Ташкентского оазиса⁷⁸. И если для поры культуры Бургулюка и Каунчи I в Ташкенте не находим следов стационарного обживания, то в период Каунчи II, когда земледельческое хозяйство и экономика значительно окрепли (в Ташкенте осваиваются мощные ирригационные системы арыков Салар, Карасу и Бозсу), на этой основе формируются многочисленные поселения, замки, крепости. В тех поселениях, где особенно интенсивны были урбанистические тенденции, уже в пору первичного формирования в материальных остатках ощутимы черты более высокой культуры производства, строительства.

Так, в керамике нижнего слоя Мингурюка есть тонкостенные обожженные чаши, кубки, кружки, выполненные из хорошо промешанного теста на гончарном круге. В сравнении с одновременной керамикой Кугаиттепа, Таукаттепа, Шаштепа они демонстрируют более развитый вкус и технологию производства.

Архитектура дает уже достаточно развитые сводчатые конструкции, фортификационные приемы. Помещения перекрываются сводами полуциркульных очертаний, выложенными наклонными отрезками, входные проемы оформляются арками⁷⁹. Оборонительная стена имеет валганг и бруствер для ведения навесного боя, вероятно, в стенах имеются и бойницы.

В VI—VII вв. в Ташкентском оазисе бурно развивается городская жизнь. Города формируются на месте небольших поселений и крепостей предшествующего времени. Но градообразующий про-

⁷⁷ Г. В. Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, вып. 1, 1948; А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента; В. Л. Воронина, Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента; В. М. Массон, Городище Ханабад; И. Баишев, В. М. Массон, Археологические разведки в районе Ташкента; Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960; С. Б. Лунина, З. И. Усманова, Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента; там же, Н. И. Крашенинникова, Археологические наблюдения на Чаш-тепе; Древний Ташкент.

⁷⁸ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, т. XXXIII, 1950; Г. В. Григорьев, Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина, Древности Чардары; Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи; Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев, Памятники античного времени в Ташкентском оазисе, ИМКУ, вып. 10, 1973, стр. 38—51.

⁷⁹ Древний Ташкент, стр. 35, рис. 7.

цесс настолько интенсивен, что возникают совершенно новые города на местах, ранее не освоенных. Так сформировался Ханабад на берегу Чирчика. Города становятся центрами торговли, ремесла, к ним тяготеют многочисленные поселения и замки. В нашей группе памятников такими городами стали городища Мингурюк, Ханабад, Кугаиттепа.

Причем из всех трех наиболее значительно городище Мингурюк с отлично укрепленной цитаделью, обширным шахристаном, комфортабельным дворцом, включающим хозяйственные помещения, парадные залы со стенами, покрытыми полихромной живописью и храмовый комплекс, объединивший подквадратный зал с подковообразным алтарем огня и обводной коридор⁸⁰.

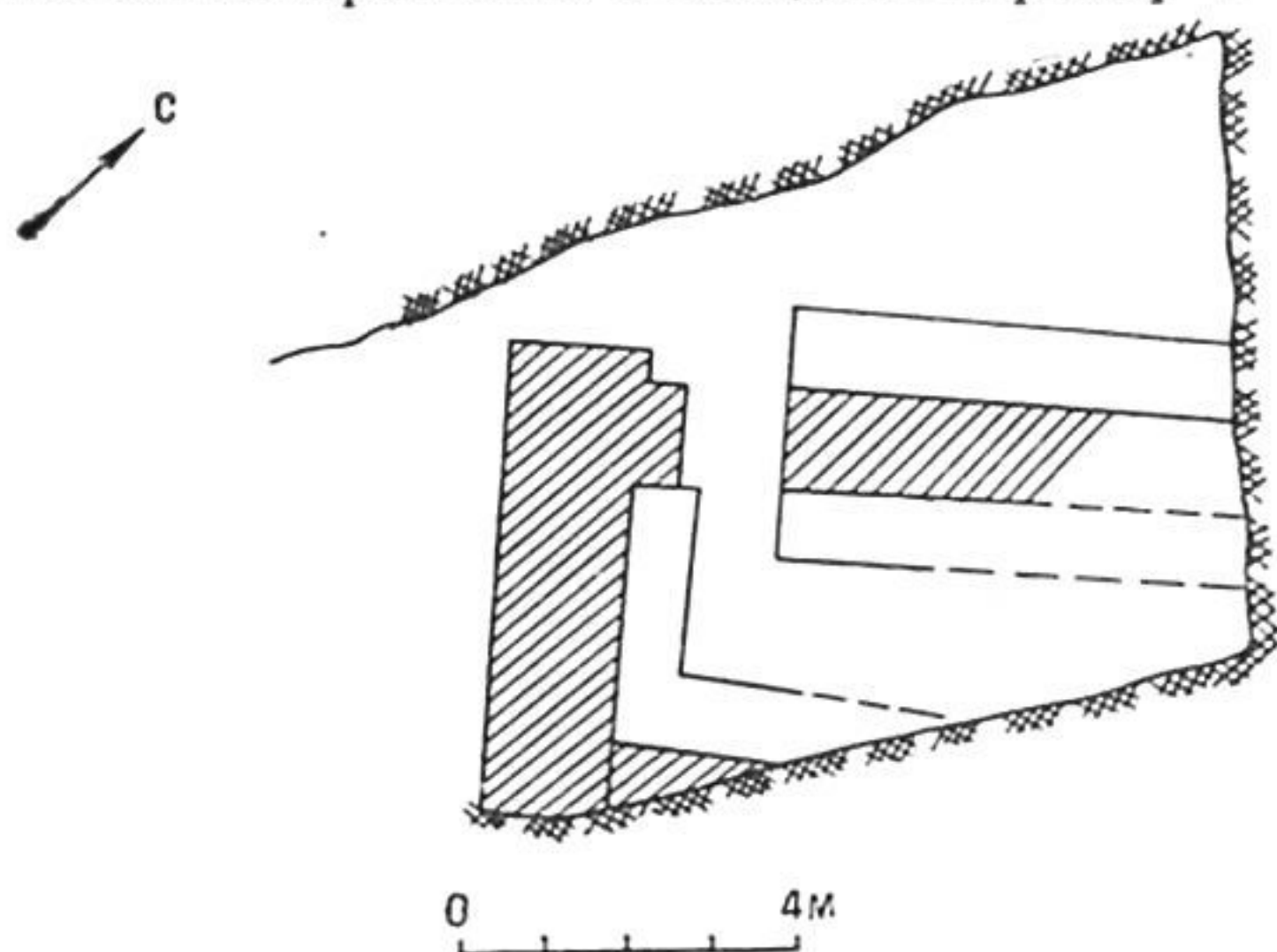

Рис. 27. Мингурюк. План помещений в цитадели

Географическое положение этих городов чрезвычайно выгодно — могучая водная магистраль, дающая обилие воды, соседство с обширными скотоводческими степями, древний путь из Мавераннахра в кочевую степь, — вот те градообразующие факторы, способствующие стремительному росту городов в раннем средневековье, которые в будущем будут также способствовать возрождению и строительству новых городов после всех политических и военных потрясений и бедствий.

Города, как правило, имеют цитадель и шахристан. Мы знаем теперь планировку полностью вскрытой цитадели Ханабада. В 1958—1959 гг. частично вскрывалась цитадель Мингурюка. Расчищены два вытянутых с севера на юг продолговатых помещения, соединенных проходом (рис. 27), стены их сложены из пахсы, или из кирпича форматом $44-46 \times 23-26 \times 8$ см. В помещениях

⁸⁰ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 142; В. А. Шишкин, Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР, ИМКУ, вып. 2, 1961, стр. 32; Древний Ташкент, стр. 18—52.

вдоль стен выложены суфы шириной 80 см и высотой 20 см. Перекрытия комнат сводчатые, кривая сводов близка к полуциркульной. Свод выкладывался наклонными отрезками длинной стороной кирпича к радиусу свода. Высота помещений, вероятно, составляла 2,2—2,4 м. Несколько иная, чем в помещениях, конструкция свода прохода (рис. 28). От пяты выкладывается кривая свода. Два замковых кирпича клиновидно подтесаны. Выше идут разгрузочные арочки из двух напользающих рядов горизонтально положенных кирпичей. Затем начинается распалубка и выкладка свода комнат.

Как в Ханабаде, так и Мингурюке для помещений цитадели принята прямоугольная планировка. Но цитадели Ханабада присущ суровый аскетизм. В помещениях нет даже суф. Они явно предназначены только для гарнизона. В цитадели городища Мин-

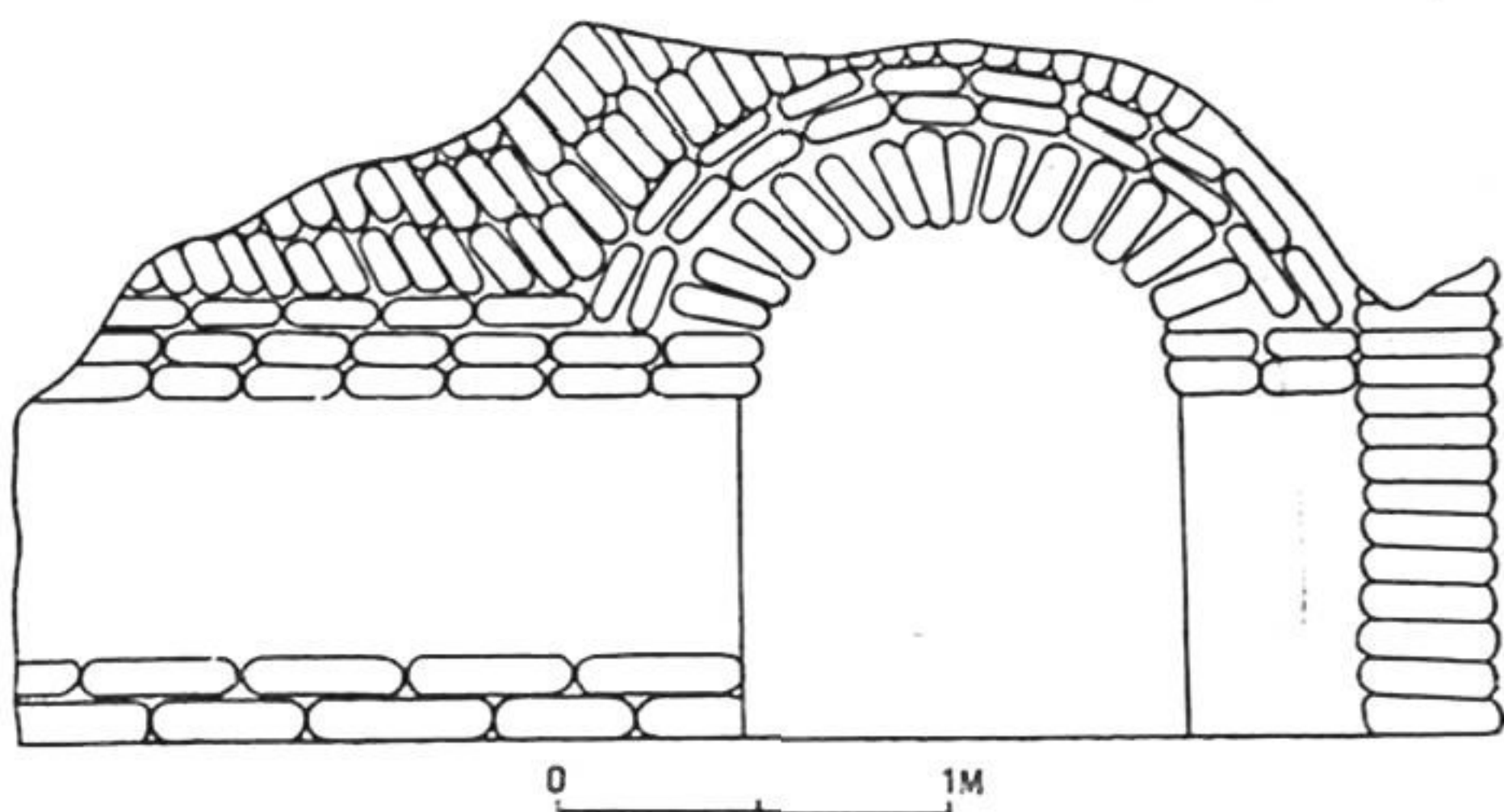

Рис. 28. Мингурюк. Цитадель. Кладка арки прохода

гурюк боевая функциональная направленность четко выражена в оборонительных стенах с башнями и сводчатыми стрелковыми галереями. Помещения же цитадели лишены сурового аскетизма — вдоль стен вытянуты высокие суфы, стены и суфы тщательно и многократно штукатурятся. Все это позволяет предположить, что в этой цитадели размещались не только гарнизон, но и администрация. А в тревожное время помещения вполне могли быть использованы под жилье.

В фортификационных сооружениях городов VI—VIII вв. Шаша наблюдается разнообразие и прогресс решений в сравнении с фортификацией предшествующего времени. Так, оборонительная мощь стен крепостного поселения Мингурюка решалась толщиной в 6,5 м и валгангом по верху. В цитадели Мингурюка стена значительно тоньше, но ее мощь увеличена за счет башен и стрелковой галереи (рис. 29). Стена городища Ханабад также оснащена стрелковой галереей. В стене цитадели Куганттепа галерея не наблюдается, но, возможно, она снесена во время надстройки стены в XI—XII вв.,

возможно также, что галерея не планировалась, так как город значительно меньше Мингурюка и Ханабада.

Ранее высказано мнение, что в VI—VIII вв. в Шаше «определилась тенденция сближения»⁸¹ с культурой Согда, причем Шаш рассматривался в это время как один из очагов «согдийской культуры»⁸². Тенденция сближения культур в городах Шаша безусловна. Здесь наблюдается много общих с Согдом черт в керамике, архитектурно-планировочных решениях; в обращении согдийские монеты, на монетах Шаша согдийские надписи.

Но в планировочных решениях и керамических материалах наблюдаем также общность с Усрушаной, Тохаристаном и Средней Сырдарьей. В связи с этим считаем необходимым, не опровергая тезис о сближении с культурой Согда, расширить его, отмечая общность с названными областями.

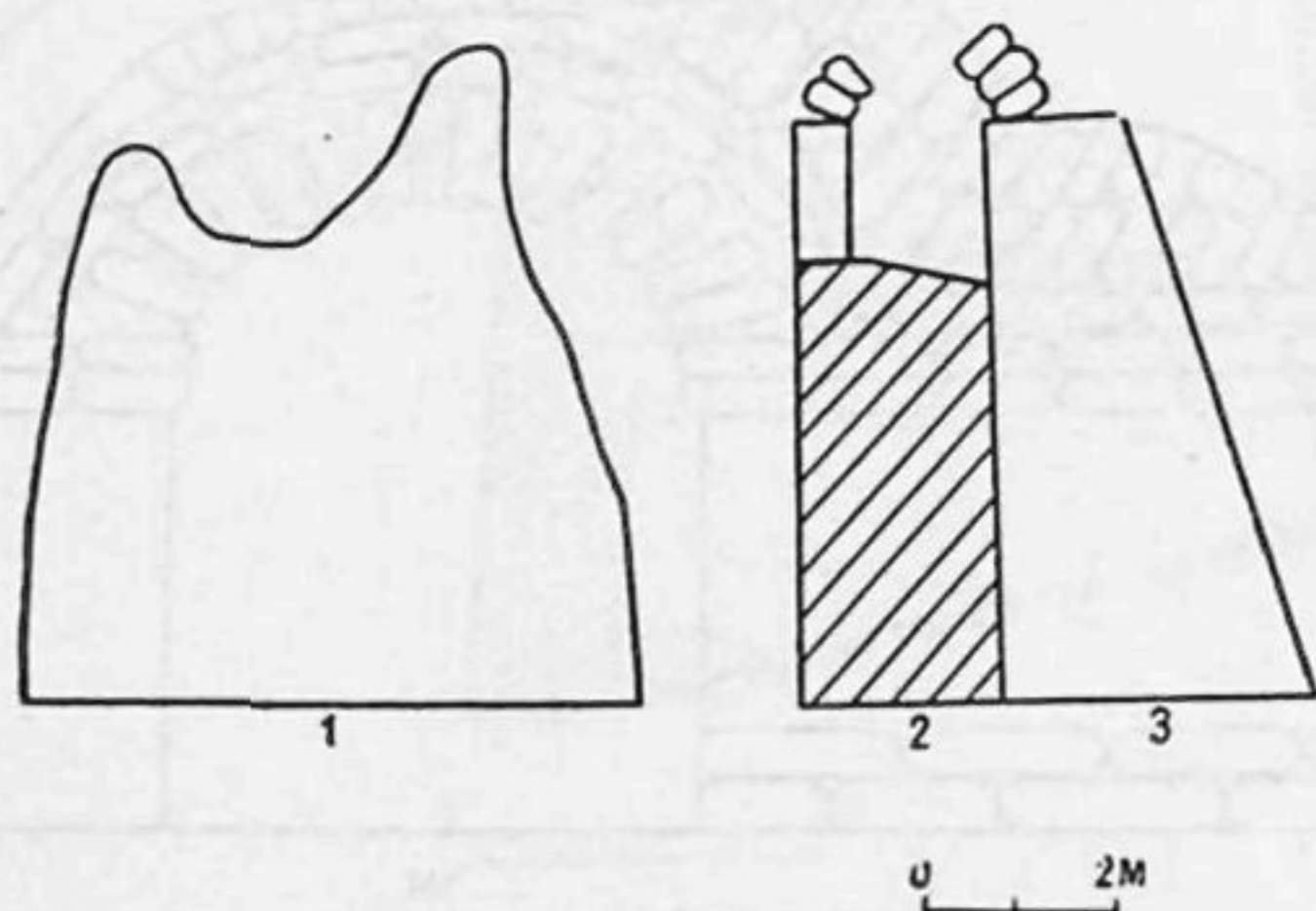

Рис. 29. Мингурюк. Условные обозначения:

1—стена крепостного поселения; 2—культурный слой поселения; 3—стена цитадели

Вместе с тем, живет и продолжает развиваться местная традиция культуры: в архитектуре это преемственность и развитие конструкций прошлого, в керамике — бытование традиционных форм кружек, тонкостенных чаш с перегибом борта, ручек в форме барана. Все это не позволяет рассматривать культуру городов Шаша как согдийскую. Вероятно, следует говорить о том, что вырабатывается общность раннефеодальной культуры Мавераннахра, в которой наиболее сильно влияние Согда — области с высокоразвитыми культурными традициями. В Шаше носителями этой общности были города, в культуре которых органически сочетаются локальные и общемавераннахрские черты. В культуре же поселений, например в культуре Таукаттепа, не ощущаем влияний ур-

⁸¹ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 169.

⁸² Там же, стр. 165.

банистических элементов и наблюдаем сохранение и развитие локальной, в данном случае каунчинской, культуры.

Жестокий разгром городов, поселений и замков Шаша в середине VIII в. затормозил и нарушил процесс градостроительства в Ташкенте. Жизнь замерла в значительном большинстве пунктов до середины X в. В нашей группе городов Шаша только городище Ханабад возрождается в IX в., вероятно, в силу его территориального положения у переправы через Чирчик. В X в. возродился Кугайттепа, чтобы затем перерасти в крупную торгово-ремесленную факторию на пути в Бинкет. Замерла и не возродилась жизнь крупного поселения Таукаттепа.

Но наиболее интересна трансформация Мингурюка. Крупный город, раскинувшийся на площади, превысившей 30 га, игравший ведущую роль в этой части Шаша, больше никогда не возрождается как городской организм. Здесь формируется поселение. Но старые налаженные торгово-экономические связи и пути требовали возрождения города-рынка, города-ремесленника и купца. Город возрождается, но как это наблюдалось неоднократно на примере других памятников⁸³, не на старых руинах, а на новом месте. В 4,5 км к северо-западу от Мингурюка формируется Бинкет.

⁸³ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1948, стр. 145.

НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА БИНКЕТ

Городище расположено в центральной части старого города Ташкента в четырех даха, на которые он делился в XIX в.: Сибзарской, Кукчинской, Бешагачской и Шейхантаурской. Наиболее возвышенная часть его — шахристан с бывшей цитаделью — занимала территорию на стыке всех четырех даха. На возвышенности между улицами Хамзы, Навои, Чорсу, Октябрьским рынком и площадью им. Калинина (Иски-Джува), отождествленной М. Е. Массоном¹ с шахристаном Бинкета, исследованиями Ташкентского археологического отряда обнаружены наиболее мощные культурные отложения IX—XII вв. и площади, застроенные жилыми дворами этого времени. Установлено, что центр шахристана обживался весьма интенсивно, территории же рабадов, простиравшихся главным образом на север, запад, и в меньшей степени на юг и восток от шахристана, имели более разреженную застройку, в них-то и располагались основные отрасли ремесленного производства: гончарство, стеклоделие, выделка кирпича, кузнечное дело и др.²

Исследование городища затруднено тем, что вся его поверхность занята плотной современной застройкой, и возможно лишь при отчуждении участков под какие-либо строительные работы. Такая возможность предоставилась в 1974 г. в связи с закладкой на территории шахристана двух котлованов под здания корпусов институтов Ташгипрогор и Средазгипроводхлопок. Исследовался участок, круто обрывающийся к улице Навои на юге и ограниченный с запада и востока зданием медресе Кукельдаш и городским трамвайным парком. Проведены наблюдения в котловане общежития Ташгипрогора, заложены два шурфа и два стратиграфических раскопа.

До недавнего времени южный склон холма в его естественных и исторически сложившихся границах крутыми террасами спускался к руслу Чорсу. К моменту закладки котлована этот холм, особенно по южному краю, сильно срезан при расширении улицы Навои и

¹ М. Е. Массон, Прошлое Ташкента, Известия Академии наук УзССР, 1954, № 2, стр. 110.

² Древний Ташкент, стр. 53—101.

ее застройке (реконструкция 1960 г.). Котлован общежития Ташги-прогора врезан в толщу культурных наслоений, слагающих верхнюю часть холма, и в материковый лесс, их подстилающий. Площадь котлована 46×29 м, глубина 2—6 м, южная сторона, приходящаяся на обрыв, открыта. Общая мощность культурного слоя 2—3 м, но местами, может быть за счет падения рельефа, достигает 6 м (западный и восточный разрезы). На западном разрезе четко читается граница холма, срезанного при современных перепланировках города. Непосредственно на материке залегает слой XII в. Его горизонт удалось проследить достаточно точно в западном и юго-западном обрезах котлована.

На западном обресе это очень четкая горизонтальная прослойка темной гумусной земли с включениями жженных кирпичей и керамики этого времени, в юго-западном углу группа гончарных печей и ям со скоплениями гончарного брака, шлаков и оборудования печей (штыри, крючки, сепая). Слой XII в. перекрыт более поздними слоями, накопившимися с конца XII—XX вв., стратиграфию которых выяснить невозможно, так как выемка земли велась экскаватором. Собрана коллекция бытовой и архитектурной керамики XVI—XVII вв., которая дает представление о высоком техническом и художественном уровне гончарного ремесла в этот период. Белофонная керамика с синим орнаментом отличается большим разнообразием декоративных мотивов. Здесь и ажурные листья папоротника, и причудливые цветочные гирлянды, и розетки на чашах и блюдах, и строгий геометрический рисунок на ляганах и тагора. Интересен фрагмент блюда XVI в. с фестончатым венчиком. На его внутренней поверхности среди цветочных гирлянд изображено шествие цапель на взлете. Эти птицы, как бы приподнявшиеся над землей, очень декоративны. Их изображения перемежаются розетками, размещенными как между ними, так и в верхней и нижней частях фриза.

Весьма примечательна находка шестигранной облицовочной плитки с геометрическим герихом, выполненным в бело-синей гамме. Видимо, в период XVI в. на этом краю шахристана было монументальное здание, отделанное майоликой.

Гончарные печи XII в. (их в разрезе отмечено 7) имеют конструкцию, обычную для печей Средней Азии X—XII вв.³ Они круглые в плане (1,10—1,50 м в диаметре) с овально-коническим куполом над камерой. Топочный канал на уровне пода. Над подом по периметру печи идет выступ — полочка 30 см ширины и 50—60 см высоты — для установки посуды. Над полочкой в верхней части камеры два ряда отверстий для штырей, на которых мастера подвешивали посуду. Штыри, находимые в большом количестве, круг-

³ С. Б. Лунина, Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 229, рис. 3, 5; Л. И. Альбаум, О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв., Афрасиаб, т. I, 1969, стр. 257.

лые в сечении, в виде удлиненного конуса и четырехгранные, гладкие, покрытые зарубками-вдавлениями или углубленной спиральной бороздкой. Возможно, эти зарубки и спирали препятствовали скольжению посуды по крючкам при ее подвеске в печи.

Изготовленная в этих печах керамика на кольцевых вырезных или плоских поддонах, характерная для конца XII в., делилась на три группы: желтофонная с коричневой росписью; светлофонная с трехцветной росписью (оливковый, зеленый, красный), темно-зеленая и фисташковая с подглазурной гравировкой.

Разрезы западной и восточной стенок котлована дают картину явного понижения естественного холма к югу. Особенно резкий перепад отмечается на восточном разрезе, где на краю холма фиксируется толща слоистых отложений стоячего водоема мощностью 1 м. Они прослежены на протяжении 10 м.

Возле водоема рельеф лессового холма резко падает в сторону Чорсу. Заполнение этого перепада культурными наслоениями XV—XIX вв., вероятно, началось в новый период процветания Ташкента.

Дополнения к наблюдениям в котловане дал раскоп II, заложенный севернее котлована, перпендикулярно к его краю. Раскоп размером 10×4 м² как бы продолжил на север стратиграфический разрез южного участка шахристана, начатый котлованом. Он опущен на глубину 5 м. Верхние 2,5 м культурных отложений носили смешанный характер: фундаменты домов XX в. уходят в слои строительных остатков с керамическим материалом XV—XX вв., включающим единичные фрагменты XII в.

На уровне V яруса слои приобрели однородный характер. Здесь по всей площади раскопа встречены скопления отвалов керамического брака, золы, печного припаса (сепая, штырей) и отмечена прокаленность докрасна грунта, свидетельствующая о близости обжигательного горна. Керамика — как неглазурованная, так и поливная, расписанная красной охрой по оливковому фону, черно-марганцевым рисунком по белому фону, есть фрагменты с бирюзовой глазурью. Отмеченный слой аналогичен встреченному в котловане скоплению керамических горнов и фиксирует его распространение дальше на север. На уровне 3,5 м от поверхности отмечен бадраб диаметром 0,7 м, опущенный в лессовый материк и давший керамический комплекс XI—XII вв. Слой с материалом XI—XII вв. прослежен на глубину 2,5 м. В нижних ярусах он приобрел характер уплотненного завала с включением строительных жженных кирпичей размером $30 \times 20 \times 2,5$ —3 см.

Раскоп I заложен на территории котлована производственного корпуса Средазгипроводхлопок во дворе оставленного дома к северо-востоку от здания института. На площади 5×3 м² исследована стратиграфия до материкового лесса. Общая мощность культурного слоя, преимущественно перемешанного, оказалась 4 м. Отложения включали рыхлые завалы, строительные остатки из сырцового кирпича, зольно-гумусные прослойки и массовый керамический ма-

териал XV—XX вв., среди которого встречены единичные фрагменты посуды X—XII вв. Лишь на лессовом материке *in situ* зафиксированы остатки слоя средней плотности с чистым материалом XV—XVI вв.

Наиболее удачным оказался шурф II (размером $4 \times 3 \text{ м}^2$), заложенный к северу от института Средазгипроводхлопок, так как он попал на участок с непотревоженной свитой слоев городища. Здесь на материковом грунте зафиксированы отложения плотного спрессованного лесса с фрагментами керамики IX—X вв., представленной обломками чаш и блюд. На нем с глубины 4,1 м начался слой с включением строительных остатков из жженого кирпича размером $35 \times 17 \times 3 \text{ см}$. Расчищены три стены смежных помещений небольшого дома с остатками очага. Из заполнения помещений и перекрывающего слоя получен керамический материал XI—XII вв., включающий мелкофрагментированные глазурованные сосуды с оливковой, желтой, зеленоватой поливой и коричневым марганцевым и охристым, красноватым орнаментом. Здесь, как и в раскопе II, встречены черепки сосудов с бирюзово-голубоватой глазурью начала XIII в., широко известные в Согде (Афрасиаб)⁴, находимые в Мерве⁵, но считавшиеся не типичными для Шаша.

Выше описанного слоя с уровня 3,5 м зафиксированы отложения без следов каких-либо построек, но давшие довольно крупный комплекс керамики XV—XVI вв. Они перекрыты вплоть до поверхности культурными остатками XIX—XX вв.

На всех раскопочных площадках получен интересный набор глазурованной керамики XV—XVI вв. с росписью синего (кобальтового) и черного цветов по белому фону или черной росписью по синему фону. Мотивы узоров растительные и в меньшей степени зооморфные и геометрические, они свободно расположены на поверхности блюд и чаш, указывая на высокое мастерство выполнившего их специалиста. Встреченный комплекс дополняет ранее полученный на Бинкете материал XV—XVI вв. и подтверждает высокие достоинства керамической школы Шаша, бывшей казалось бы провинциальной по сравнению со столицей Согда — Самаркандом, но мало уступающей ей в мастерстве⁶.

Результаты археологических исследований 1974 г. расширили наши представления о последовательности и времени освоения южной части городища, примыкающей к обрыву и, вероятно, к проходившей здесь некогда городской стене шахристана.

Уместно привести ранее полученные данные изучения юго-западной кромки шахристана. Если проанализировать результаты исследований 1950 г., где отмечалось, что порталная часть медресе

⁴ Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв., Ташкент, 1967, стр. 125.

⁵ С. Б. Лунина, Гончарное производство в Мерве, стр. 355.

⁶ Д. П. Вархотова, Художественная керамика XV—XVI века из Ташкента, ОНУ, 1969, № 8—9.

Кукельдаш, т. е. южный его фасад, стоит с отступом от лессовой платформы на 5—6 м, а западный фасад спускается по ее склону на территорию рабада, то можно говорить о начале юго-западной границы лессового холма. Под фундаментами медресе на чистом лессе обнаружена керамика XII в. Спорадически встречались фрагменты X в.⁷

В 1960 г. в связи с реконструкцией улицы Навои исследован южный фас шахристана на протяжении 360 м. Археологические материалы, собранные в этот период, и наблюдения привели к выводу, что южная окраина шахристана обжита с XV—XVI вв. и то слабо⁸. Здесь мы имели дело с еще не уничтоженной реконструкцией частью Ташкента XV—XVI вв., располагавшейся южнее склона естественного холма, на котором развивался город в X—XII вв., т. е. на террасе, опускавшейся к ложу реки Чорсу.

Южная граница естественного холма, обживавшегося в X—XII вв., прослеживается на 50 м севернее привычного абриса, зафиксированного на планах.

Таким образом, раскопки в южной части, как ранее и в других районах шахристана Бинкета, не дали материалов, свидетельствующих об обживании городища в раннефеодальную эпоху.

Археологические данные опровергают высказанное О. Г. Большаковым утверждение, что Бинкет был столицей не только в IX—XII вв., но и в раннем средневековье и что арабы в VIII в. называли его Шашем по имени области⁹. В то время самым крупным и процветающим городом на территории Ташкента оставался Минг-гүрюк¹⁰.

О. Г. Большаковым предпринята и реконструкция размеров, очертаний и элементов топографии Бинкета на основе существующей городской планировки Ташкента, хотя автор имел возможность использовать результаты археологических исследований на городище.

Полученная им картина носит искусственный характер и не подтверждается археологическими материалами. В качестве одного из признаков, определяющих границы рабада, взято расположение старых кладбищ в Ташкенте, очерчивающих якобы западную границу рабада Бинкета¹¹.

Предложенный еще В. А. Шишкиным критерий для определения границ средневековой Бухары оправдывает себя, так как кладбища

⁷ Древний Ташкент, стр. 15; Ш. Ташходжаев. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдаш города Ташкента, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960.

⁸ Древний Ташкент, стр. 15.

⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 195.

¹⁰ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 139.

¹¹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 195—197, рис. 82.

обычно складывались за городской стеной. Но он не может быть использован применительно к Ташкенту, поскольку все кладбища, расположенные за воротами стены города XIX в. или в пределах стены XIX в., как показали исследования, позднего происхождения, некоторые из них сложились на культурных слоях поселений X—XIII вв. и не могут служить показателем границы средневекового города.

Результаты наших археологических исследований позволяют предположить заранее обдуманый факт градостроительства в связи с созданием нового города Шаша — Бинкета. Для него избирается такое место, где предусматривается и близость степей, т. е. возможность военного союза с кочевниками, расположение на водных системах, не требовавших больших затрат на их хозяйственное освоение и, конечно, направление караванного пути. Этим пунктом было правобережье Чирчика, где для орошения могла использоваться уже существовавшая со времени позднего Каунчи система Бозсу.

В первой половине IX в. восстанавливается и удлиняется оросительная система Бозсу¹², в районе которой формируется Бинкет. Теперь караванный путь из Согда в Шаш идет по известным еще в эпоху Кангюя пунктам, но главным звеном этого пути является Бинкет. Название Бинкет арабских источников очевидно сосуществует с названием столицы Шаша — Ташкент. Можно думать, что и местное население и тюрки в обиходе употребляли это название, привычное для них издавна. В дорожниках, на монетах и в официальных документах мы видим Бинкет. Однако уже Беруни отмечает традиционное наименование города: «Разве ты не видишь, что «Шаш» взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Таш-канд...» То же название встречаем наряду с Тарканом у Махмуда Кашгарского. По данным нумизматики, название Ташкент уже как единственное появляется в монгольское время, тогда же Ташкент упоминается в источниках¹³.

Планировка Бинкета, перенесенного на новое место, была уже регламентирована определенными планировочными канонами, при этом учитывались и естественные и социальные факторы. Шахристан и цитадель разместились на высоком холме прямоугольной формы между арыками Чорсу и Джангоб. Этот прямоугольник вытянут с запада на восток. Его пересекает главная улица, имеющая то же направление и делящая шахристан на две примерно равные части. Вторая улица шла вдоль восточного фаса цитадели, огибая пятничную мечеть, которая примыкала к этому же фаса. В цита-

¹² В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 219.

¹³ Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1963, стр. 271; Махмуд Кашгарий, Туркий сўзлар девони, I — том, Тошкент, 1960, 414-бет; В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 501; т. II, ч. 2, стр. 511.

дели располагались дворец и тюрьма. Основные дороги, ведущие к городу, уже сложились и определили количество ворот и основные направления улиц во внутреннем рабаде, которые фокусировались возле базаров (Чорсу, Иски-Джува). Стена внутреннего рабада определила первый этап сложения города, который и разместился на прилегающих к шахристану холмах (Калляхана, Хиобан, Сагбан, Сибзар, Шахнишинтепа, Танышахар).

Очертания и размеры рабада продиктованы распространением археологического материала X—XI вв., фиксирующего активное обживание территории на севере и северо-западе от шахристана. Планировка улиц носит еще регулярный характер и подчинена продольному с запада на восток и поперечному с юга на север направлениям, задаваемым контуром шахристана. Одна из улиц рабада ориентирована на мечеть Намазгох. На первом этапе рабад занимал территорию 60 га и имел 10 ворот. Скоро городу стало очень тесно в этих пределах и он осваивает новые территории, которые тоже включает в стены, снабженные уже 7 воротами. Это внешний рабад. Ворота имеют названия, зафиксированные в источниках X в. (Макдиси, Ибн Хаукал, автор Худул ал-алем), и связаны с жизненно важными для города направлениями: на Тункет, где был монетный двор, в степь, где велась торговля с кочевниками, направление к головным ирригационным сооружениям на Бозсу, на Самарканд и Хорасан, на Семиречье и Китай.

Анализ планировки шахристана и первого рабада показывает, что основные параметры и направления заданы и определялись, насколько позволяет это сделать современная застройка и перепланировка, размерами естественного холма шахристана, направлением главных караванных путей, местоположением ремесленных кварталов, базарных площадей и застройкой рабада.

Возвращаясь к исследованиям в южной части городища Бинкет, можно отметить, что территория шахристана осваивалась под застройку неравномерно. Отдельные участки в его южной части пустовали в IX—X вв. в период наибольшего расцвета города. Возможно, здесь располагались постройки с большими садами или огородами.

В XI—XII вв. эта часть застраивается более тесно. Примечательно освоение южной окраины шахристана в это время гончарами, которые устраивали печи недалеко от большого водоема или проходившего здесь канала. Количество обнаруженных хумданов указывает на расположение нескольких хозяйств керамистов, а возможно, и целого квартала, специализировавшегося на производстве бытовой посуды. Расположение хозяйств гончаров на окраине шахристана закономерно. В Средней Азии имеем примеры их существования и в центре города (Афрасиаб), хотя обычно они выносились за черту шахристана, в рабад.

Как показали исследования, следующий период расцвета жизни на южной территории городища приходится на XV—XVI вв. Наслоения этого времени располагались на материке, у южного

склона естественного холма и южнее современного обрыва к улице Навои на террасе Чорсу. К XV—XVI вв. сделан и новый обвод крепостными стенами. Границы города значительно расширились и в восточном направлении, захватив территорию Шейхантаурской даха. Эти площади снабжались водой, по-видимому, из Анхора, древний отвод из которого зафиксирован на склонах холма, расположенного восточнее стройплощадки цирка и уничтоженного при перепланировке. Ташкент в XV—XVI вв. играл роль значительного политического и культурного центра, что и подтверждается широким распространением культурных слоев на шахристане Бинкета и за его пределами.

ПРОДУКЦИЯ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА БИНКЕТА

Вопрос о времени возникновения производства глазурованной керамики в Средней Азии до сих пор остается дискуссионным. В то время как в древнем Египте, Греции, на Ближнем и Дальнем Востоке¹ производство глазурованной посуды известно с первых веков до н. э., Средняя Азия в этом отношении стояла особняком. Встречались лишь единичные находки глазурованной керамики в античных², раннесредневековых слоях³, но массовое производство глазурованной керамики, как показали исследования последних лет, относится к концу VIII—началу IX вв.⁴, причем самыми ранними считаются сосуды с трехцветной росписью с непрозрачной свинцово-щелочной глазурью⁵.

Наиболее ранние образцы глазурованной керамики Бинкета с изумрудно-зеленой росписью широкими мазками по светло-серому фону встречены в нескольких пунктах шахристана Бинкета и в бадрабах на примыкающих к нему поселениях⁶. Этого типа керамика, покрытая щелочной глазурью, встречается в комплексах с неглазурованными изделиями, типологически тяготеющими к раннесредневековому времени. Это обстоятельство и то, что керамика со свинцовыми прозрачными глазурями и полихромной росписью по светлому ангобу получает распространение в Шаше с середины IX в.⁷ позволяют приблизительно датировать появление раннеглазурованной керамики в Бинкете первой половиной IX в. Эту дати-

¹ A. Lane, Early Islamic Pottery Mesopotamia, Egypt and Persia, London, 1947; E. W. Cox, The Book of Pottery and Porcelain, New York, 1945.

² М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959, стр. 134.

³ И. А. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, Новая серия, 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 15.

⁴ Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, стр. 9.

⁵ Г. В. Шишкина, Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 28.

⁶ Работы проведены археологами Л. Л. Ртвеладзе, М. И. Филанович и Д. П. Вархотовой.

⁷ Наблюдения проводились В. А. Булатовой и Л. Л. Ртвеладзе. Комплексы датированы саманидскими монетами середины IX в.

ровку подтверждают стратиграфические данные с городища Ханабад. Здесь в стратиграфическом разрезе обнаружен четко зажатый между слоями середины VIII и X вв. комплекс керамики из выгребной ямы, где встречена неглазурованная керамика, среди которой обнаружены 2 поливных блюда с росписью широкими мазками зеленого цвета по сероватому фону.

Вся раннеглазурованная керамика изготовлена на гончарном круге, имеет довольно плотный черепок желтого или розового цветов. Изнутри и снаружи на черепок без ангоба толстым слоем наносилась непрозрачная светло-серая глазурь с наплывами на тыльной стороне. Поверх нее наносилась широкими мазками с нечеткими краями роспись изумрудно-зеленого или травянисто-зеленого цветов. Роспись для придания четкости обводилась тонким марганцево-черным контуром.

Керамика представлена чашами, кувшинами и чирагами. Формы раннеглазурованных чаш характеризуются тяжеловесностью и толщиной стенок. Наиболее часто встречаются два типа чаш: с полусферическим корпусом на слегка выступающем вогнутом поддоне, и с корпусом в виде усеченного конуса с изгибом профиля стенки на кольцевом поддоне с прямой ножкой. Варианты этих типов встречаются в сочетании с вогнутым или кольцевым поддоном (рис. 30).

В орнаментации чаш применяются растительно-геометрические мотивы, заполняя все поле чаши. Наиболее устойчивые сочетания — квадрат в круге, круг с четырехлепестковой розеткой, пышные пальметты в кругах, квадрат, вписанный в квадрат. Наиболее употребимы лучевые композиции с квадратом в центре, пышные пальметты в кругах, расположенные бордюром на стенках чаш; растительные мотивы концентрических бордюров. Завершающим элементом в орнаментации явилось украшение края чаш крупными овальными зубцами.

Оригинальна по композиционному решению чаша со свободным от орнамента полем, на бортике которой небольшая эмблема в виде круга с вписанным в него квадратом. Рисунок выполнен широкой зеленой полосой с обводкой тонким черным контуром.

Интересен фрагмент чаши (рис. 30, 3) с трехцветной росписью: зеленым, золотисто-коричневым и черным по серовато-белому фону (Шахнишин, шурф). По бортику в кругах на золотистом фоне пышные пальметтки, по краю чаши крупные фестоны. Аналогичный тип встречен на Афрасиабе и также относится к наиболее ранним.

Наряду со сложными композициями употреблялся орнамент в виде радиально расположенных полос с отходящими от них изогнутыми мазками, выполненными зеленым цветом с обводкой тонким черным контуром. Довольно широко распространено в Шаше украшение глазурованных чаш в виде широких с нечеткими краями потеков, спускающихся от венчика чаш к центру. Этот вид орна-

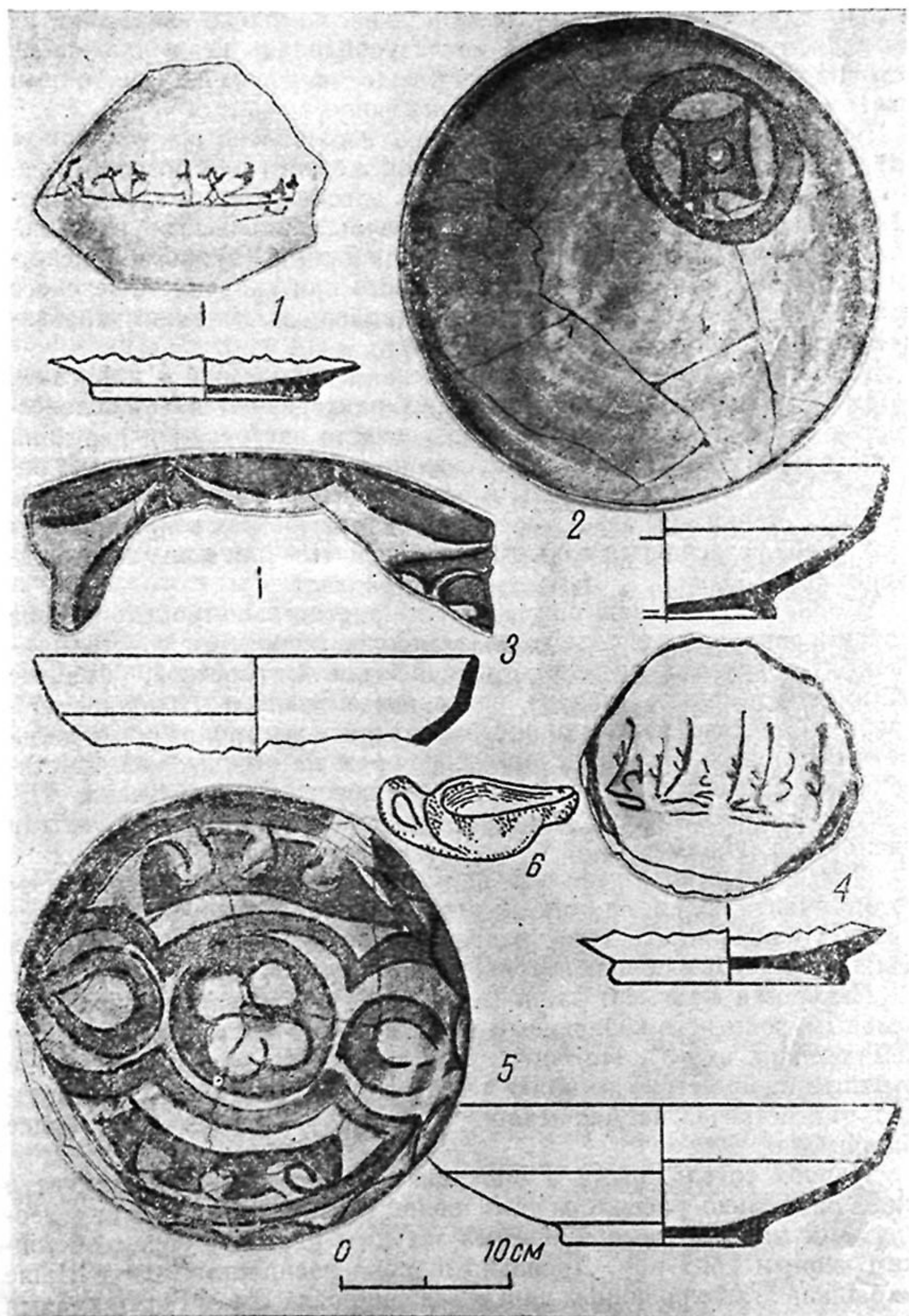

Рис. 30. Глазурованная керамика первой половины IX в.

ментации известен на Ближнем Востоке в комплексах самаррской керамики IX в.⁸

По сравнению с изящно выполненной орнаментацией на саманидской керамике рисунок вышеописанных сосудов кажется грубоватым, но по-своему оригинален и поражает сочностью мазков, наносимых уверенной рукой художника без предварительных набросков.

К концу IX в. наблюдается высветление фона на керамике с непрозрачными глазурями. Кроме растительных орнаментов, применяются и псевдоэпиграфические надписи, выполненные сине-голубой и марганцеватого цвета красками. В комплексе этого времени, извлеченном из бадраба (Чиланзар, Учтепа, бадраб 6), интересны фрагменты двух чаш (донца) со стилизованными надписями, выполненными марганцевой и голубовато-зеленой красками (рис. 30, 1, 4).

Из закрытых форм раннеглазурованной керамики следует отметить широкогорлый горшок без ручек. Венчик у сосуда срезан, невысокое горло шириной 14,5 см плавно переходит в округлые плечики, дно не сохранилось. Снаружи он украшен широкими потеками зеленого цвета, спускающимися от края венчика на плечики и тулово сосуда. На плечиках горшка марганцево-черным цветом изображены неопределенные штрихи, напоминающие арабские надписи. Аналогичной формы горшки известны в IX в. в Хорезме, но там они украшались красным ангобом и лощением, и в раннесредневековых комплексах керамики Ташкента⁹.

Чираги встречаются двух типов: в виде плошки (рис. 30, 6) со смятым сливом, переходящим в широкий открытый резервуар с пистлевидной ручкой, и светильника с приплюснутым корпусом, невысокой горловиной и длинным носиком. Первый тип снаружи и изнутри украшен расплывшимися изумрудно-зелеными пятнами — потеками по светло-серому фону, второй сплошь покрыт непрозрачной зеленого цвета и плохого качества глазурью по черепку без ангоба. Чираги с пятнистой однотонной росписью встречаются в Согде в комплексах керамики, датированной монетами середины IX в. На Ближнем Востоке они широко распространены среди материалов самаррской керамики¹⁰.

Завершая обзор раннеглазурованной керамики, следует отметить незначительный ассортимент поливных изделий, выпускаемых в первой половине IX в. Несовершенство и тяжеловесность форм, скупая цветовая гамма, применяемая в декорировке сосудов, связаны с освоением новых технологических процессов в производстве поливной керамики, что имело место в Шаше и других областях Средней Азии в конце VIII — первой половине IX вв. Орнамента-

⁸ F. S a g g e, Die Keramik von Samarra, Berlin, 1925, tafel (1—2).

⁹ Н. Н. В а к т у р с к а я, Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), ТХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 279, рис. 3, 4; стр. 280; Древний Ташкент, стр. 30, рис. 6, 10.

¹⁰ F. S a g g e, Die Keramik von Samarra, s. 72.

ция сосудов Шаша имеет локальные особенности, отличающие ее раннюю керамику от других областей Средней Азии. Наибольшее сходство она проявляет только в ремесленной продукции сопредельного Илака, что объясняется тесными экономическими связями этих областей.

Неполивная керамика первой половины IX в. объединена в комплексы с раннеглазурованными изделиями, извлеченными из бадрабов на шахристане Бинкета, на поселениях Учтепа и Ханабдтепа. Почти вся керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, покрыта светлым ангобом и отличается тщательностью обработки внешней поверхности. Станковые сосуды снаружи покрывались светло-бежевым ангобом, лепные — густокрасным. Иногда поверхность керамики заглаживалась и лошилась. Разнообразны и приемы украшений изделий — это или широкая полоса красно-бурого цвета на плечиках закрытых форм сосудов, либо полоса линейно волнистого прочерченного рисунка, орнаментирующая горло и верхнюю часть корпуса сосудов. Широко применялся врезной орнамент и украшения бордюром из пальцевых вмятин. Кухонная посуда для придания ей термостойкости изготовлялась со значительными примесями отощителей в виде кварцевого песка и гипсовых частиц.

По формам и назначению вся неполивная керамика разделяется на следующие категории:

Хумы — наиболее емкая группа сосудов. Употреблялись, как показали раскопки, для хранения жидкости и сыпучих продуктов. Высота некоторых сосудов достигает 1 м, диаметр устья 30—35 см, широкой части тулова 50 см. Изготавливались они из глины с большими примесями шамота. Обжиг сосудов неровный. Цвет черепка изнутри темно-серый, снаружи бежевый. Хумы лепились в несколько приемов — сначала горло, а затем изготавливалась нижняя часть на гончарном круге. После этого горло присоединялось к тулову. При рассмотрении сосудов ясно видны следы стыков горла с туловом, тщательно заглаженные тряпкой. Дно имеет шероховатую поверхность и подправленные ножом края. Обычно наиболее распространен один тип хумов с яйцевидным туловом и невысоким горлом, высотой 5 см, переходящим в подчетырехугольный отогнутый наружу венчик, украшенный фестончатыми налепами. Такой тип хумов широко распространен в Согде в VIII—X вв.¹¹

Кувшины — наиболее многочисленная группа находок. Изготовлены из тонко дисперсной глины на гончарном круге, отличаются тщательной отделкой внешней поверхности. Горло и плечики сосудов украшались в основном линейно волнистым прочерченным орнаментом или же полосой красно-бурого ангоба с потеками. По размерам корпуса и форме горла выделяются три типа сосудов.

¹¹ В. И. Распопова, Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 158.

Первый тип — одноручные кувшинчики с широким, слегка расширяющимся кверху горлом и шаровидным туловом на маленьком плоском поддоне со светлым цветом черепка в изломе. Снаружи сосуд покрыт бежевым ангобом. Ручка верхним концом прикреплена под валикообразным венчиком, нижним на плечиках сосуда, у корня ручки видна пальцевая вмятина (рис. 31, 8). В быту народов Средней Азии до сих пор употребляются аналогичные кувшинчики, которыми набирают воду из больших сосудов¹².

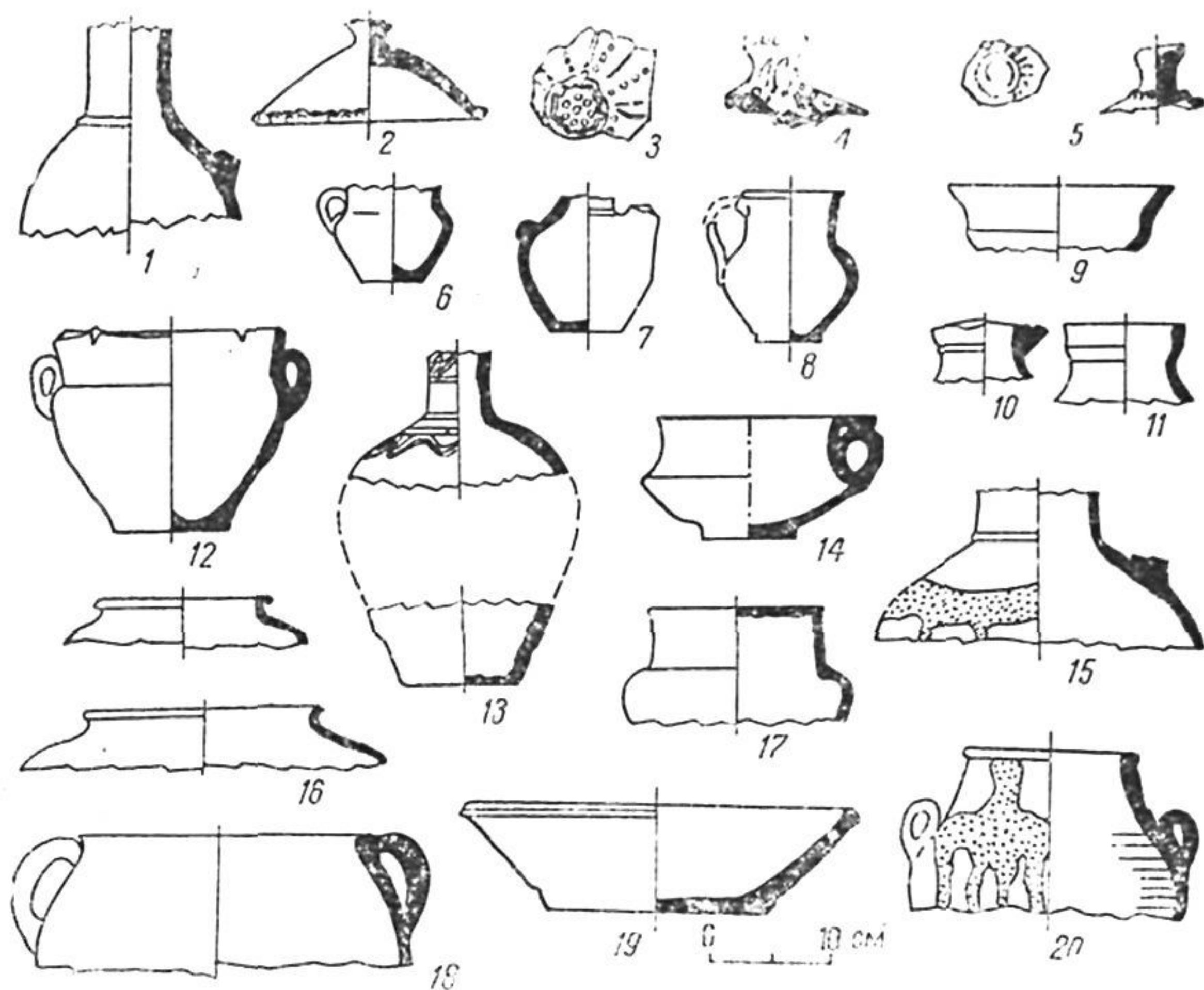

Рис. 31 Неполивная керамика первой половины IX в.

Второй тип — узкогорлые сосуды с яйцевидным туловом и плечиками, украшенными врезным линейно волнистым орнаментом (рис. 31, 13).

Третий тип — широкогорлые кувшины высотой 50 см с устьем горла 10–12 см, имеющие яйцевидное тулово. Горло отделено от корпуса выступающей рельефной полоской и плавно переходит в короткую с широким устьем (ширина 7–10 см) шейку, заканчивающуюся каннелюрованным венчиком со слегка примятым сливом.

¹² Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 274.

Коленчатая ручка одним концом крепилась под венчиком, другим на плечиках сосуда, украшенных широкой полосой бурого ангоба с растеками (рис. 31, 10, 11, 15). Подобные кувшины известны в Шаше с раннего средневековья и широко распространены и в Согде, становясь ведущей формой с VII в.¹³ В Шаше они бытуют и в IX в., но в комплексах X в. уже не встречаются.

Горшки представляют собой широкогорлые сосуды с невысокой шейкой. Обычно ширина устья немного меньше высоты сосуда, иногда совпадает с ней. Изготовлены сосуды из хорошо promешанной глины. Снаружи покрыты слоем светлого ангоба. Плечики некоторых горшков украшены полосой бурого ангоба. По форме корпуса и горла удалось выделить три типа.

Первый тип — сосуд с широким устьем и раструбообразным горлом шириной 3—4 см. Край сосуда срезан вниз и имеет острый венчик с легкими зажимами по краю. Невысокие плечики резко суживаются, переходя к плоскому дну. На них прикреплены небольших размеров вытянутые вверх ленточные ручки (рис. 31, 12). Аналогичный сосуд найден в раннесредневековых слоях с монетой бухархудатского типа на городище Мингурюк. Такой же формы сосуды с раструбовидным горлом, но без зажимов венчика, встречаются в Чуйской долине, где они датированы VIII—X вв.¹⁴

Второй тип — сосуды с широким горлом, достигающим 22 см с горизонтально срезанным вытянутым наружу венчиком, с острой закраиной и закругленным корпусом, на плечиках широкая полоса бурого ангоба. Под венчиком две небольшие коленчатые ручки.

Третий тип — широкогорлые горшочки с валикообразным венчиком и двумя ленточными ручками небольших размеров. Форма корпуса округлая, дно плоское, по ширине равно диаметру устья, со следами песчаной подсыпки (рис. 31, 18).

Корчаги — сосуды боченкообразной формы с несколько вытянутыми вверх пропорциями. Изготовлены из тонко promешанной глины без особых примесей. Снаружи покрывались светлым ангобом. Плечики некоторых сосудов украшались врезной горизонтальной полосой или широкой полосой красно-бурого ангоба с потеками. Диаметр устья почти всегда равен ширине дна. На плечиках располагались две небольшие вытянутые вверх петлевидные ленточные ручки (рис. 31, 20).

Котлы — в эту группу объединяются сосуды, употреблявшиеся для варки пищи, т. е. подвергавшиеся постоянному термическому воздействию. При изготовлении котлов для придания термостойкости в глину обычно добавляли различные отощители. Так, в Хульбуке и Магиане добавки состояли из крупно-зернистых кварцевых частиц, в Хорезме — гипсовых, в ферганских изделиях —

¹³ В. И. Распопова, Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, стр. 149.

¹⁴ П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, стр. 50, табл. XII, 6—7.

толченный ракушечник и известковые включения. Визуальное изучение сколов от котлов, найденных в Шаше, показало, что их черепок отличается большим включением речного песка и гипсовых частиц. Обжиг котлов ровный, цвет черепка светло-серый или охристый. Форма их выпуклая с широким туловом. Толщина стенок 6—7 см. У раннего типа котлов горловина более выделенная, у поздних сливается с корпусом. По форме корпуса и венчика выделяется котел с четко выраженной шейкой высотой 2—3 см, переходящей в подтреугольный в сечении венчик с острой закраиной. Горло плавно переходит в выпуклые крутые плечики, на которых прикреплены серповидные ручки. Еще две ложные ручки в виде налепов с пальцевыми вмятинами находятся у самого края венчика. Снаружи поверхность котла тщательно заглажена. Диаметр горла 20 см, ширина корпуса 40 см, высота сосуда 40 см. Двойные ручки у котлов — это древние приемы украшения сосудов, применявшиеся еще в VI—VIII вв. на каунчинской керамике, обнаруженной в нижних слоях шахристана Мингурюк¹⁵ (рис. 31, 18).

Аналогичные котлы широко распространены по всей Средней Азии в VIII—XIII вв., изменяясь лишь в пропорциях и некоторых деталях украшения. В XI—XII вв. форма их становится уплощенной и корпус почти сливается с венчиком.

Крышки известны двух типов: выпуклые с ручкой-столбиком, изготовлены на гончарном круге, и лепные конической формы с массивным грибовидным навершием (рис. 31, 2—3).

Лепная крышка дополнительно орнаментирована резным рисунком в виде радиально расположенных двойных линий и рядом вдавленных крапин, выполненных резным штампом. Края крышек имеют пальцевые вмятины.

Описанные формы крышек широко распространены на памятниках каунчинской культуры нижнего течения Сырдарьи в VII—VIII вв., Саларской группы городищ¹⁶ в V—XII вв., в Чуйской долине¹⁷ и Южном Казахстане¹⁸.

Кружки представлены тонкостенными сосудами, изготовленными из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе серого или розового цветов. Снаружи они тщательно заглажены и покрыты светлым ангобом, по форме их можно подразделить на три типа.

Первый тип — сосуд с прямым слабо выраженным горлом, плавно переходящим в округлое тулово на плоском донце (рис. 31, 6). Кольцевидная ручка круглая в сечении, прикреплена ниже венчика на плечиках сосуда. Снаружи кружка покрыта светло-се-

¹⁵ Древний Ташкент, стр. 46, рис. 11, 4.

¹⁶ Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи, стр. 17, рис. 3; Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 134, табл. III.

¹⁷ П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, табл. IV, 2—3.

¹⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 174—175, рис. 92.

рым ангобом. Этот тип широко распространен на памятниках каунчинской культуры в Ташкентском оазисе и среднем течении Сыр-дарьи¹⁹.

Второй тип — представлен кружками с конически расширяющейся кверху горловиной, с резким изгибом переходящей в небольшой корпус на плоском дощце. Кольцевидная ручка прикреплена к середине тулова. Аналогичной формы кружка обнаружена на городище Варахша С. К. Кабановым и датируется концом VIII—первой половиной IX вв.²⁰. При раскопках в Чуйской долине на памятнике Ак-Бешим²¹ они обнаружены в слоях VIII—IX вв., а в Чардаре продолжают существовать до X в.²²

Третий тип — кружки с цилиндрическим высоким горлом и отогнутым наружу прямым венчиком. Корпус этих кружек имеет резко приплюснутую форму с вогнутым поддоном. Петлевидная ручка украшена навершием в виде округлого щитка. Стенки кружки тонкие, изготовлены из тонко дисперсной глины. Обжиг розовый, снаружи сосуд покрыт розовым ангобом и слегка залощен. Аналогичная кружка встречена в слоях VI—VII вв. на городище Минг-урюк²³, на Афраснабе такого типа кружка обнаружена в комплексе с глазурованной керамикой IX в. В Бинкете кружки описываемых типов встречаются в комплексах с раннеглазурованными изделиями и датированы первой половиной IX в.

Ч а ш и — наименее распространенная группа изделий. Встречаются одного типа с широким устьем до 20 см и плавно отогнутым наружу широким бортиком, в средней части корпуса стенки, рельефно изгибаясь, резко суживаются к небольшому плоскому донцу. Аналогичной формы чаши находим в материалах Чуйской долины, датируются VI—VIII вв.²⁴ Из крупных сосудов встречена одна тагора с диаметром устья 34 см. Стенки ее конически расходятся кверху и заканчиваются срезанным подтреугольным в сечении венчиком. Дно плоское, шероховатое, со следами песчаной подсыпки, края подрезаны ножом. Тагора до сих пор широко распространены в быту населения Средней Азии. Аналогичные тагора известны в Варахше, раннесредневековых комплексах Ташкентского оазиса и Хорезме.

При рассмотрении неполивной керамики Бинкета первой половины IX в. отметим преобладание закрытых форм типологически

¹⁹ Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи, рис. 59.

²⁰ С. К. Кабанов, Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., ИМКУ, вып. 1, 1959, стр. 126, рис. 13, 1.

²¹ В. И. Распопова, Гончарные изделия Чуйской долины, стр. 146, рис. 3, 10, стр. 148.

²² А. Г. Максимова, М. С. Мерщнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина, Древности Чардары, рис. 22, 38.

²³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 138, табл. V.

²⁴ П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, табл. V, 11—12.

еще связанных с предшествующим периодом, относящихся к раннему средневековью,— это чашечки с отогнутым бортиком, кувшины со смятым сливом и ручкой и особенно кружки, столь широко распространенные в памятниках каунчинской культуры. Традиционны и приемы украшения этих сосудов полосой красно-бурого ангоба, которая в X—XII вв. употребляется в сочетании с линейно-волнистым орнаментом. Наибольшие аналогии рассматриваемой керамики отмечаются в Казахстане и Согде, что объясняется более тесными экономическими связями с этими районами.

Глазурованная керамика второй половины IX—X вв. Период IX—X вв. характеризуется усиленным экономическим ростом городов и дальнейшим развитием феодальных отношений в Средней Азии. Археологические работы и стратиграфические наблюдения на территории Ташкента выявляют насыщенные слои этого времени, что свидетельствует об общем процессе бурного роста феодальных городов Шаша. В целях выяснения времени сложения и развития древнейших городских образований на территории Ташкента проведены наблюдения над всеми видами строительных работ. Заложено до 150 шурфов, покрывших густой сеткой шахристан и прилегающие к нему внутренний и внешний рабады, позволившие получить комплексы керамики из слоя этого времени. Археологические исследования велись в современном густозаселенном городе, где средневековые слои во многих местах в связи с перепланировкой местности либо перемешаны, либо уничтожены, что затрудняет получение целостных комплексов из слоя, тем большую ценность имеют комплексы керамики, извлеченные из бадрабов, типологический анализ которых и сравнительные аналогии с комплексами керамики, более изученными, позволяют восстановить существование синхронных наслоений. Наиболее ценные данные, позволившие наметить следующий этап в развитии гончарного производства в Шаше, получены в стратиграфическом шурфе, заложенном на территории шахристана в районе Гульбазара. Залегавший на материке целостный комплекс из слоя с прекрасной глазурованной керамикой, украшенной преимущественно надписью строгим куфи по белому фону, датирован медной монетой бинкетского чекана Саманидов середины IX в.²⁵

Таким образом, можно наметить второй этап в развитии гончарного производства Бинкета, который характеризуется освоением новых процессов в технике глазурования керамики. Для этого этапа присуще применение более качественных блестящих свинцовых прозрачных глазурей, в отличие от поташных непрозрачных, применяемых в конце VIII — первой половине IX вв. Большим достижением в технологии обработки поверхностей является применение белого, красного и черного ангобов, позволяющих создавать разнообразный фон под роспись на сосудах. Глазурованная керамика этого времени поражает изяществом росписи и богатством

²⁵ Древний Ташкент, стр. 60.

декора и отличается большой парадностью. Роспись сосудов выполнялась тонкой кистью по ярко-белому, красному или черному ангобам. После этого она покрывалась прозрачными бесцветными или слегка желтоватыми глазурями, придававшими орнаменту более глубокие тона. В росписи применялись красная, темно-коричневая, оливковая, зеленая и белая краски. Ведущей являлась двухцветная роспись красным и темно-коричневым по ярко-белому ангобу. Ангобами покрывалась вся поверхность сосудов, включая и поддон. Глазурь наносилась сплошь, до поддона. Значительные изменения наблюдаются и в формах сосудов, они становятся легче, изящнее, стенки сосудов тоньше. Выделяются следующие типы сосудов:

Ч а ш и с полусферическим корпусом и закругленным венчиком на кольцевом поддоне со слегка отогнутой ножкой. Диаметры устья 29, 28, 32, 36 см, высота 7, 9, 10 см.

Ч а ш и с корпусом в виде усеченного конуса на плоском слегка вогнутом и кольцевом поддонах. Диаметры 22, 36, 38 (рис. 32).

Ч а ш и с конически расходящимися стенками и с легким, едва намечающимся изгибом профиля стенки в верхней части. Диаметры 20, 32 см, высота 6—7, 11 см (рис. 32, 6).

Т а р е л к и обычно встречаются одного типа с двумя изломами в профиле стенки и с вогнутым или кольцевым поддоном. Бортики у тарелок широкие и плоские, почти горизонтально отогнуты наружу, затем с резким коленчатым изгибом, переходящие к донцу. Диаметры 36, 40 см, высота 6 см.

П и а л ы представлены двумя типами с полусферическим корпусом на слегка вогнутом поддоне и с конически расходящимися стенками на плоском поддоне. Диаметры 12, 14, 16 см, высота 3—5,5 см (рис. 32, 2, 4).

При всем обилии и многообразии орнаментальных мотивов, применявшихся в декорировке открытого типа сосудов, можно выделить следующие группы чаш с наиболее типичным декором:

1. Группа сосудов со звездчатыми или многолопастными композициями, выполненными жирным черным контуром по светлому ангобу, с расплывчатыми пятнами, разбросанными по всему полю чаш. В основе этой композиции обычно треугольник, касающийся своими вершинами края чаши (рис. 32, 6—7). По трем сторонам его расположены витиеватые полутрилистики. Свободное от орнамента место заполнено разнообразными фигурками. Встречаются разнообразные варианты этого типа: многолопастные фигуры с заполнением свободного пространства красной штриховкой, с эпиграфическими украшениями в центре чаши и т. д. Эта группа керамики широкое распространение получила только в соседней области Илак и находит аналогии в глазурованной керамике Тункета²⁶. В Согде этого типа чаши распространения не получили.

²⁶ Ю. Ф. Б у р я к о в, Художественная керамика городища Тункет, Научные работы и сообщения, кн. II, Ташкент, 1961, стр. 274.

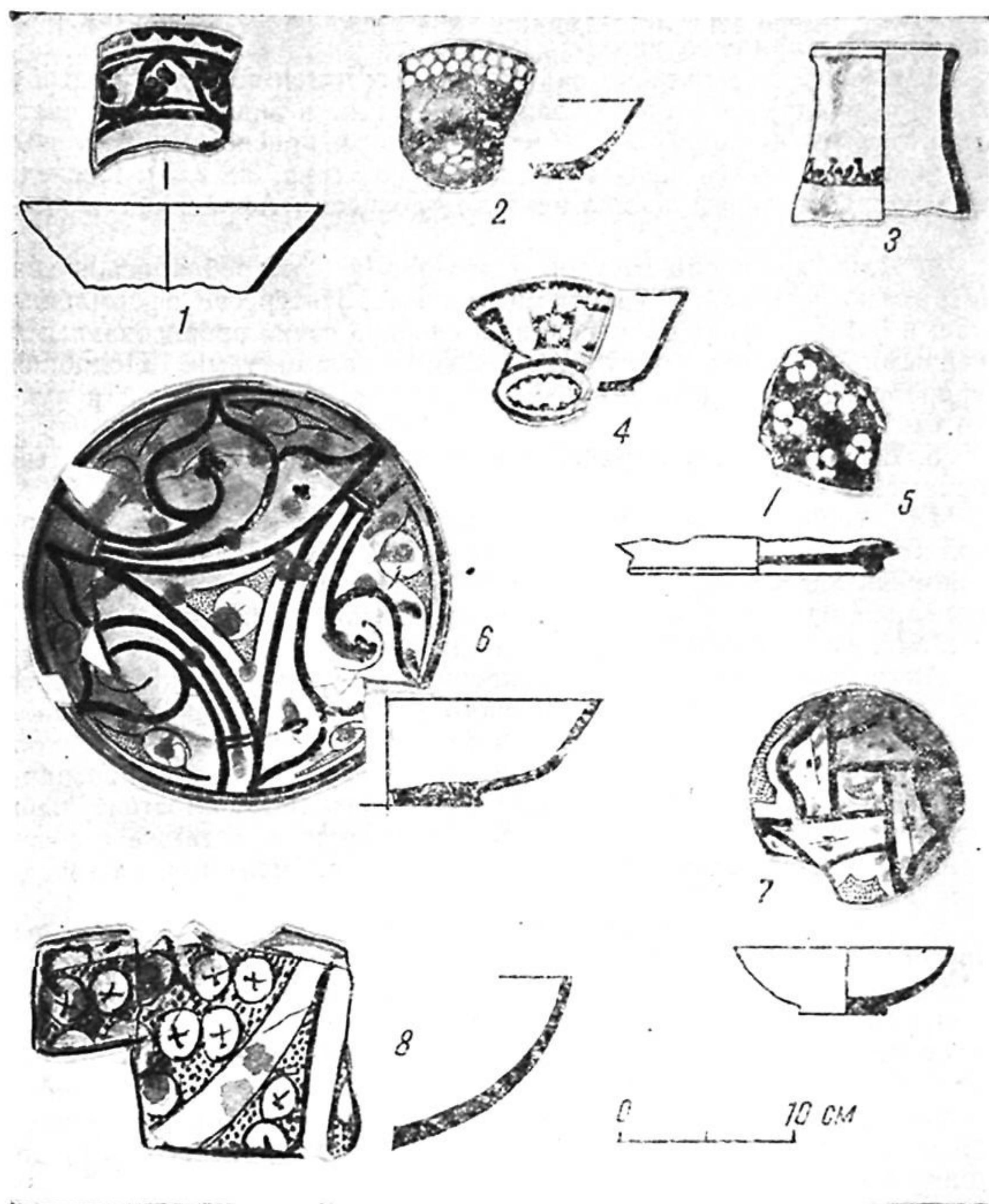

Рис. 32. Глазурованная керамика второй половины IX—первой половины X вв.

Известны 2 чаши такого типа, обнаруженные на Афраснабе²⁷.

2. Группа сосудов с пятнистой росписью зеленой, желтой и марганцевой красками по белому ангобу под прозрачной свинцовой глазурью. Широкого распространения сосуды с пятнистой росписью в Шаше не получили²⁸.

3. Сосуды с росписью в виде строенных пятен по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью, или же в виде круглых светлых кружочков, наносимых по черному и красному ангобу под бесцветной и слегка желтоватой глазурью (рис. 32, 2, 5). Последние распространены в орнаментике сосудов Афраснаба в конце IX в.

4. Для украшения сосудов в это время употреблялась косая штриховка черными и красными линиями. Интересно оформление чаш и блюд по фону из штрихов «в елочку» сочно прорисованными черными крупными пятилепестковыми пальметтами. Подобная проработка фона известна по материалам афраснабской и тункетской керамики.

5. Широкое распространение в этот период получает глазчатый орнамент.

По черепку белым ангобом наносятся ряды крапин с черной точкой. Поверх наносятся цветные прозрачные глазури, усиливая цветовой эффект орнамента и фона. Такой способ орнаментации применялся только на сосудах закрытой формы и получил широкое распространение в Шаше.

Аналогичные приемы декорировки сосудов характерны для люстровой керамики мусульманского Египта и Самарры²⁹. Разнообразием этого орнамента были глазки, нарисованные тонкой линией с темным пятном в центре по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Глазки использовались самостоятельно для нанесения бордюров по краю чаш и кружек, а также в сочетании с другими элементами растительной орнаментации на точечном фоне.

6. В комплексе описываемой керамики встречаются сосуды другого типа с секторной композицией. Из центра отходят в радиальном направлении толстые черные линии, делящие чашу на 6 секторов, каждый из которых расширяется к бортику. По белому фону чередуются сектор красного цвета с процарапанным до ангоба орнаментом с сектором, заполненным пятилепестковой черной пальметтой. Узоры, ритмично повторяясь, заполняют всю внутреннюю поверхность чаши. Этот тип продолжает бытовать до конца X в.

²⁷ Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, стр. 170, рис. 4а.

²⁸ Там же, стр. 14.

²⁹ Э. К. Кверфельд, Керамика Ближнего Востока, Л., 1947, стр. 38.

7. В большую группу объединяются сосуды с эпиграфикой. Надписи выполнены черной, оливковой, коричневой, красной красками по чисто белому фону под прозрачной глазурью.

Для конца IX—начала первой половины X вв. известно несколько типов эпиграфической орнаментации: куфическая, курсивная, цветущее куфи и стилизованные надписи, в которых теряется смысл написанного. Характерно сочетание простого куфи с цветущим. Так, в комплексе керамики X в., извлеченной из бадраба вместе с фрагментами чаш с надписью по белому фону черной краской выполненной почерком простое куфи, встречены фрагменты чаш с широким бордюром из повторяющихся слов تكفلا «Будь вознагражден», выполненного цветущим куфи. На другой тарелке по бортику круговая надпись в виде длинного изречения (؟) التّدبير قبل العمل يؤمنك من ... Подготовка к делу избавит тебя от раскаяния...?»³⁰. Надпись выполнена почерком строгое куфи, в придонной части этой же тарелки другая надпись из повторяющегося слова, выполненная цветущим куфи. Аналогичная тарелка найдена в Самарканде³¹, только без круговой надписи по краям донной части.

Сочетание на одном сосуде надписей, выполненных почерком простое куфи с предельно стилизованными буквами, наблюдалось и на Афрасиабе, где уже с конца IX в. отмечено употребление трех разных почерков: строгое куфи, куфи с расщепами и курсив.

В X—начале XI вв. такое явление наблюдается и в керамике Тункета³².

Встречаются сосуды с чисто белым фоном, где в центре помещен своеобразный знак, напоминающий арабскую букву, или же цепочка предельно стилизованной надписи с завершающим край фестончатым бордюром.

Глазурованная керамика второй половины X в. Вторая половина X в. — период наивысшего расцвета глазурованной керамики Шаша. Широко используется керамика со свинцовой поливой, продолжают существовать те же формы сосудов. В орнаментации сосудов открытых форм следует отметить появление цветочных букетов и вихревую розетку. Шире входит в обиход посуда с оливковой росписью под прозрачной слегка желтоватой глазурью.

Наблюдается большое разнообразие видов орнаментации. Широко используется линейно геометрический орнамент, который видоизменяясь, продолжает использоваться до начала XI в. Типичны чаши, украшенные бордюром, расположенным у венчика. Это или незамысловатые переплетения, образующие ряд узлов, или же полоса из пересекающихся полуovalов, а чаще всего ряд z-образных

³⁰ О. Г. Большаков, Арабские надписи на поливной керамике, ЭВ, вып. XVI, 1963, стр. 82, 84, рис. 13.

³¹ Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, стр. 19, рис. 2.

³² Ю. Ф. Буряков, Художественная керамика городища Тункет, стр. 129.

знаков между двумя параллельными линиями. На чашах оставляется максимум белого пространства, в центре чаш рисуется маленькая стилизованная птичка, завершает композицию зубчатая полоска по краю.

Для украшения сосудов используется широкий бордюр из переплетающихся коричневых или черных лент, образующих круглые картуши, в которые вписывались строенные побеги, напоминающие птичьи головы, или же бордюр, состоящий из ряда кругов со строеными точками в центре. Иногда все поле чаши заполнялось такими же кругами со строеными точками в них.

С середины X в. появляется такой вид орнамента, как цветочные букеты. Веерообразный рисунок с включением трех или четырех стилизованных цветков помещается на противоположных сторонах борта чаши. Букеты соединены через центр сосуда тонкой линией, выполнены они темно-коричневой или черной красками с вкраплениями красного цвета. Букеты, видоизменяясь, продолжают использоваться в декоре до конца XI в.

Аналогичные букеты известны с середины X в. в декоре афрасиабской керамики. Ш. С. Ташходжаев приводит их в описании керамики второй половины XI в.³³ Интересна группа керамики с росписью оливковым цветом по светлому ангобу под прозрачной со слабым фисташковым оттенком глазурью. Для росписи этого типа сосудов чаще всего употребляется растительная орнаментация. Бортики чаш разделяются на рамы, украшенные овалами с многолепестковыми пальметтами в центре, иногда чередуются изображения граната с цветочным бутоном. Свободное от рисунка пространство занято фигурками с черным точечным заполнением или красной штриховкой.

Часто бортики чаш украшались широкими бордюрами из нескольких рядов сложных плетенок оливкового цвета с вплетающейся куфической надписью или же широким бордюром из повторяющегося слова, выполненного цветущим куфи.

Цветовую гамму описанных сосудов, кроме оливкового, составляют красный и коричневый. Наружные края чаши украшались обычно строеными красными косыми линиями. Подобного типа сосуды находят себе многочисленные аналогии в среднеазиатской керамике X в. Аналогичный мотив граната встречается в глазурованной керамике X в. Самарканда. Многолепестковая пальметта на прямом стволе в овалах встречается в орнаментации хорезмской керамики X—XI вв.

Наряду с растительной орнаментацией поливная керамика Бинкета X в. украшалась зооморфными сюжетами. Встречаются изображения оленя, коня, фазана и попугая. Рисунок их силуэтный и контурный. Сама трактовка изображений условно реалистическая, хотя и наблюдается некоторая стилизация.

³³ Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, стр. 51.

Из новых элементов, появившихся в декоре шашской керамики в конце X в., следует отметить мотив вихревой розетки, употребляющейся как самостоятельно, так и в сочетании с цветочными букетами. Широко применяются надписи, располагающиеся на цветной кайме по краю чаш. Все поле чаш свободно, лишь по краю коричневая или охристо-красная с оливковым кайма, по ней повторяющаяся стилизованная надпись «ал-йумн». Стволы букв широкие, прямые, с заостренными углами, или в виде полного кружка, несколько заостренного сверху, *нун* поднимается завитком до уровня вершин *алифа* и *ляма*. Для отчетливости буквы выделены тонкой черной линией. Кайму замыкают или две черные линии, или же две линии с перлами. По краю проходит зубчатый бордюр черного цвета.

Неполивная керамика X в. Как и в предыдущий период неполивная керамика представлена сосудами, изготовленными на гончарном круге и лепными с красным ангобом и лощением. Продолжают бытовать хумы, кувшины, горшки, котлы, крышки. Наблюдаются некоторые изменения в деталях отдельных сосудов. Так, у кувшина видоизменяется венчик и появляется выступающий поддон. Среди крышек большее распространение получают вогнутые и плоские крышки и совершенно исчезают выпуклые. Претерпевают некоторые изменения котлы. Становится менее выраженной их горловина, а венчик как бы сливается с корпусом. Кружки употребляются только глазурованные, неполивных в комплексах X в. не встречено. Из новых форм большое распространение получают фляги с длинным узким носиком, сосуды со штампованным орнаментом, красно-лощенные горшки с налепными украшениями, чайникообразные сосуды и сфероконысы. По своему назначению неполивную керамику рассматриваемого периода можно подразделить на хумы, хумчи, кувшины, горшки, корчаги, поильники, фляги, котлы, крышки, сфероконические сосуды, жаровни.

Х у м ы — существуют те же типы, не претерпевая особых изменений.

Х у м ч а — сосуды этой группы изготавливались из теста с большими примесями шамота. Черепок в изломе серого цвета с небольшими пустотами. Снаружи изделия покрывались розовым ангобом. Встречаются хумчи одного типа с широким устьем до 40 см и подчетырехугольной формы венчиком, горизонтально выгнутым наружу с острой закраиной. Плечики слабо выражены и, суживаясь, переходят к плоскому дну диаметром 32 см, на котором видны следы песчаной подсыпки. Найдены фрагменты с более широким венчиком, слегка отогнутым наружу. Аналогичные хумчи известны в Ташкентском оазисе в VI—VII вв.³⁴

К у в ш и н ы — из ранних форм продолжают бытовать двуручные боченкообразной, вытянутой по вертикали формы (рис. 33,

³⁴ Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи, стр. 159, 181, рис. 59.

11, 13, 14). Появляются новые формы в виде пифосообразных двуручных кувшинов. У широкогорлых одноручных кувшинов исчезает смятый венчик — слив и горло становятся прямым с подтреугольным в сечении венчиком. Появляются светлоглиняные кувшины, богато украшенные штампованным орнаментом. Продолжают существовать краснолощенные лепные сосуды, изготовленные с большими примесями песка. По форме и отделке внешней поверхности все сосуды подразделяются на ряд типов.

Первый тип — двуручный широкогорлый кувшин. Горло переходит в пологие плечики, на которых симметрично прикреплены пластинчатые вытянутые вверх маленькие ручки. Корпус сосуда по форме отдаленно напоминает древнегреческие пифосы, он вытянут по вертикали и имеет высокую нижнюю часть корпуса, которая, постепенно расширяясь, заканчивается плоским дном, со следами отделения его от гончарного круга. Диаметр горла 9 см, ширина тулова 10 см, ширина дна 6 см, высота сосуда 19 см (рис. 33, 10).

Аналогичный кувшин, только покрытый бесцветной глазурью по белому ангобу, найден с монетой IX в. в бадрабе на городище Афрасиаб³⁵. Других аналогий этому сосуду не обнаружено.

Второй тип — кувшин одноручный с круглым горлом, диаметром 7—10 см. Венчик подтреугольный в сечении, слегка отогнут наружу и переходит в прямое горло высотой 7—8 см. Форма корпуса яйцевидная. Дно плоское, неровное. Ручка пластинчатая с ребристой поверхностью, верхним концом прикреплялась под венчиком, нижним на плечиках сосуда. Плечики кувшина украшены линейным врезным орнаментом. Иногда прочерченный орнамент сочетался с широкой ангобной полосой (рис. 33, 9). Кувшины этого типа существуют до XII в.

Третий тип — кувшин широкогорлый, со слегка утолщенным венчиком. Корпус кувшина яйцевидной формы, плавно суживающийся к узкому, четко выделенному поддону. Ширина устья 8 см равняется ширине поддона. Горло украшено горизонтальным рифлением, а основание — врезным орнаментом в виде ряда запятых. Круглая в сечении ручка сосуда одним концом прикреплена под венчиком, другим на середине плечика (рис. 33, 1).

Четвертый тип — кувшин одноручный с приплюснутым шаровидным туловом и широким слегка сужающимся кверху горлом. Дно кувшина плоское, горло отделено от тулова рельефной полоской (рис. 33, 6—7). Встречаются варианты, где горло отделено рельефными вмятинами. Аналогичные кувшины известны в Чардаре, датируются IX—XI вв.

Крышки — изготовлены из хорошо промешанной глины с незначительными примесями мелкого речного песка. Снаружи и изнутри покрывались слоем светло-розового и светлого ангоба и

³⁵ Сосуд найден при раскопках древней крепостной стены в бадрабе IX в. Г. В. Шишкиной. Хранится в Музее истории в Ташкенте.

украшались процарапанным орнаментом. По форме можно выделить три типа изделий.

Первый тип — крышка вогнутой формы с круглой выступающей полый ручкой-стерженьком, расположенной в центре крышки.

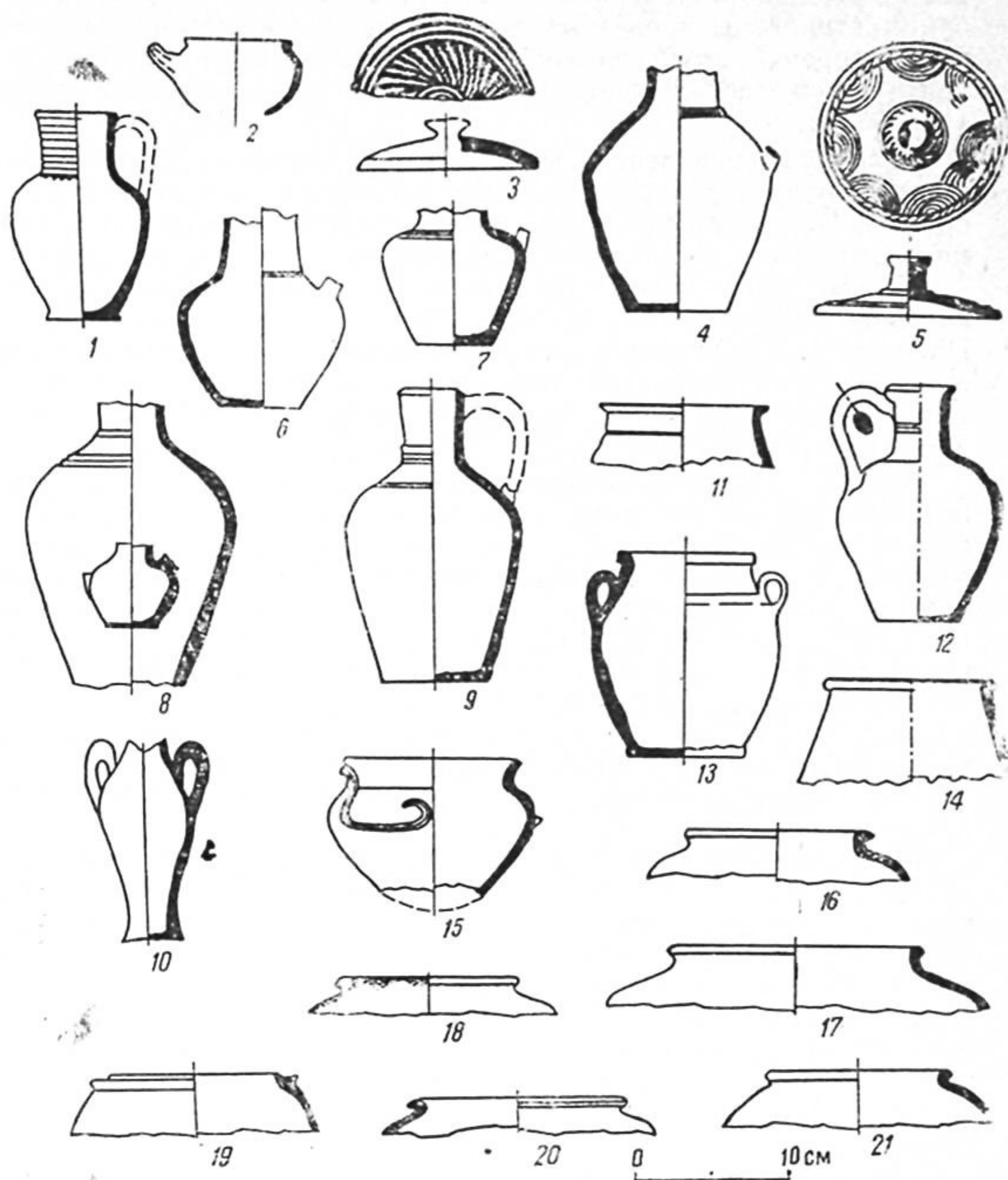

Рис. 33. Неполивная керамика X в.

Диаметр ее 21 см, высота 4—5 см. Вогнутые крышки широко распространены по всей Средней Азии в VIII—XI вв.³⁶

³⁶ Ю. Ф. Буряков, Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, 1966, стр. 108, рис. 6—7.

Второй тип — плоская крышка диаметром более 25 см, высотой 4 см, с врезным орнаментом в виде концентрически расположенных полос из волнистых, прямых и косых насечек (рис. 33, 3).

Третий тип — слегка выпуклая крышка с высокой круглой ручкой-стерженьком. Навершие имеет овальную выемку. Края крышки орнаментированы прорезным жгутом и полуovalами, выполненными гребенчатым инструментом. Основание ручки украшено концентрически расположенными косыми насечками врезной линией (рис. 33, 5).

Краснолощенная лепная керамика. Изготовлена с большой примесью крупного речного песка. Стенки сосудов толстые, неровного обжига. Наружная поверхность покрывалась толстым слоем ярко-красного ангоба и лошилась. Представлена двумя типами сосудов.

Первый тип — кувшин красноангобированный, широкогорлый с яйцевидным туловом и плоским дном с неровной поверхностью. Плечики сосуда украшены широкой светлой неангобированной полосой с врезным орнаментом в виде ряда овальных углублений. Этот вид орнаментации применялся для украшения кувшинов X—XII вв. в Таласской долине и Хорезме в X в.³⁷

Второй тип — чайникообразный сосудик с широким устьем с прямым невысоким горлом, плавно переходящим в приплюснутый корпус на узеньком донце. От плечика поднимается вверх до уровня венчика узкий носик. Асимметрично к нему расположена пластинчатая круглая ручка, прикрепленная верхним концом к краю венчика, нижним к плечикам. Изнутри сосуд имеет шероховатую поверхность, снаружи красноангобированную с лошением (рис. 33, 2). Точно такой же сосуд, только с более широким дном, обнаружен в слоях VII—VIII вв. на городище Мингурюк³⁸. За пределами Ташкентского оазиса аналогичный сосуд встречен в материалах VI—VIII вв. Чуйской долины³⁹, в Бинкете эта форма доживает до IX—X вв.

Штампованная керамика. Кроме бытовой керамики, украшенной простым линейно волнистым орнаментом, в Бинкете с X в. применялся орнамент, наносимый на поверхность сосудов при помощи штампов-колыбов. Внимательно изучая их, можно восстановить весь процесс их изготовления. Для верхней и нижней части кувшина изготавливались штампы. Изготовленные из мягкой, тонко отмученной глины верхние и нижние половины сосудов затем соединялись. Изнутри у кувшинов видны выпуклости в местах соедине-

³⁷ П. Н. Кожемяко, Оседлые поселения Таласской долины, — в кн.: Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, 1963, стр. 159, табл. V; Н. Н. Вактурская, Классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 279, рис. 3, 3.

³⁸ Материалы из дворцового комплекса VII—VIII вв., полученные при раскопках в 1968 г. Археологические наблюдения проводили Д. Г. Зильпер, Л. Г. Брусенко, Д. П. Вархотова.

³⁹ П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, стр. 25, табл. I, 4.

ния отдельных частей сосудов. Швы обычно маскировались рельефной полосой. После обжига изделия приобретали кремовато-серый цвет. Орнамент штампованных изделий отличается несложностью и состоит из комбинаций выпуклых кругов, пунсонов и широких переплетений. Техника изготовления штампованных сосудов подробно освещена С. Б. Луниной на материалах X—XI в., добытых при раскопках гончарных мастерских в Мерве.

Штампованная керамика Бинкета представлена закрытыми формами сосудов со светлым черепком. По форме венчика и горла выделяются два типа изделий.

Первый тип — кувшин с конически расходящимся кверху горлом, шириной до 9 см, с венчиком, утолщающимся резко во внутрь и наружу до 3 см. Шаровидное тулово плавно переходит в невысокий плоский поддон. От плечиков вверх отходит узкий цилиндрический носик. К краю венчика и плечикам сосуда прикреплена пла-

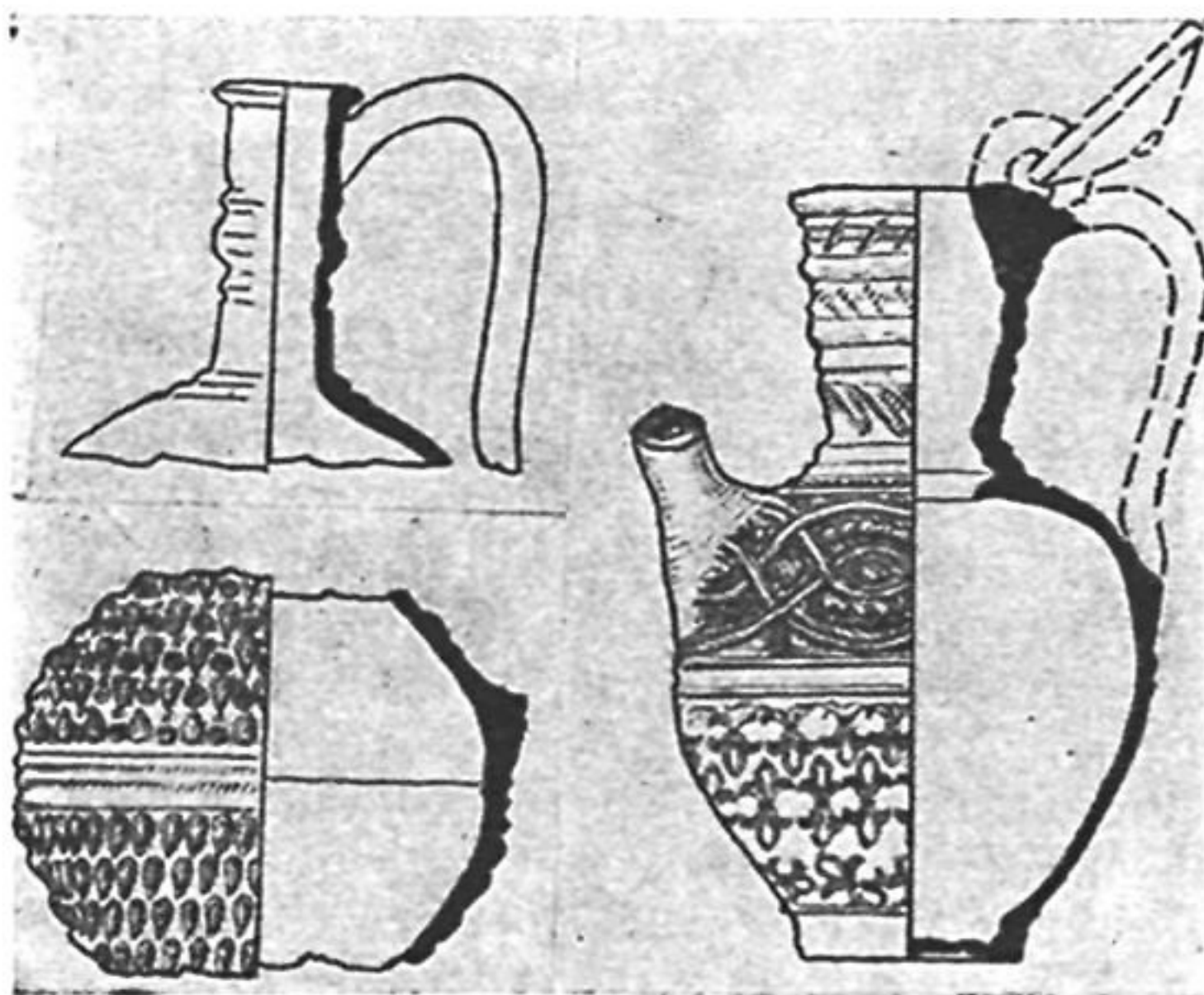

Рис. 34. Штампованная керамика X в.

стинчатая ручка. Сосуд богато украшен штампованным орнаментом из сочетания горизонтальных полос, косых насечек, несложных переплетений в виде восьмерок, выпуклых кругов, пунсонов и прямых врезных линий. Носик и ручка имеют гладкую поверхность (рис. 34, 1).

Второй тип — узкогорлый кувшин с цилиндрическим высоким горлом, с круглой в сечении вертикально расположенной ручкой. Горло в средней части украшено выпуклыми горизонтальными рядами полос. Нижняя часть сосуда не сохранилась. О других видах штампованного орнамента дает представление другой сосуд. Шаровидной формы тулово изготовлено из двух штампованных половинок. Шов соединения замаскирован каннелированной широкой полосой, а верхняя и нижняя части кувшина украшены сплошь

рядами миндалевидных выпуклостей, расположенных в шахматном порядке (рис. 34, 2).

Украшение керамики штампом в Средней Азии имеет древние традиции, уходящие к I в. н. э.⁴⁰ и достигает наивысшего расцвета в XI—XII вв., особенно в Южной Туркмении⁴¹.

Котлы изготавливаются на гончарном круге из теста с большим количеством различных отощителей. Нижняя часть изготовлялась на шаблоне отдельно. У всех котлов имеется утолщенный шов в месте соединения дна с туловом, по цвету черепка котлы подразделяются на красноглиняные и сероглиняные. В первой группе в качестве отощителей употреблялся песок, во второй — гипсовые крупнозернистые частицы. По форме венчика выделяются три типа.

Первый тип — котлы с прямой горловиной до 2 см высотой, со срезанным горизонтальным венчиком, слегка оттянутым наружу краем. Тулово шаровидное с легким изгибом в придонной части.

Аналогичные котлы известны в Южном Казахстане и Таласской долине⁴².

Второй тип представлен котлами с круглым в сечении валикообразным венчиком и округлым туловом. Круглодонные котлы с венчиком бытуют в Согде и Шаше с раннего средневековья⁴³, в Бинкете они встречаются среди керамики XII в.⁴⁴

Третий тип — котлы с резко оттянутым наружу острым краем и шаровидным туловом. На плечиках прилеплены горизонтальные ручки. Некоторые украшались наклепными жгутами. Этот тип находит аналогии среди средневековой керамики Тараза⁴⁵.

Широко использовались в быту населения Средней Азии сковороды-жаровни. Изготовлены они с большим включением отощителей в виде белых гипсовых частиц, придающих изделию светло-серый цвет. Диаметр жаровен достигал 44—46 см, высота стенок 1 см, стенки прямые со срезанным краем. На дне жаровен видны следы копоти. Этого типа изделия применяются с глубокой древности во многих местах Средней Азии. В Ташкентском оазисе они известны на памятниках каунчинской культуры с I в. н. э.⁴⁶

В комплексах керамики X в. Бинкета часто встречаются флаги с асимметричным туловом с одной стороны плоским, с другой шаровидным, с небольшим цилиндрическим носиком сбоку.

Довольно широко представлены тагора — крупные сосуды хозяйственного назначения. Изготавливались они из теста с при-

⁴⁰ М. Е. Массон, Новые данные по древней истории Мерва, ВДИ, 1951, № 4, стр. 94, рис. 2.

⁴¹ С. Б. Лунина, Гончарное производство в Мерве, стр. 291.

⁴² Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, Алма-Ата, 1972, стр. 82, табл. IV, 48; А. Н. Бернштам, Городище Сары-Курган, Фрунзе, 1968, стр. 142.

⁴³ А. Н. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 167, рис. 69.

⁴⁴ Наблюдения автора при раскопках слоев XII в. в Бинкете.

⁴⁵ Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, стр. 82, табл. IV, 47.

⁴⁶ Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи, стр. 181, рис. 59.

месью шамота, снаружи покрывались ангобом. Венчики тагора украшались линейно волнистым прочерченным орнаментом. По форме венчика выделяются два типа этих сосудов.

Первый тип — тагора с прямыми стенками и срезанным наружу слегка утолщенным венчиком, подтреугольным в сечении. Под венчиком симметрично расположены пластинчатые овальные ручки.

Второй тип — тагора с конически расходящимися стенками корпуса и с подчетырехугольным каннелированным венчиком, под которым расположены овальные ручки.

Рассмотрение и анализ неполивной керамики IX—X вв. позволяет отметить высокий технологический уровень ее производства. При типологическом анализе замечены некоторые изменения в формах сосудов. Так, в категории кувшинов изменяется венчик — исчезает смятый слив, он становится подтреугольным в сечении. Претерпевает изменения кухонная посуда, исчезает четко выделенная горловина у котлов и венчик сливается с корпусом. Большим разнообразием форм и орнаментацией отличаются крышки, некоторые сосуды закрытых форм начинают глазуроваться. Наблюдается серийное производство отдельных сосудов и преобладание их над изделиями ручного изготовления.

Глазурованная керамика XI в. В первой половине XI в. еще широко используется керамика под прозрачными бесцветными глазурями с трехцветной росписью — красным, коричневым и черным по белому ангобу. С середины XI в. их вытесняет керамика с оливковой росписью под лимонно-желтой прозрачной поливой.

В незначительном количестве употребляются чаши, тарелки, пиалы, горшки, чираги с красным и черным фоном. Исчезают узкогорлые кувшины, кружки. Из новых форм следует отметить появление ляганов, ваз с прямостоящими стенками и широкогорлых кувшинов с высоким туловом и короткой шейкой. Из всех категорий сосудов чаши с полусферическим и коническим корпусом занимают главенствующее положение, они лишь немного изменились в пропорциях, стали выше и стройнее. Видоизменяется поддон у сосудов открытой формы. Так, наряду с дисковидным слегка вогнутым и плоским поддоном и кольцевым с отходящей наружу ножкой, входит в обиход дисковидный поддон с кольцевидным вырезом, который в дальнейшем станет ведущим. Большую группу керамики составляют чаши, где широко используется для украшения посуды мотив вихревой розетки, зародившийся примерно в середине X в., но получивший распространение позже. Обычно пышная розетка помещалась в центре чаш полусферической формы, края которой украшались изнутри фестончатым бордюром, а снаружи наносились ряды косых мазков. Встречаются несколько вариантов вихревых розеток одного типа, с загнутыми влево утолщающимися лепестками, края которых обрамляет пышный бордюр из двойных завитков. Сама розетка выполнена черным цветом, завитки — сочетанием черного с ярко-красным.

Вариант а) — вихревая розетка заключена в двойной концентрический круг, весь орнамент выполнен черной краской. Окаймляет розетку ажурный бордюр из двойных завитков падающей волны красного и черного цветов.

Вариант б) — розетка окружена полосой, заполненной переплетениями в виде меандров, сверху обрамление как у первого типа. Мотив вихревой розетки имеет очень древние корни, уходящие в первые века до н. э. Некоторые авторы считают, что розетка с искривленными лепестками происходит из комплексов скифо-сарматского времени⁴⁷, ими украшались серебряные бляхи. Вихревая розетка в украшении средневековых чаш наибольшее распространение получила в северо-восточных областях Средней Азии в X—XI вв., в Хорезме, в Ферганской долине, Южном Казахстане и Таласской долине⁴⁸. Причем Т. Н. Сенигова утверждает, что они таразского происхождения, так как там вихревая розетка получила широкое распространение уже в X в.⁴⁹ А. Н. Бернштам считает, что вихревая розетка «символизирует источающие лучи солнца»⁵⁰. Вихревая розетка изображается на поздних культовых памятниках западного Усть-Урта и на изделиях прикладного искусства XX в. выполненных мастерами Ташкента⁵¹.

Другую группу представляет керамика с эпиграфическим орнаментом. В украшении сосудов продолжает употребляться надпись «ал-йумн» (благополучие) в различных вариантах (рис. 35).

Вариант а) — в виде широкой полосы по краю блюда, выполненной коричневым контуром по светлому ангобу под прозрачной глазурью по всему кругу, повторяются буквы *алиф*, *лям* и *нун*, причем окончание *нуна* поднимается вертикально вверх до уровня *алифа* и *ляма*. Надпись повторена много раз без просвета между словами. Аналогичные надписи приведены у О. Г. Большакова на чаше из Музея восточных культур в Москве⁵².

Вариант б) — надпись из набора букв *алиф*, *лям*, *нун*, выполненных в стиле варианта а. Расположены буквы широкими от-

⁴⁷ И. В. Яценко, Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца, КСИА, 1962, № 89, стр. 46—47, рис. 16, 5—6.

⁴⁸ Н. Н. Вактурская, Классификация средневековой керамики Хорезма, рис. 11, 2—3; Ю. Г. Чуланов, Городище Ахсикет, СА, 1963, № 3, стр. 200, рис. 2, 1, 4; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., Труды НИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 39; П. Н. Кожемяко, Оседлые поселения Таласской долины, стр. 39.

⁴⁹ Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, стр. 157.

⁵⁰ Киргизский национальный узор, Ленинград—Фрунзе, 1948, стр. 20, табл. XI, XIV.

⁵¹ М. М. Мендикулов, Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и западного Усть-Урта, Алма-Ата, 1956, рис. 36; Ю. А. Соколов, Художественная резьба на дверях жилых построек Ташкента, Средневековый этнографический сборник, т. II, М., 1959, стр. 368, 373.

⁵² О. Г. Большаков, Арабские надписи на поливной керамике, ЭВ, вып. XVI, 1963, стр. 79, 81, рис. 9, д, е.

резками по краю бортика в сочетании с цветочными букетами из крупных бутонов с процарапанным до ангоба орнаментом. Аналогичные надписи часто встречаются на керамике XI в. в Семиречье, Южном Казахстане, Хорезме, Согде и Фергане⁵³.

Вариант в) — белая надпись «ал-йумн» по цветной полосе, расположенная широким бордюром по краю лягана. Стволы букв

Рис. 35. Глазурованная керамика с эпиграфическим орнаментом второй половины X — начала XI вв.

широкие и прямые, надпись написана полностью, окончание буквы *нун* поднимается до уровня *алифа* и *ляма*.

⁵³ А. Н. Бернштам, Чуйская долина, табл. XXXV, 2, 4; К. Акишев, К. М. Байнаков, Л. Б. Ерзакович, Древний Отрар, Алма-Ата, 1972, стр. 101, рис. 55, 1; Н. Н. Вактурская, Классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 291, рис. 13, 3—5; Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, см. Приложение, рис. 9в.

Вариант г) — краснофонная чаша, в центре надпись «ал-йумн» написана без пропуска букв, рядом еще две буквы *алиф* и *нун*. Надпись белым, оливковым, черным. Она занимает все пространство на дне и заключена в круг из плетенки белого цвета. Остальное поле чаши заполнено разнообразными фигурками.

Вариант д) — на чаше с конически расходящимися стенками по бортику расположена надпись «ал-йумн», выполненная цветущим куфи, свободное пространство занимают причудливые фигурки с точечным заполнением. Снаружи бортик чаши украшен косыми мазками. Роспись выполнена коричневым по светлому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью (рис. 36, 2, 4).

Вариант ж) — по краю чаши несколько ниже фестончатого бордюра выполнена тонким коричневым контуром непрерывная псевдоэпиграфическая надпись, отдаленно напоминающая «ал-йумн». Надпись мелкая, выделяются стволы *алифа* и *ляма*. Такие же надписи встречаются на чашах X в. в сочетании с прерывистым зубчатым бордюром. Следует отметить постепенное исчезновение смысловых надписей на сосудах XI в. В XII в. надпись «ал-йумн» трансформируется в предельно стилизованные ряды квадратиков с удлиненными боковыми сторонами, отдаленно напоминающие повторяющуюся надпись «ал-йумн».

Группа сосудов с бордюрным орнаментом. В орнаментации сосудов открытых и закрытых форм широко применялась роспись в виде широких и узких бордюров, расположенных у края сосудов. В орнаменте употреблялись разнообразные сочетания элементов декора:

- широкая полоса из сочетания прямых крючкообразных и ломаных линий выполнена черным, оливковым и красным цветами;

- кайма из ряда крючкообразных знаков, расположенных между двумя прямыми линиями, выполнена оливковым, красным и черным цветами;

- непрерывная цепочка, заключенная между двумя прямыми линиями, выполнена красным и черным цветами;

- полоса из пересекающихся полуovalов, между двумя прямыми;

- широкая полоса из двух линий по краю чаш в виде отрезков, заполненных завитками, между которыми расположены веерообразные букетики.

В первой половине XI в. еще широко используются в декоре пышные букеты из крупных миндалевидных бутонов, выполненных сочетанием охристого, красного и коричневого цветов с процарапанными до ангоба различными завитками. Букеты украшали только сосуды полусферической формы и располагались на бортиках симметрично друг к другу. Часто букеты употреблялись в сочетании с эпиграфическим орнаментом «ал-йумн», расположенным по краю. Цветочные букеты из бутонов распространены в декоре глазурованной керамики XI в. в Илаке, Семиречье, Юж-

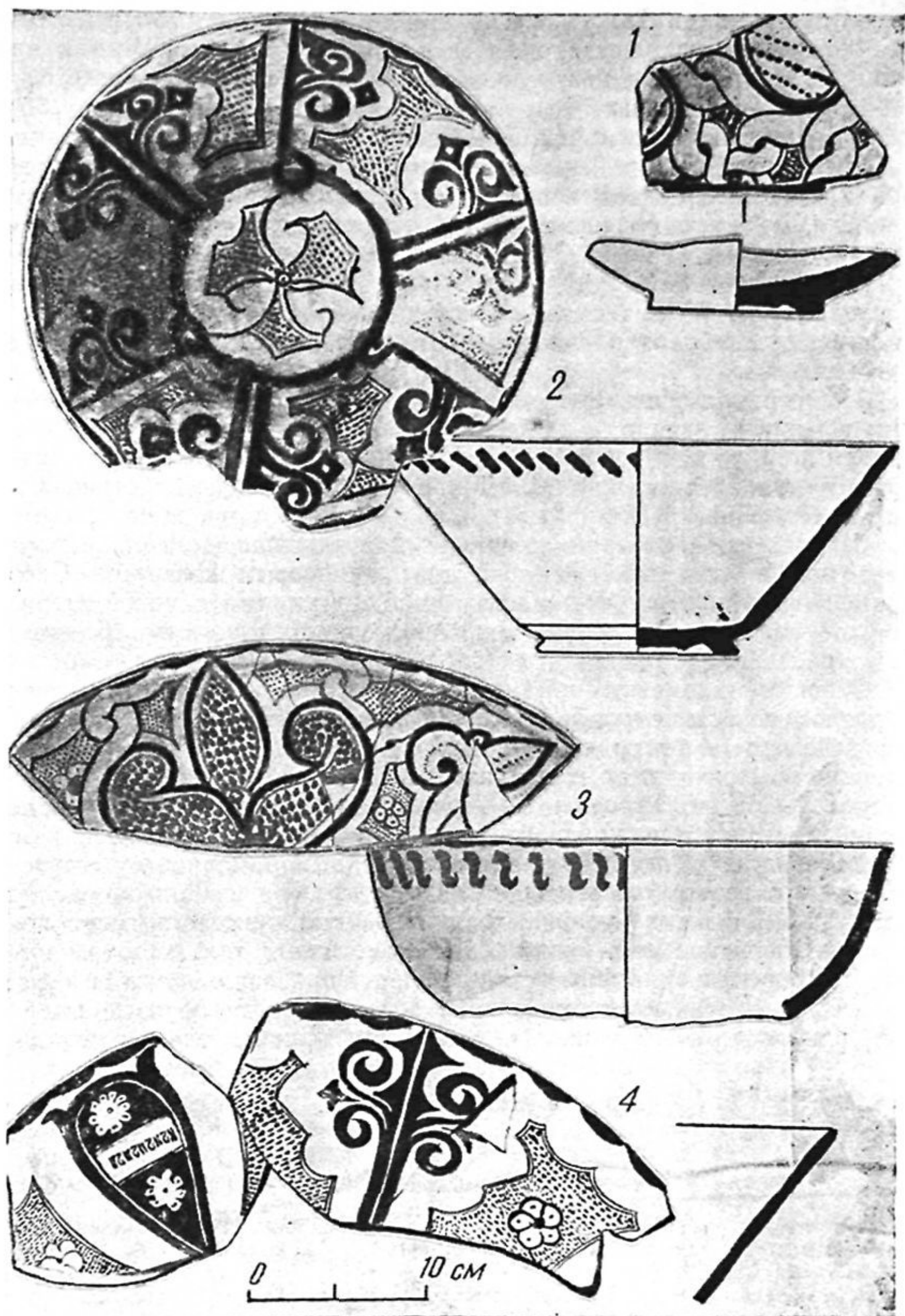

Рис. 36. Глазурованная керамика XI в. с эпиграфическим орнаментом

ном Казахстане и Таласской долине⁵⁴. На Ближнем Востоке такая композиция представлена более усложненным типом, так на чаше из Нишапура в центре изображен сосуд типа изящного офтоба, внизу предельно стилизованная надпись «ал-йумн», по бокам и сверху пышные миндалевидные бутоны.

Выделяется группа керамики с оливковой росписью под светлой слегка желтоватой глазурью, представлена чашами с вышеописанным эпиграфическим орнаментом, выполненным цветущим куфи в виде предельно стилизованного слова «ал-йумн» с пропуском буквы *мим*. Своеобразно оформление наружного края чаш в виде чередующихся всеорообразных пучков и двойных вертикальных полос, с отходящими от них фигурками, или в виде набегающих завитков, выполненных широкой кистью.

Аналогичное оформление внешнего края в X—XI вв. довольно широко представлено в Южном Казахстане и Семиречье⁵⁵. Со второй половины XI в. посуда с едва окрашенными желтыми глазурями приобретает яркий лимонно-желтый оттенок, становясь ведущей до конца XII в.

Широко распространяется керамика, украшенная сложными ленточными плетенками с обводкой коричневым контуром. Свободное пространство заполняется либо фигурками с косой штриховкой охристо-красного цветов, либо мелкими точками оливковой краской.

Основные элементы орнамента этого типа керамики — разнообразное сочетание радиально расположенных по бортику чаши миндалевидных фигур и сложных ленточных плетенок. Самые близкие аналогии этим типам керамики находим в средневековой посуде X—XI вв. Тараза и Семиречья⁵⁶. В Согде в этот период ведущей становится краснофонная керамика с использованием миндалевидных фигур. Элементы с точечным заполнением встречаются в основном на керамике с зооморфными изображениями⁵⁷. Используемый в Самарканде плетенчатый орнамент имеет локальные особенности и отличия от бинкетского тем, что там видим тесемчатый орнамент в виде сложнейших гирихов, да и тесьма выступает как самостоятельный элемент в декоре и не является производным от фона. Одинаков сам прием создания услож-

⁵⁴ Ю. Ф. Буряков, Художественная керамика городища Тункет, табл. III, 2; А. Н. Бернштам, Городище Сары-Курган, табл. LXXXV, 3; Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, стр. 153, табл. XI, 30; стр. 159; П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, табл. VIII.

⁵⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 185, рис. 111; А. Н. Бернштам, Чуйская долина, табл. LXXXV, 6.

⁵⁶ Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, стр. 153, табл. XI, 185, 187, 213, 219; К. Байпаков, Л. Ерзакович, Древние города Казахстана, Алма-Ата, 1971, стр. 67, рис. 17.

⁵⁷ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, История искусств Узбекистана, стр. 209.

ненных плетенок, характерных для стиля этой эпохи, нашедших воплощение и в декоре архитектурных памятников XI в.⁵⁸

Глазурованная керамика XII в. обнаружена во многих пунктах шахристана Бинкета. Наиболее целостные комплексы получены при археологических исследованиях в юго-восточных районах шахристана⁵⁹. Здесь при обследовании одного из строительных котлованов обнаружены гончарные печи и расположенные рядом сбросные ямы, заполненные отвалами гончарного производства. В одной из них найдена монета второй половины XI в.⁶⁰ Керамика, обнаруженная здесь, — это фрагменты сосудов с зеленой поливой, со слегка подкрашенной глазурью и процарапанным орнаментом; с прозрачной бесцветной поливой и полихромной росписью по белому ангобу. Керамика этого времени найдена в бадрабах (18, 22) Тахтапульского коллектора. Для характеристики керамики второй половины XII в. привлечена керамика из верхних слоев Мингюрюка и долины р. Ангрен.

Как и в предшествующий период продолжают бытовать бесцветные, прозрачные и лимонно-желтого цвета глазури. Широко входят в обиход полупрозрачные глазури зеленого цвета и слегка подсвеченные: светло-салатовые, светло-желтые, светло-голубоватые. Последние обычно применяются в сочетании с процарапанным рисунком. Наблюдается изменение и в орнаментации сосудов — совершенно исчезает мотив вихревой розетки и цветочные букеты.

В украшении сосудов широко распространяется роспись контрастными крапинами в самых различных вариациях. Как и прежде ведущие формы — чаши открытого типа на дисковидно врезном поддоне, изменяются только их пропорции — они становятся уплощенные. Из новых форм следует отметить появление двуручных корчаг, чирагов с граненым корпусом и ступок.

Самую многочисленную группу представляют сосуды открытого типа, изготовленные из тонко дисперсной глины. Изнутри и снаружи они покрывались сплошь слегка кремоватым ангобом, поверх которого наносилась глазурь; с внешней стороны она проходила до середины или тонкой полосой по краю. По форме корпуса выделяются следующие типы:

чаши со слегка отогнутым наружу бортиком широчной 3—4 см, на вогнутом дисковидно врезном поддоне. Диаметр устья 25—30 см; дна 8—11 см; высота 6—7 см;

чаши с корпусом в виде усеченного конуса с загнутым вовнутрь краем на плоском поддоне, с кольцевым вырезом. Диаметр верхней части 21—25 см; высота 8,5—9,5 см, дна 7—8 см;

⁵⁸ Л. Ремпель. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X — начала XIII вв. и проблема «сельджукского стиля», Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 298, рис. 26—27.

⁵⁹ Наблюдения проводились в 1974 г. В. А. Булатовой и Л. Г. Брусенко.

⁶⁰ Определение Б. Д. Кочнева.

чаши с полусферическим корпусом на поддоне с кольцевым вырезом;

пиала диаметром устья 10—12 см; высотой 5—6 см с конически расходящимися стенками на кольцевом, дисковидно врезном и плоском поддонах;

Все чаши описанных типов по цвету глазури можно разделить на 4 группы.

1. Группа керамики с полихромной росписью по светлому и красному ангобу под прозрачными бесцветными глазурями. Орнамент, которым украшались чаши, несложен: в центре блюда помещается из т-образных знаков розетка, обрамляет ее круг из коричневых крапин. От него отходят три прямых линии из крапин, разбивающие чашу на три сектора, в каждом из которых помещены заставки, состоящие из рядов квадратиков, заполненных двойными полукругами, имитирующими надпись. Орнамент выполнен контрастного цвета зеленой, красной и коричневой красками.

2. Группа керамики с четырехцветной росписью: зеленым, оливковым, красным, коричневым по белому ангобу. Обычно в орнаменте этой группы керамики в самых различных вариациях употребляются сочетания миндалевидных фигурок, переплетающихся с широкими лентами, образованными резервированием основного фона. Фигурки заполнялись рядом одноцветных расплывчатых пятен, сливающихся в одноцветную коричневую полосу. В XI в. наиболее распространены переплетения в виде восьмерок с заштрихованным фоном. Широкое распространение в XII в. получают чаши, украшенные полосой из чередующихся треугольников, образованных из косых одноцветных мазков с завитком на вершине. Этот мотив росписи часто употребляется в орнаментации глазурованных конических крышек с навершием.

Некоторые авторы считают, что этот орнамент ведет свое начало от куфических надписей. Аналогичные чаши с росписью в виде рядов треугольников известны в Фергане⁶¹.

3. Группа керамики с одноцветными прозрачными и полупрозрачными глазурями. В эту группу объединяются светло ангобированная керамика, покрытая однотонной темно-зеленой и полупрозрачными глазурями различных оттенков: светло-салатового, светло-фисташкового, светло-голубого со штампованным и процарапанным рисунком и неорнаментированная. По типу орнамента эту группу керамики можно разделить следующим образом:

а) — керамика с процарапанным рисунком под слегка подкрашенными глазурями с рисунком, заполняющим все поле чаши. От центра по радиусу располагаются три пышных треугольника, обращенных вершинами вниз и разделяющих чашу на три овальных сектора. Вверху треугольники заполнены полосой волотообразных завитков, ниже — горизонтально расположенными волнис-

⁶¹ Г. А. Брыкина, Карабулак, М., 1974, рис. 50, 5.

тыми линиями. Вся композиция завершена зеленой расплывчатой полосой, проходящей по венчику чаши (рис. 37, 1). Иногда употреблялись треугольники, заполненные в верхнем ряду тремя полураскрывшимися бутонами, остальные элементы орнамента такие же, как и в варианте *a* (рис. 37, 2);

б) — треугольник, заполненный волютообразным завитком в центре и тремя полураскрывшимися бутонами (рис. 37, 4). Чаши с аналогичным типом росписи часто встречаются на памятниках Ферганской долины⁶².

в) — рисунок в виде вертикально сдвоенных линий разделяет все поле чаши на три равных сектора, в каждом из которых ближе к центру расположены строенные овальные завитки (рис. 37, 3). Украшение керамики гравированным рисунком под однотонными глазурями, а также сочетание его с росписью красками получило широкое распространение в XI—XII вв. в Закавказье и Средней Азии⁶³.

Кроме украшений процарапанным рисунком широко использовался штампованный орнамент. Боковые стенки чаш украшались вертикальными сетчатыми столбиками, нанесенными штампом или же столбиками вдавленных крапин и мелких точек, выполненным гребенчатым инструментом. На донце этих сосудов также нанесен рельефный штампованный орнамент в виде пятилепестковой розетки, или же в виде шестиконечной звезды, образованных сложными переплетениями. Обычно чаши этого типа покрывались светло-салатового цвета глазурями, а край украшался темно-зеленой полосой с расплывчатыми краями. До 50% керамики в Бинкете употреблялось с покрытием однотонной темно-зеленой глазурью без орнамента. Изнутри донная часть выделялась врезной круговой полосой, она же проходила по краю бортика чаш, снаружи глазурь располагалась узкой полосой по краю венчика.

4. Керамика с полихромной росписью под прозрачной лимонно-желтой глазурью. Как и в группе с бесцветными прозрачными глазурями широко используется орнамент в виде сложных плетенок, образованных резервированием основного фона, сочетанием его с миндалевидными медальонами, заполненными рядами крапин, выполненных красным и коричневым цветами, узлы сплетений оживлялись красными пятнами. Э. К. Кверфельд считает этого типа керамику подражанием сосудам из цветных металлов, так как орнаментика на них воспроизводит в точности те же арабесковые переплетения, которые характерны для восточных бронзовых изделий этого времени⁶⁴.

⁶² Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг., КСИА, 1964, № 98, рис. 37, 1—2.

⁶³ А. Л. Якобсон, Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала), МИА, 1959, № 67, стр. 229; Л. Н. Мережин, Керамика XII—начала XIII вв. старого Термеза, Труды ТашГУ, вып. 172, 1960.

⁶⁴ Э. К. Кверфельд, Керамика Ближнего Востока, стр. 52.

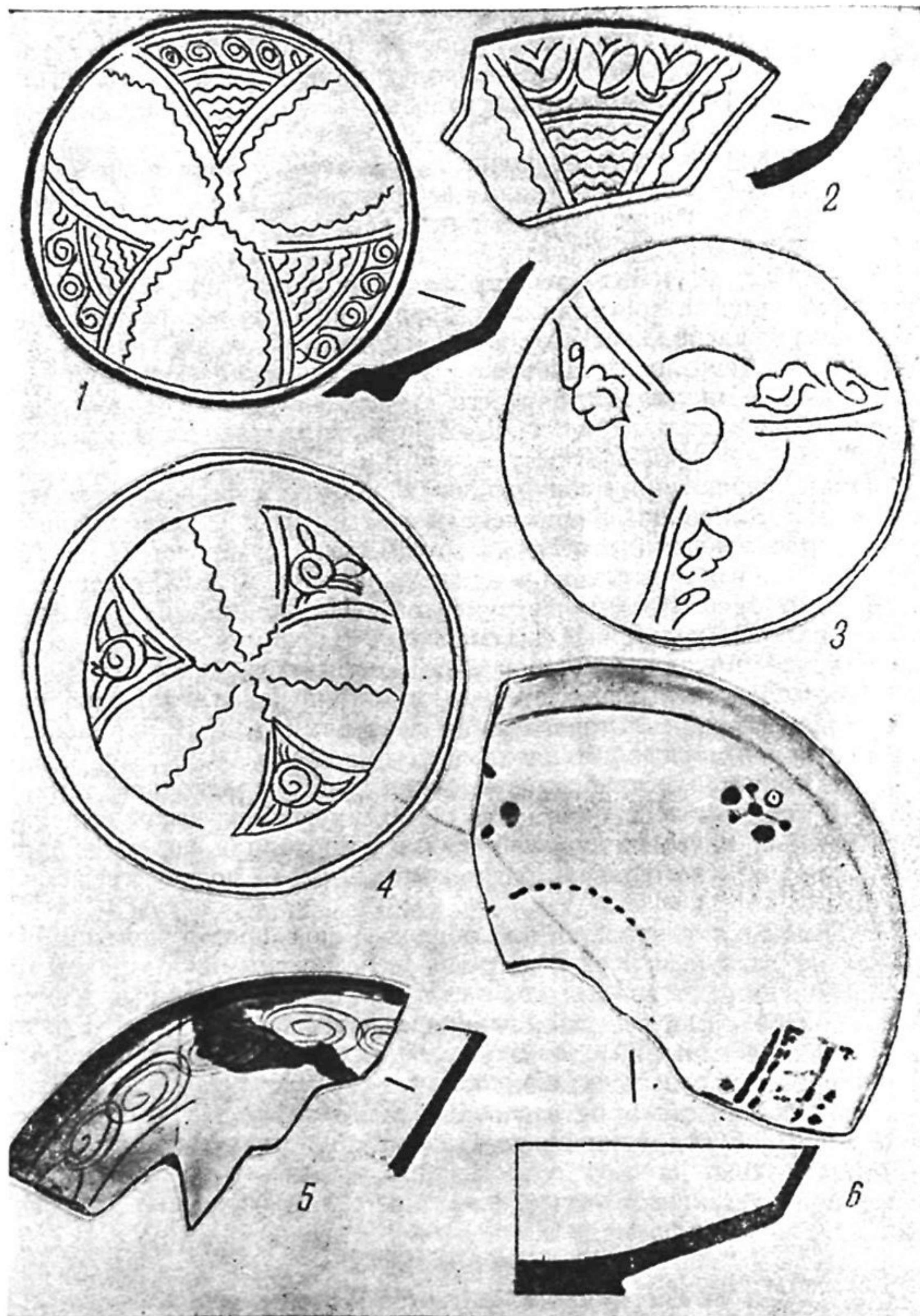

Рис. 37. Глазурованная керамика XII в. с процарапанным до ангоба орнаментом

Кроме миндалевидных элементов в керамике с лимонно-желтым фоном используются стилизованное изображение граната с вписанной крестообразной фигурой, растительные элементы с завитками и сочные овальные бутоны, выполненные охристо-красной краской. Свободное от орнамента пространство заполнялось либо косой штриховкой, выполненной коричневым или оливковым цветом, либо мелкими крапинами этой же краской. Большое внимание уделялось оформлению внешнего края этих чаш в виде орнаментальных полос, состоящих из г-образных знаков, зубчатого бордюра, полосы из треугольников, образованных косыми мазками.

Посуда, украшенная сложными плетенками, образованными резервированием основного фона, широко распространена в Южном Казахстане, Согде и Таласской долине⁶⁵.

Закрытые формы представлены следующими типами: кувшины с короткой горловиной, высотой 3—4 см и широким устьем 14—15 см, плавно переходящим в яйцевидное широкое тулово на плоском выступающем поддоне с кольцевым вырезом. Изготовлены они из тщательно промешанной глины. Изнутри и снаружи покрыты светлым ангобом, поверх которого нанесена глазурь. Снаружи она доходит до середины сосуда. Преобладают кувшины, покрытые темно-зеленой одноцветной глазурью, но встречаются и с лимонно-желтой глазурью, наносимой на расписной орнамент в виде переплетающихся широких полос, выполненных коричневым контуром. Свободное от орнамента пространство заполнялось косой штриховкой. Орнамент располагался в виде широкой полосы на плечиках кувшина.

Корчаги встречаются двух вариантов:

а) — с широким горлом, плавно переходящим в округлое тулово, на плоском выступающем поддоне с валикообразным венчиком и острой закраиной, слегка оттянутой наружу. Симметрично по отношению друг к другу расположены маленькие петлевидные вытянутые вверх ручки, один конец которых закреплен в средней части горла, другой — на плечиках сосуда;

б) — корчаги без ручек имеют широкое устье с валикообразным венчиком, переходящим в округлые крутые плечики, резко суживающиеся по направлению к выступающему поддону. Обычно диаметр устья корчаги равен высоте сосуда. По манере украшения и орнаментации сосудов они делятся на несколько вариантов: покрытые однотонной зеленого цвета глазурью; с полихромной росписью под прозрачной лимонно-желтой глазурью; с врезным орнаментом на плечиках в виде косых насечек под однотонной глазурью.

⁶⁵ Т. Н. Сенигова, Средневековый Тараз, стр. 153, табл. XI, 95; Ш. С. Ташходжаев, Художественная поливная керамика Самарканда, стр. 130; П. Н. Кожемяко, Оседлые поселения Таласской долины, стр. 157, 193.

Крышки употреблялись трех типов.

Первый тип — выпуклая конической формы крышка с круглым плоским дисковидным навершием. Этого типа крышки расписывались коричневым контурным рисунком по белому ангобу под лимонно-желтой глазурью. Роспись обычно в виде концентрически расположенных треугольников, образованных несколькими мазками. Треугольники располагались вершинами к центру. Аналогичный орнамент употреблялся для росписи чаш. Поверхность плоских наверший у крышек орнаментировалась различными сочетаниями прямых линий; основные из них — прямоугольная сетка, многолучевая звезда, крест.

Второй тип — глазурованная крышка вогнутой формы с грибовидным навершием, снаружи по светлому ангобу нанесены коричневой краской беспорядочные мазки под прозрачной лимонно-желтой глазурью.

Третий тип — плоская крышка с навершием в виде головы животного, покрытая однотонной темно-зеленой глазурью.

Чирagi распространены одного типа с граненым корпусом и вытянутым носиком, последний имеет следы правки ножом. Ручка круглая с листовидным навершием, украшенная штампованным орнаментом в виде растительных завитков. Изготовлены чирagi из хорошо отмученной глины. Снаружи и изнутри покрыты слоем светлого ангоба, поверх которого наносилась глазурь. По цвету ангоба и глазури можно выделить следующие варианты:

- а) однотонные с темно-зеленой глазурью по светлому ангобу;
- б) покрытые лимонно-желтой глазурью по светлому ангобу с расплывчатыми зелеными пятнами по краю устья;
- в) чирagi с красным ангобом под прозрачной слегка желтоватой глазурью, украшенные крапинами или полосками, нанесенными белой ангобной краской по краю устья чирага, или же на щитке. Причем у последнего варианта щиток изготовлялся под четырехугольной формы или же с удвоенным навершием.

Ступки известны двух типов.

Первый тип — с цилиндрическим корпусом на плоском слегка выступающем поддоне и слегка оттянутым венчиком, имеющим острую закраину. Стенки сосуда массивные, толщина их достигает 1 см. Снаружи и изнутри нанесен белый ангоб, включая и поддон. Поверх ангоба наносилась различного цвета глазурь. Диаметр устья 20 см, высота 8,5 см. Аналогичные ступки найдены в слоях XI—XII вв. на городище Мингурюк⁶⁶.

Второй тип — представлен сосудами со слегка расходящимися наружу стенками и оттянутым наружу венчиком. Поддон выступающий, плоский снаружи, стенки украшены каплевидными налестками, расположенными в шахматном порядке. Диаметр устья

⁶⁶ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 140, табл. 6.

18 см, высота 12 см. Изнутри и снаружи сосуд покрыт лимонно-желтой глазурью по светлому ангобу. Верхние рельефные налесты обведены черными мазками, нижние красными. Между налестами расположены строенные точки. В этих сосудах без труда угадывается подражание металлическим чеканным ступкам, широко распространенным среди населения среднеазиатских городов в XI—XII вв.⁶⁷

Заканчивая обзор средневековой керамики Бинкета, можно наметить основные вехи в развитии гончарного производства IX — начала XII вв.

Первый этап — конец VIII — первая половина IX вв. характеризуется освоением новых технологических процессов, связанных с началом производства глазурованной посуды в Шаше. Выпускаемая глазурованная керамика отличается еще несовершенством форм, ограниченной цветовой гаммой в декоре и преобладанием щелочных глазурей, но уже на этом этапе шашская керамика своеобразна и имеет локальные особенности, что указывает на самобытность ее мастеров.

Второй этап — характеризуется явным подъемом. Освоено производство высококачественной глазурованной посуды с прозрачными свинцовыми глазурами и полихромной росписью по ярко-белому ангобу. Керамика представлена большим ассортиментом изделий с различного вида орнаментацией — от прекрасно выполненных образцов с изящным эпиграфическим орнаментом, где художники-каллиграфы широко используют декоративные возможности арабского шрифта, до сосудов с изобилием растительно-геометрических мотивов.

В этот период наибольшее сходство художественная керамика Бинкета находит с продукцией, выпускаемой в Согде, что подтверждает тесные экономические связи между этими областями, входившими в государство Саманидов.

Третий этап — XI—XII вв. характеризуется дальнейшим ростом производства гончарной продукции во всем Шаше, интенсивной стандартизацией, связанной с дальнейшим экономическим ростом средневековых городов и увеличивающимся спросом населения на гончарные изделия. С ростом количества выпускаемых изделий заметно ухудшается их качество, формы становятся тяжеловесней, декорировка сдержанней, что проявляется в широком распространении керамики с гравированным рисунком под слегка окрашенными глазурами. Изменяется и колорит художественной керамики, исчезает посуда с чисто белым фоном и красно-коричневой росписью, столь характерная для предшествующего периода. Наблюдается подражание металлическим изделиям как в формах, так и в цвете. Колорит поливных изделий лимонно- или

⁶⁷ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, История искусств Узбекистана, рис. 273.

золотисто-желтый, подражает посуде из желтых металлов. Наибольшая близость по стилю орнамента и колориту изделий XI—XII вв. проявляется с северо-восточными областями Средней Азии; с Согдом наблюдается сходство по линии использования плетенчатых композиций, связанных с господством орнаментализма в декоре Средней Азии XI—XII вв.

При значительном сходстве керамики Бинкета с продукцией других районов, наблюдаются локальные особенности.

Для ранней глазурованной керамики неизвестны изделия с трехцветной росписью (зеленая, марганцевая, коричневая) по лимонно-желтому фону, употреблявшиеся в IX в. в Согде и Хорезме. В Бинкете ведущей в это время является керамика с росписью широкими сине-зелеными мазками по светло-серому матовому фону с обводкой контуров орнамента тонкой марганцево-черной линией.

Не получает распространения в Бинкете в IX—X вв. расплывчатая пятнистая роспись (желтым, зеленым, марганцевым цветами) по процарапанному рисунку, использовавшаяся в Согде, зато широко известна роспись черным жирным контуром по светлому фону в виде звездчатых и треугольных фигур с украшением всех композиций беспорядочно разбросанными расплывчатыми, бирюзовыми пятнами.

Не привились в украшении глазурованной посуды Бинкета охристо-красные тесемчатые плетенки по белому фону — излюбленный мотив самаркандских гончаров X в.

Не распространяется в XII в. керамика с бирюзовой глазурью, известная для Согда и Хорасана, зато широко употребляются зеленая и слегка окрашенные глазури по процарапанному рисунку.

Не встречена люстровая керамика, наблюдается лишь подражание этому типу керамики.

Все описанные локальные особенности характеризуют самобытность художественной школы Шаш-Илака по стилю и колориту, тяготеющей, тем не менее, к северо-восточному региону, включающему центры керамического производства Ферганы и Южного Казахстана.

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЙОНА ТАШКЕНТА

В долинах рек Чирчика и Ангrena развивались оазисы древней земледельческой культуры, среди которых немалую роль играл Ташкентский. Находясь на стыке с бескрайними степными просторами, он был как бы фокусом экономических, политических и культурных контактов кочевых скотоводов и оседлых земледельцев Средней Азии.

В I в. до н. э. Ташкентский оазис — в составе большого государственного образования Кангюй, споры о границах и столичном городе которого составили обширную литературу¹. Могущество этого государства поражало китайцев. Они писали: «Кангюй могуч и дерзок. Наших послов сажает ниже усуньских»². Китайские источники также отмечают наличие городов в стране народа яньцай. История эпохи младших Хань сообщает, что «народ живет внутри глиняных стен», а так как тот же источник указывает на тождество «обыкновения и одеяния» кангюйцев с народом яньцай, который был в зависимости от Кангюя, то это сообщение можно принять за косвенное доказательство наличия оседлых поселений в Кангюе³. Но есть и прямые данные о наличии достаточно сложных городских образований — это археологические исследования Каунчитепа и Канки, давшие большой фактический материал, подтверждающий высказанное⁴. Археологический материал из Каунчитепа лег в основу стратиграфии Шаш-Илакского региона и дал название каунчинской материальной культуре земледельцев этого оазиса.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 20—26; А. Н. Бернштам, Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, Известия АН КазССР, № 67, вып. 2, 1949, стр. 90—98; Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1966, стр. 14—23; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 161—179.

² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 184—185.

³ Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, стр. 17—18.

⁴ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 158; Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, Археологические памятники Ташкентской области, стр. 56, 105—106.

Культура Каунчи I характеризует ранний Кангюй, а Каунчи II относится уже к позднему этапу, когда Кангюй утратил свое могущество и в середине первого тысячелетия нашей эры вошел в состав Эфталитского государства. Археологический материал отражает этно-культурную преемственность, объединяющую все памятники этих этапов. Ташкентский оазис известен в ту пору как государство Шаш и Илак. О географическом названии «Шаш» сообщает надпись сасанидского царя Шапура на «Каабе Зороастра» (262 г.)⁵. Древний культурный субстрат, который лежит в основе городской и сельской культур Шаша, или уже — части долины Чирчика, вошедшей в состав современного Ташкента, составляет каунчинская культура, причем, как показали археологические исследования данной территории, этапа Каунчи II, т. е. IV—V вв.

Если обратимся к историко-топографической карте Ташкента, то на ней увидим такие названия как Афрасиаб, Чильдухтарантепа, Зах и Калькауз (Кейкавус), уводящие нас к сюжетам древнего эпоса. Эти объекты дали археологические материалы, которые позволяют с полной убежденностью говорить об освоении каких-то частей территории собственно Ташкента уже в эпоху поздней бронзы.

Чильдухтарантепа таил в себе захоронения этого времени, сопровождавшиеся некоторым погребальным инвентарем⁶. Холмы Алтынтепа, исследовавшиеся еще до революции членами ТКЛА, оказались некрополем I вв. н. э. с большим количеством оссуариев и бытовой керамики, характерной для этого времени⁷. В нижних слоях городища Мингурюк (оно же Афрасиаб) обнаружены культурные остатки III—IV вв. На территории собственно Ташкента много раннесредневековых замков и городских поселений, разбросанных в разных его концах. Это прежде всего Мингурюк, Кугаиттепа, Актепа на Чиланзаре, Актепа у абразивного завода, Юнусабадская группа памятников, Норазтепа, Пазылтепа, Тешиктепа. Обилие памятников этой поры свидетельствует об активном освоении территории города.

Древнейшее упоминание о городе в долине Чирчика под именем Юни содержится в исторических записках Шицзы и относится ко II — началу I вв. до н. э. М. Е. Массон допускал, что он располагается где-то на территории Ташкента, поскольку город Чжеши (Ташкент), согласно данным хроники династии Тан, возник на его месте позднее⁸. Китайские источники сообщают, что в Согде среди городов-государств наиболее популярными были

⁵ В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, вып. XVIII, 1967, стр. 16.

⁶ Древний Ташкент, стр. 5.

⁷ Е. Т. Смирнов, Древности в окрестностях города Ташкента, ПТКЛА, вып. I, 1896, стр. 5—9; В. В. Бартольд, Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 154—171.

⁸ М. Е. Массон, Прошлое Ташкента, стр. 107.

Кан (Самарканд), Ань (Бухара), Ши (Шаш), Ши (Кеш) (с другим иероглифом), Ми (Маймур), Цао (Кабудан), Ха (Кушания)⁹.

Археологическими работами последних лет на территории Мингурюка и города не выявлено каких-либо признаков слоев такого времени. Зафиксированные же и исследованные поселения датируются не ранее первых веков нашей эры. Таким образом, у нас нет никаких оснований, чтобы поддержать гипотезу о наличии городского образования времени Юни на территории современного Ташкента. Однако, обращаясь к эпохе раннего средневековья, наличие городских образований на этой же территории можно подтвердить и археологическими данными может быть не в ранге столицы, но все же достаточно крупного по тем временам города.

Конечно, нельзя игнорировать сведения китайских источников. Анализ источников, топонимов, этнографических данных вкупе с археологическими исследованиями должен увенчаться успехом в поиске древней столицы Шаша, находившейся в долине Чирчика. Был ли это Иски-Ташкент, смытый его волнами, или какое-то другое городище, мы не можем пока ничего утверждать, хотя можно допустить, что после экономической разрухи, возможно, последовавшей за арабским завоеванием, город мог переместиться.

Но нельзя согласиться с Ю. Ф. Буряковым, который локализует столицу Шаша (Чже-ши) на месте Мингурюка, опираясь только на расширительное толкование текста о местонахождении Юни и Чже-ши на одном месте, понимая под этим вообще пределы области.

На этом основании Ю. Ф. Буряков отождествляет Юни с городищем Канка, т. е. поблизости от Сырдарьи, а Чже-ши переносит более чем на 80 км к северу, на Салар (Мингурюк), удаляя таким образом раннесредневековую столицу ото всех ключевых городов и мест древнейшего освоения в бассейне Чирчика¹⁰.

Скорее всего, город Чже-ши располагался в среднем течении реки, где с древнейших времен были сосредоточены караванные пути из оазисов и степей и крупные торгово-ремесленные города.

Городище Мингурюк, как показали исследования, сложилось в виде поселения в IV—V вв. и развилось как крупное городское образование в VI—VII вв.¹¹ Несомненным является наличие мощной крепостной стены V в. и культурных наслоений IV—V вв., скопившихся под стенами и в их пределах. Это, может быть, была резиденция правителя. В VI—VII вв. резиденция превратилась в город с цитаделью и шахристаном. Шаш с его городами находил-

⁹ С. Г. К л я ш т о р н ы й, Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии, стр. 93.

¹⁰ Ю. Ф. Б у р я к о в, Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, стр. 31, 63—64.

¹¹ Древний Ташкент, стр. 41—42, 50.

ся на краю земледельческого оазиса и граничил с бескрайними степными просторами. Экономические, политические и культурные контакты кочевых скотоводов и оседлых земледельцев были естественны и необходимы. Направление ремесленного производства городов оазиса диктовалось во многом потребностями скотоводов степи. Развитие городов стимулировалось торговым обменом, отсюда и интенсивная урбанизация Шаша. Города были центрами ремесла, торговли и культуры, а в случае опасности становились убежищем для его жителей. Крепкие стены и башни были достаточной защитой при набегах врага.

О планировке города этого времени можем говорить только по аналогии с другими синхронными городами Шаша и Илака, которым присуща прямоугольная планировка (Ханабад—Нуджет, Канка—Харашкет, Улкантойтюбе—Нукет, Имлак—Тункет). Цитадель в этих городах находится или в углу, или в середине продольной стены и заключена также в прямоугольник стен.

Мингурюк, располагавшийся в излучине Салара, един по своей планировочной структуре. Его цитадель находится в юго-восточной несколько повышенной части шахристана. Площадь шахристана занимает около 30 га и тоже возвышается над общим рельефом. В шахристане жил правитель и там же было культовое помещение. Шахристан имел плотную застройку. На его территории фиксировались следы ремесла — гончарного и металлообрабатывающего¹². Границы города значительно больше границ городища, зафиксированного на плане 1870 г. Как и многие города этого периода, он жил интенсивной жизнью, будучи центром ремесленного производства и торговли. Окружающие земли составляли его сельскохозяйственную структуру, где помимо земледельцев трудились и горожане.

Застройка в пределах стен была максимальной. Здесь жил не только городской патрициат, но ремесленники и купцы. Жилье, торговые лавки и мастерские представляли единое целое. Только узкие улочки разделяли массивы кварталов, кое-где вкрапливались открытые пространства с храмами. Планировку города этого периода особенно хорошо можно проследить в Пянджикенте и Куве, где сохранились культурные остатки именно VII — начала VIII вв.¹³

Политическое положение Шаша достаточно устойчиво. Его представители наряду с послами и торговыми гостями других областей едут ко двору согдийского правителя. Это обстоятельство отражено и на фресках дворца на Афрасиабе. А последний направляет своих послов в Шаш и с дипломатическими миссия-

¹² Д. Г. Зильпер, Минг-Урюк — первичное городское образование на территории Ташкента, Тезисы к совещанию в г. Фрунзе «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970, стр. 34—35.

¹³ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 43—44.

ми¹⁴. Ставка государя Шаша, как полагает В. А. Лившиц, находилась в столице Шаша¹⁵. В антиарабской коалиции Шаш выступает как равный среди областей Согда и Ферганы. Дружины его воинов самоотверженно встали против захватчиков.

Оазис Шаша сильно пострадал от неоднократных нашествий, когда арабы, стремясь сломить непокорных жителей его, разоряли селения, разрушали ирригационную систему и оставляли за собой дымящиеся пепелища. Захирел и Мингурюк, оставаясь в руинах вплоть до X—XI вв., когда он вновь возрождается. Окончательно гибнет город в начале XIII в. при нашествии монголов. В период недолгого возрождения Мингурюк существовал как поселение Шаша, тяготевшее к его столице Бинкету, которая возникла уже в другом месте.

Мингурюк с его мощной фортификацией был достаточно крупным городом, чтобы претендовать на ведущую роль в своей округе. Видимо, в сфере его влияния было Кугаиттепа (Ногайкурган), городище, расположенное на правом берегу Салара, еще не достаточно археологически исследованное, но давшее материал и мощные наслоения с архитектурными остатками IV—V вв.¹⁶

Мингурюк, расположенный в непосредственной близости от Чильдухтарантепа, Алтынтепа, которые дали наиболее древние материалы к антропогенному освоению территории города, в эпоху V—VII вв. находится в окружении синхронных ему памятников, которые в большинстве располагаются на более доступных для освоения и даже заболоченных арыках Карасу, Бозсу, Калькауз.

Сам Мингурюк питается водой из Салара, которая выведена на его территорию магистральным арыком шириной 4 м (выявлен исследованиями Ташкентского археологического отряда). Поддержание ирригационной системы Мингурюка и его сельскохозяйственных угодий было возможно только при наличии централизованной власти и большого количества рабочей силы.

Округа Мингурюка составляется из небольших городищ с цитаделью: Аката в Юнусабаде (Каракамыш), Кулактепа, Актепа Сагбанское, Актепа Чагатайское, Актепа Кукчинское, Кугаиттепа (Салар), Чаштепа на арыке Джун, городище Ханабад (Чирчик), Тарнауштепа (Чирчик), Шорттепа (Карасу), Бузгантепа (Чирчик), Тугайтепа (Карасу), Ниязбаштепа (Салар)¹⁷; неукреп-

¹⁴ В. А. Лившиц, Согдийский посол в Чаче (документ А—14 с горы Мур), СЭ, 1960, № 6, стр. 92.

¹⁵ Там же. стр. 101.

¹⁶ С. Б. Лунина, З. И. Усманова, Из археологических наблюдений на Кугаит-тепе близ Ташкента, стр. 144—147.

¹⁷ В пору расцвета городской жизни возле Бинкета X—XII вв. они превратились в ремесленно-торговые центры его округа. То же произошло и с руинами средневековых замков. На них возникли селения и города с ремесленной специализацией.

ленных поселений: Норазтепа, Пазылтепа (Бозсу), Даултепа; раннефеодальных замков: Актепа у абразивного завода, Актепа на канале Зах, Карабаштепа, Шахнишинтепа (?).

Из памятников последней категории наиболее крупный — Актепа у абразивного завода, несомненно, резиденция какого-то феодального магната.

Жизнь города и его округа базировалась на ремесле, сельском хозяйстве и торговле. Правители города и могущественные феодалы держали в руках эти три ключа к благосостоянию области.

С выгодами торговли соотносилась ремесленная направленность города и его поселений. Последние возникали у городских ворот, по преимуществу на основных караванных путях.

Города располагались также у переправ, они извлекали из своего местоположения немалые экономические выгоды. Таким городом был Ханабад, возникший, как показали исследования Ташкентского археологического отряда, в V—VII вв. на берегу Чирчика. В качестве транзитного и торгового центра он существует и в X в. С Нуджкетом его отождествил М. Е. Массон, и это отождествление никем до сих пор не ставилось под сомнение¹⁸. Городище Ханабад имеет подквадратный план со сторонами 530—540 м и занимает площадь менее 30 га. Оно ориентировано по диагонали с севера на юг. В его восточном углу располагается цитадель, Юго-западная часть городища имеет большое понижение в пределах стен, связанное, как сообщили местные жители, с планировкой местности и созданием водоема. В юго-восточной стороне часть территории занимает действующее кладбище. Северо-западная и северо-восточная части территории более повышенные по рельефу, распаханы и заняты посадками винограда, а на окраинах городища и на его стенах — скотным двором, хозяйственными, жилыми постройками колхоза.

Как установлено раскопками Ташкентского археологического отряда, древний рельеф в более сохранившейся части все-таки сnivelирован и уничтожен неоднократными распашками, сохранился лишь останец под триангуляционной вышкой. Таким образом, вся свита слоев, относящаяся к X—XII вв., уничтожена и наши работы зафиксировали сохранившиеся *in situ* лишь слои VII—IX вв. Под линзой IX в. расчистками обнаружен мощный культурный слой с остатками монументальной архитектуры VII — начала VIII вв. Стены сохранились до высоты 1 м. Это, несомненно, шахристан раннесредневекового города, расположившийся, как показала стратиграфия культурных наслоений, на остатках сооружений V—VI вв., покрытых песком и галькой — остатками катастрофического разлива Чирчика.

Полностью выявлены принципы планировки цитадели. Выяснилось, что это прямоугольное в плане сооружение 90×60 м, за-

¹⁸ М. Е. М а с с о н, Ахангеран, стр. 41—42.

ключенное в мощные крепостные стены толщиной 6 м, сложенные из пахсы и кирпича-сырца форматом $48 \times 24 \times 9-10$ см. Застройка цитадели периметральная и состоит из узких помещений — «пеналов» ($9 \times 3-3,20-1,90$ м), группирующихся вокруг центрального двора. Однозначность помещений и характер планировки первого этажа позволяют предположить, что это сооружение специального назначения и предназначалось, возможно, только для военных целей. В нем, по всей вероятности, размещался гарнизон защитников города, а в случае необходимости находили приют знатные горожане. Мощностъ стен обеспечивала полную безопасность.

Толщина стен позволяет предположить наличие второго, и может быть, третьего этажей, где могли размещаться покои правителя и его свиты. В северо-западной части города, возможно, был некрополь. Там обнаружены оссуарные погребения.

Ханабад, занимая выгодное положение на караванных путях из Согда в Семиречье, принимал активное участие в торговле, о чем свидетельствует большая подборка монет, найденных на полах помещений. Среди них есть тюрко-согдийские с изображением всадника, тюркешские с квадратным отверстием и изображением лука, арабские, хорасанские и др. Из этого ясно, какой широкий диапазон имели торговые связи Шаша и, в частности, Ханабада. В городах Шаша, как и в Согде, были специализированные базары и торговые пассажи (тимы), например, в Уштуркете¹⁹. Не исключено, что они были и в Мингурюке и Ханабаде.

Купцы Шаша принимали участие в ежегодных ярмарках, проводившихся в Согде. Это подтверждается проникновением шашских монет в районы к югу от Сырдарьи. Монетные находки говорят о транзитной торговле с Ираном, Китаем, Семиречьем. Усилению экономического потенциала округа способствовали и многочисленные поселения с ремесленной специализацией.

Владетельные князья и знать имели в распоряжении целые кварталы в городах, крепости, поместья в виде усадеб-замков со службами и жильем или крупных замков с примыкающими к ним поселениями. Самыми крупными землевладельцами были владетельные князья. Их опорой являлись азаты (благородные, знатные) — титулованная знать. Они несли княжескую службу и освобождались от податей. Им принадлежали, в зависимости от ранга, и такое крупное феодальное поместье, как Актепа у абразивного завода, и миниатюрный замок Актепа на канале Зах. Жилище-замок князя или представителя землевладельческой аристократии имело еще и кешк—постройку типа башни.

Актепа у абразивного завода исследовалось перед Отечественной войной А. И. Тереножкиным и В. Л. Ворониной. Их исследования определили датировку памятника, отнесенную на основании археологических материалов к VI—VIII вв. А. И. Теренож-

¹⁹ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 228.

кин классифицировал этот памятник как замок-донжон с двором. Донжон, как полагает исследователь, имел 3 этажа — нижний был занят казематами, средний — жильем и складами, а третий — жильем. Кольцевые галереи и башни выделяют его из известных памятников доарабского периода. Планировку кешка В. Л. Воронина рассматривает как результат слияния укрепленной стены поселения с внутренним коридором и угловыми башнями и собственно донжона с его «начинкой». В. Л. Воронина отмечает, как локальную особенность архитектуры, асимметричность донжона²⁰.

Замки рядовых феодалов значительно уступали по размерам, роскоши интерьеров и числу апартаментов замкам их более могущественных и родовитых собратьев по социальной принадлежности. Однако это тоже были миниатюрные крепости, созданные по тем же архитектурно-планировочным и фортификационным канонам. Их архитектурный образ, их конструкции и строительные приемы отражали общий уровень развития архитектурно-строительного искусства Средней Азии периода раннего средневековья. Интересен замок Актепа на канале Зах, его размеры 12,5×12 м по верху. Углы здания фланкированы 4 овальными башнями, малый диаметр которых 5,6 м. Башни и внешняя стена замка сложены из пахсы, своды и ответственные части конструкций — из кирпича-сырца. На первом этаже располагались коридор и 3 сводчатых узких помещения. В восточной стороне были пандус и лестница на второй этаж. В башнях расчищены небольшие квадратные комнаты с выходами в основные помещения замка. На восточном фасаде располагался и главный вход в замок, к которому, очевидно, подводил пандус. На южном фасаде этого сооружения из пахсы до сих пор сохранились прорези стреловидных бойниц. Крохотная крепость Актепа тоже стояла на стилобате, который законсервировал в себе остатки какого-то более раннего сооружения.

Эти описанные и исследованные нами замки феодалов и поселения при них свидетельствуют об уже устоявшихся феодальных отношениях и о социальной дифференциации внутри групп. Кроме них отмечены Тешиккупрюк, Шахнишин и др.

Помимо таких городских образований как Мингурюк и Кугаитепа, которые могли претендовать на ведущее положение в округе, были еще и поселения городского типа с ремесленной направленностью жителей, укрепленные городской стеной, — это Пазылтепа, Кафтартепа, Кулактепа, Актепа Сагбанское. Замки феодалов, построенные в таком городе или возле него, продолжают существовать будучи обиталищем сюзеренов, которые осуществляли власть над своими владениями в городах и поселениях.

Урбанизация Шаша, отмечаемая с V—VI вв., была всеобщим процессом, зафиксированным и в других областях Мавераннахра

²⁰ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента; Л. В. Воронина, Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента.

и Средней Азии. Повсеместный упадок городской жизни в V в. преодолен, и возникающие города и поселения VI—VII вв. сразу набирают стремительный темп развития, как бы наверстывая утраченное в периоды запустения. Конечно, та зрелость архитектурно-планировочных приемов, высокий уровень строительной техники, которые характерны для раннесредневековых городов-крепостей и отдельных сооружений Средней Азии, имели под собой многовековой опыт и отточенное мастерство, отлившееся в каноны.

Немалую роль сыграла здесь интродукция восточно-эллинской городской культуры и местные древние традиции, уходящие в эпоху поздней бронзы, к протогородским культурам Саппалитепа и Дальварзинтепа²¹. Отсюда заметная геометричность планов городов и четкость планировочной сетки как внутри города, так и в отдельных сооружениях. Конечно, жизнь и время вносили коррективы в эти первоначальные наметки, но основные принципы отмечаются визуально.

Жизнь концентрировалась в городах (шахр) и селениях (диха). Диха составляли сельскую округу (руста). Землевладельческая знать жила и в городах, и в округах. Знать городская имела в городах дворцы (ках), иногда занимавшие целые кварталы, и поместья (зна) в округе. Эти поместья представляли собой усадьбы-замки с примыкавшими к ним службами и жилищами, а если это было поместье магната, то и целыми поселениями. Однако власть дихкан распространялась и на селения, где еще сохранилась общинная собственность на землю²². Владения дихкан были весьма значительны, не говоря о владениях самого крупного феодала — правителя Шаша.

Центральной частью города была цитадель, независимо от местоположения — в обводе стен шахристана или вне его. Шахристан, обнесенный укрепленной стеной с башнями и воротами, имел очень плотную застройку, расчлененную узкими улочками. Дома-массивы горожан двух- и даже трехэтажные были заселены торговцами и ремесленниками. Возле шахристана располагался рабад и усадьбы знати с садами и виноградниками. А у ворот шахристана сосредотачивались базарные площади для обширных торжищ, привлекавших кочевников и ремесленников, караван-сарай для купцов.

Свидетельство Сюань Цзяна, что в согдийских колониях в Семиречье поровну тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду, т. е. купцов и ремесленников²³, можно распространить на согдийские и шашские города, где сочетались и ремесленно-

²¹ В. М. М а с с о н, Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973, стр. 40.

²² О. И. С м и р н о в а, Очерки из истории Согда, М., 1970, стр. 90—91.

²³ С. Г. К л я ш т о р н ы й, Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии, стр. 125.

торговые ядро, и его житница — сельскохозяйственная округа, располагавшаяся в предместье и прилегающей местности и окруженная стенами.

Структура городов не была единой, перечисленные элементы не всегда присутствовали в составе города, а в некоторых случаях их было даже больше. Все зависело от объективных условий процесса градообразования.

Если обратиться к процессу сложения города на территории Ташкента, то археологические наблюдения позволяют утверждать, что он сложился как город в VI—VII вв. возле замка феодала-владельца данной округи, имея в основе более древнее крепостное поселение IV—V вв.²⁴ Его структура четко определяется наличием цитадели, дворца правителя и шахристана. Цитадель и дворец правителя доминировали над городом, располагаясь на более высокой по рельефу восточной части. Оборонительная стена города, фрагментарно сохранившаяся под оплывами, представляет мощное сооружение из пахсы и кирпича-сырца. Стена высотой 9 м и шириной по низу 5 м утоньшается кверху и завершается стрелковой галереей. Она членится по всем законам фортификации на куртины, простреливаемые перекрестным огнем из башен. Башни квадратные в плане носят несколько архаичный характер — дань античным традициям. К этому времени в Средней Азии уже распространились башни овальных и круглых планов, более устойчивые против осадных таранов. Стены и башни нашего города носят следы неоднократных ремонтов после военных действий и докладок, характеризующих попытки усиления мощи отдельных, наиболее уязвимых участков стены.

Шахристан сохранился еще более фрагментарно, и о его планировке судить невозможно. Удалось зафиксировать лишь отдельные дома горожан, где комнаты имеют суфы-лежанки, где есть кладовые с большим количеством хумов для хранения зерна, муки, воды, масла и вина. Среди домашней утвари найдены диски каменных жерновов, инструмент типа теша, втулки для черенка, может быть, лопаты. Диски жерновов диаметром 30—40 см употреблялись в обиходе каждой семьи для приготовления муки в объеме ежедневного рациона (до недавнего времени такой трудоемкий процесс можно было наблюдать в сельских местностях Туркмении). Застройка шахристана была такой же плотной, как и в более сохранившихся кварталах Пянджикента и Кувы²⁵.

Население города состояло из ремесленников, торговцев, знати и распределялось в городе в соответствии со своим социальным положением. Предместий со сплошным обживанием возле города на территории Ташкента археологическими раскопками не отме-

²⁴ Д. Г. Зильпер. Стратиграфия городища Минг-Урюк в Ташкенте, Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, стр. 143.

²⁵ В. Л. Воронина, Раннесредневековый город Средней Азии, стр. 89; В. А. Булатова, Древняя Кува, стр. 18—42, 92.

чено, хотя, безусловно, наличествовала сельская округа с отдельными замками и замками-поселениями шашских феодалов, тяготеющих к городу Мингурюку. Они, так же как и Мингурюк, располагались на водных протоках, так как основой жизни было сельское хозяйство, базировавшееся на искусственном орошении.

Кроме Мингурюка на системе канала Салар в пределах границ Ташкента расположено еще одно поселение, носящее название Куганттепа. Оно понесло значительные утраты за последнее время в связи со всякого рода строительными и планировочными работами. Его шахристан сильно разрушен, но еще производит внушительное впечатление. Оно неоднократно обследовалось визуалью со сбором подъемного материала и датировалось I в. н. э. в нижних слоях, а в верхних X—XI вв.²⁶ М. Е. Массон упоминает о кушанской монете, найденной на этом бугре. Это варварское подражание монетам Васудевы I с изображением быка и Шивы²⁷.

Работами Ташкентского археологического отряда на этом объекте уточнена стратиграфическая колонка и определены нижняя и верхняя даты его существования. Нижняя дата фиксируется в пределах IV—V вв. и характеризуется керамическими материалами типа Каунчи II, т. е. так же как и на Мингурюке, но керамический материал Куганттепа отличается от материалов Мингурюка большей грубостью. Верхняя дата жизни городища определяется XII и XIV—XV вв. тоже по керамическому материалу, характерному для этих эпох, и по строительным остаткам. В разрезе видны остатки кладок, относящихся как к верхнему, так и нижнему горизонтам.

Наблюдения за археологическими материалами не дали оснований к тому, чтобы как-то выделить это городище и поставить его в ряд с Мингурюком. По всем комплексам видно, что это крупное поселение с большой толщиной накопленных культурных наслоений, с длительным периодом жизни, но не такой город как Мингурюк.

Наши материалы позволяют также твердо говорить о нижней дате памятника, а находка на нем кушанской монеты варварского чекана не противоречит этой датировке. Таким образом, и этот объект из-за поздней датировки не может быть городом Юни.

Археологические исследования, проводящиеся на территории города, существовавшего длительное время на одном месте и продолжающего жить, очень затруднены, так как картина нарушена, во-первых, последовательным разрушением слоев, нажитых прежде, во-вторых, разрушением самих памятников, в-третьих, невозможностью вскрытия больших площадей из-за существую-

²⁶ С. Б. Лунина, З. И. Усманова, Из археологических наблюдений на Кугант-тепе близ Ташкента, стр. 167; Ю. Ф. Буряков, М. Касымов, О. Ростовцев, Археологические памятники Ташкентской области, стр. 49—50.

²⁷ М. Е. Массон, О северных границах Кушанского царства, стр. 21.

щей застройки и всякого рода коммуникаций. Поэтому получаемые сведения отрывочны и фрагментарны.

Особенно трудно составить представление о социальной структуре города, так как у нас нет сплошь вскрытых кварталов. Мы по той же причине не можем судить с полной определенностью о ремесленной направленности жителей города, об их дислокации на плане города. То же самое относится к определению наличия сельскохозяйственной округи города и его предместий.

Реконструкция социальной характеристики города периода раннего средневековья возможна только при условии привлечения письменных источников, которые еще так немногочисленны в Средней Азии. Архив, найденный на горе Муг, «старые письма» Дунь Хуана, находки согдийских монет, памятники материальной культуры этого времени дали возможность ученым-востоковедам уточнить, а иногда и восстановить в какой-то части политическую и социальную историю Средней Азии и ее важнейших центров в этот период, известную в передаче китайских, арабских или персидских источников, а чаще даже и неизвестную²⁸.

Раскопки и исследования Пянджикента, кувинского жилого комплекса, Шахристана (Калаи-Кахкаха) дают возможность восстановить материальный облик города, его планировку, характер застройки, социальную принадлежность и локализацию ремесленных кварталов²⁹.

В VI—VII вв. господствующий класс был неоднороден по своему составу, на что обратил внимание еще В. А. Шишкин, отмечая замки знати, различные по типу, разбросанные по Бухарскому оазису³⁰. Нарративные источники также фиксируют определившуюся феодальную иерархию. Высшую ступень этой лестницы занимали представители правящего дома Кан, ставшие правителями Бухары, Хорезма, Кушании, Шаша, Самарканда и т. д. За ними, по нисходящей, была земельная аристократия, еще ниже—азаты. Правящий дом Кан ведет начало от кангюйского дома. «Безвременно переходя с места на место он не имеет привязанности к оседлой жизни». Впоследствии он разделился на множество родов и утвердился в древнем царстве Кан³¹.

Сведения, извлеченные из мугских документов, манихейских текстов дают некоторую возможность для воссоздания общей картины взаимоотношений правителей, знати и зависимого населения

²⁸ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии.

²⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 14—108; В. И. Распопова, Квартал жилищ рядовых горожан Пянджикента VII—VIII вв., СА, 1972, № 1; В. А. Булатова, Древняя Кува; Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий, Средневековый Шахристан, Душанбе, 1968.

³⁰ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 240.

³¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 280—281.

не только в Согде, но и в Шаше, где, конечно, имели место те же социальные явления и те же социальные категории населения.

Из китайских, арабских источников, из согдийских надписей на афрасиабских фресках, по монетным находкам известно, что в Шаше был царь — тудун и тот же административный аппарат, что и в Согде, в его составе был дапирпат, отправленный послом к самаркандскому ихшиду. В столице Шаша имелся монетный двор. Сильное шашское владение было в оппозиции к халифату и вступило в коалицию против него. Дружины его золотопоясых рыцарей — маликзадаган — выступали в битвах за независимость страны. Так же бесчисленны, как и в Согде, замки больших и малых феодалов — дихкан и правящего дома, разбросанные вдоль таких водных артерий, как Чирчик, Салар, Бозсу, Зах, Калькауз, неукрепленные селения земледельцев-общинников. Судя по имеющемуся материалу, Мингурюк мог быть главным городом округа, принадлежавшей крупному феодалу — представителю правящего дома, может быть, в ранге Деваштича.

Не менее важны возможности восстановления картины жизни города с его населением. Известно, по сведениям Наршахи, что в шахристане Бухары были базары, лавки в большей части являлись собственностью дихкан, то же самое касалось целых кварталов. Со всего этого они получали доход (галла). Каким образом эксплуатировалась эта собственность историки затруднялись дать ответ³². Вопрос разрешили археологи, вскрывшие большую часть шахристана Пянджикента, где обнаружены ремесленно-торговые кварталы сплошной застройки. Владелец мастерской — лавочник, мелкий ремесленник — вот кто приносил ежемесячный доход в деньгах дихкану, владевшему этими участками. Кроме таких мелких единиц могли быть и большие мастерские, принадлежавшие правителю. В этих мастерских могли изготавливаться стрелы, луки, которыми издавна славился Шаш.

В X в. из Шаша вывозили палатки, седла, колчаны, плащи, дубленые кожи и др. Сырье для этих изделий поступало от кочевников-тюрок. Можно предполагать, что эта отрасль ремесленного производства имела место и ранее, чему способствовали тесные общения с кочевнической степью и выгоды торговли с нею. Может быть и эта отрасль производства была в руках правящего дома.

Основой экономики Шаша, как и всей Средней Азии, была торговля — внешняя и внутренняя. Согдийцы торговали с Передней Азией и Китаем. Непрерывной чередой шли купеческие караваны, привозя и увозя товары местного и чужеземного происхождения. Большой масштаб приобретали среднеазиатско-византийские связи. Они проходили через Иран и Северный Кавказ. В Согд доставлялись византийские шелковые ткани. По их образцам ткались согдийские шелка, шедшие из Согда на Запад. По «шел-

³² О. И. Смирнова, Очерки из истории Согда, стр. 119.

ковому» пути шли и другие товары, например, произведения византийских торевтов. Из Согда в Центральную Азию и Китай шли ткани, драгоценные камни и медикаменты³³. Шаш, возможно, и не делал большого непосредственного вклада в эту торговлю, за исключением, может быть, оружия и изделий из кожи, но был посредником в ней, от чего получал немалые выгоды.

Расцвет ремесел и специализация местных центров и селений способствовали расширению и укреплению местных связей. Наличие местных чеканов говорит о проникновении денежных отношений в экономику областей, о широком развитии внутренней торговли.

Города и крупные селения должны были иметь места для ремесленного производства и торговли. Таким образом, сосредоточениями товаров и людей были площади рынков, которые располагались, в основном, за пределами собственно города. Так было в домусульманских Самарканде и Бухаре. Размеры рынков, особенно возле таких крупных центров, как Самарканд и Бухара, были большими, там располагались лавки-мастерские ремесленников. Такие же лавки-мастерские были и в шахристане, что фиксируется раскопками в Пянджикенте³⁴. Это небольшие помещения с выходом на улицу. А. М. Беленицкий на основании многолетних наблюдений утверждает, что «городские магистрали были местом торговли и ремесленной деятельности населения»³⁵.

В этих лавках-мастерских, арендуемых у дихкан — владельцев домов, работали скорее всего мелкие свободные ремесленники, а не рабы, так как рабский труд уже изжил себя и был невыгоден дихканам. Базары, лавки-мастерские приносили немалый доход владельцу, который сдавал земли и строения на откуп или в аренду купцам и ремесленникам.

Таким образом, как установлено О. И. Смирновой, торговля шла внутри шахристана и в основном вне его, у стен и ворот, на базарных площадях, где были специализированные ряды и даже особые сооружения — тимы, таки, чахарсу под куполами. Красивые тимы, как говорит Макдиси, были в Уштуркете — шашском городе³⁶. Приезжие торговцы останавливались в караван-сараях, которые арабы называли часто так же как и военные станции — рибатами.

Эти подворья-гостиницы исполняли функции почтового ведомства и обеспечивали почтовую связь еще в IV в. Арабам пришлось заботиться о подворьях, чтобы почтовая связь не прерывалась³⁷. Подворья тоже сосредотачивались у ворот городов и селе-

³³ Б. Г. Гафуров, Таджики, М., 1972, стр. 258—259.

³⁴ А. М. Беленицкий, Из итогов последних лет раскопок древнего Пянджикента, СА, 1965, № 3, стр. 179—186.

³⁵ Там же.

³⁶ О. И. Смирнова, Очерки из истории Согда, стр. 133; ВГА, т. III, стр. 277.

³⁷ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 246.

ний. Обследование Пайкенда (1939—1940 гг.) подтвердило данные письменных источников о наличии подворий доисламского времени. Торговая деятельность охватывала весь Мавераннахр и области его поддерживали регулярный товарообмен с помощью ярмарок, которые особенно важны были при торговле со степью.

Территория, прилегающая к городу, в этот период была, как видно, достаточно интенсивно освоена, здесь были базарные площади с лавками-мастерскими, с навесами, купольными постройками, караван-сараями, хана, замки дихкан, усадьбы общинников-земледельцев. В Пянджикенте пригород занимает территорию 20—25 га, здесь не было сплошной застройки, а располагались усадьбы. Авторы раскопок считают эти образования зарождением рабадов³⁸. За городом же размещались некрополи с наусами для установки оссуариев. Его цитадель и шахристан (площадь 19 га) возникли еще в V — начале VI вв. Именно в это время формировался и рос город³⁹.

Для Шаша у нас еще нет столь детально вскрытых городищ. Из тех, что исследуются на территории современного Ташкента, самым удачным объектом в этом плане является Ханабад, уже и на этом этапе незавершенных работ давший четкую структуру плана города с цитаделью, шахристаном и наусами некрополя, примыкавшими к северо-западному фасу шахристана.

Мингурюк настолько разрушен, что реконструировать что-нибудь не представляется возможным. Конечно, такие основные компоненты городской планировки, как цитадель и шахристан были. Разбросанные кругом усадьбы феодалов и поселения общинников составляли округу Мингурюка. В этой округе были и свои центры духовной жизни. Одним из таких центров, очевидно, был храм на арыке Зах, посвященный, вероятно, культу предков⁴⁰. В Согде сосуществовали различные религиозные верования; там, как сообщают китайские хроники, поклонялись духу Дэси, огню, злему земному духу, небесному божеству, духу неба, предкам⁴¹. Беруни указывал, что согдийцы поклонялись огню и у них был распространен культ мертвых и Сиявуша — умирающего и воскресающего бога растительности⁴².

Оссуарный погребальный обряд, отмеченный в Согде, в том числе Шаше, позволяет говорить о распространении зороастризма, который не стал однако государственной религией и включил в себя местные языческие культы, которые уживались с культом

³⁸ Б. Г. Гафуров, Таджики, стр. 266.

³⁹ А. М. Беленицкий, Древний Пянджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Автореф. докт. дисс., Л., 1967.

⁴⁰ Древний Ташкент, 127—129.

⁴¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 281, 310, 313.

⁴² Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 236, 255, 258.

бгня. Для согдийской религии предложен термин среднеазиатский маздеизм⁴³.

Оссуарные захоронения на территории Ташкента, связанные со среднеазиатским маздеизмом, неоднократно отмечены в разных пунктах. Самые большие оссуарные некрополи обнаружены до революции на никифоровских землях. Отдельные находки встречались в разных пунктах города⁴⁴.

Возможно, что этот некрополь принадлежал Мингурюку с тех пор, как он возник на берегу Салара. Разные типы захоронений (подбойные и оссуарные), вероятно, свидетельствуют об эволюции идеологических воззрений обитателей города на протяжении IV—VIII вв. За последние годы зафиксирован оссуарный некрополь на улице Академическая и на холмах Ногайкургона. Исследования Ташкентского археологического отряда прибавили к этому списку еще один некрополь за городской стеной городища Ханабад, датируемый VII—VIII вв.

Характеристика описанных памятников городской культуры на территории Ташкента, как отмечалось, не дает оснований к тому, чтобы говорить о зарождении городской культуры на территории города ранее IV—V вв. Но ее наступательный характер очевиден.

Шашский регион, как и все области Мавераннахра, в канун арабского нашествия находился в зените расцвета, проявившегося во всех областях экономики и культуры. Несомненна роль Шаша в политической жизни Мавераннахра, как это явствует из фактов политической истории, но также очевидна его роль в объединении и развитии кочевнических и оседлых культур. В этническо-культурном синтезе рождалась самобытная духовная и материальная культура народов Шаша, которая имеет, как отмечалось многими исследователями и подтверждается нашими материалами, некоторые отличительные черты с несомненно общим фоном культуры Мавераннахра.

Процесс культурно-этнического объединения был прерван арабским нашествием. Археологическими исследованиями отмечены следы катастрофических разрушений в городах Шаша и Ферганы, отмеченные мощными слоями пожарищ и отсутствием остатков материальной культуры, указывающих на обживание городов в VIII—IX вв. Это обживание начинается где-то с конца IX — начала X вв. Восстановление хозяйственной жизни Мавераннахра стало возможным лишь в IX в. Вновь возрождаются караванная торговля, ремесло и сельское хозяйство, понесшие тяжкий урон в результате гибели гидротехнических сооружений и оросительных систем в VIII в.

⁴³ Живопись древнего Пянджикента; Б. Я. Ставиский, О. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, МИА, 1953, № 37.

⁴⁴ Е. Т. Смирнов, Древности в окрестностях города Ташкента, стр. 10—11; Н. П. Остроумов, Новые данные о глиняных погребальных урнах, ПТКЛА, вып. XI, Ташкент, 1906, стр. 42; В. В. Бартольд, Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 154—171.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Раннесредневековые города и поселения в округе Ташкента	6
Городище Ханабад	6
Памятники в долине Салара и Карасу	49
Новые данные археологического изучения городища Бинкет	72
Продукция гончарного ремесла Бинкета	80
Историко-топографический обзор района Ташкента	115

Древности Ташкента. (Отв. ред.
акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов.) Т.,
«Фан», 1976
17 с. с рис.

902.6 (С52)

ДРЕВНОСТИ ТАШКЕНТА

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Э. Хуршут
Художник Е. Владимиров
Технический редактор Т. Шалюк
Корректор Н. Шибина

Р08346. Сдано в набор 22/VI-76 г. Подписано к печати 23/VII-76 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Бум. л. 4,125. Печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 8,0.
Изд. № 1720. Тираж 1200. Цена 80 к. Заказ 167.

Типография Издательства «Фан» УзССР: г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 80 к.

